Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЕНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
член-корреспондент РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ
Макет
Н.В.СМИРНОВА

© ИНИОН РАН

РОССИЙСКАЯ · АКАДЕМИЯ · НАУК
RUSSIAN · ACADEMY · OF · SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

Россия и современный мир

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(50)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия, век XXI: Экономический успех без развития и демократии?
Russia, 21st Century: Economic Success without Development and Democracy?

Новые расколы в политической культуре России
New Cleavages in Russia's Political Culture

Социальная ответственность бизнеса
Social Responsibility of Business

Достоевский и Ницше о России в европейском контексте
Dostoevsky and Nietzsche on Russia in the European Context

Последние годы и смерть Троцкого: Еще одно свидетельство
Last Years and Death of Trotsky: Another Eye-Witness Account

МОСКВА
2006

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Р.С.Гринберг
Россия в начале XXI века: Экономический успех без развития и демократии? **5**

И.И.Глебова
Политическая культура современной России: Новые расколы **17**

В.А.Ковалев
«Русская система». Фантастический вариант **40**

А.Ю.Сидоров
Социальная ответственность бизнеса **61**

А.М.Кулькин
Заложники власти. Наука и образование в России сегодня **73**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

R.S.Grinberg
Russia in the Beginning of the 21st Century: An Economic Success without Development and Democracy?

I.I.Glebova
Political Culture of Contemporary Russia: New Cleavages

V.A.Kovalev
The «Russian System». A Fantastic Version

A.Yu.Sidorov
Social Responsibility of Business

A.M.Kul'kin
The Authority's Hostages. Science and Education in Today's Russia

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: 101 ГОД СПУСТЯ

А.Б.Зубов
Почему не воплотились «бессмысленные мечтания» (Манифест 17 октября 1905 г.) **92**

Г.З.Головков
1905–1907. Вехи обоюдного насилия власти и революции **114**

THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION: 101 YEARS AFTER

A.B.Zubov
Why Were the «Senseless Dreams» Not Realized (The Manifesto of October 17, 1905)

G.Z.Golovkov
1905–1907. The Cornerstones of Mutual Violence of the Regime and the Revolution

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

И.Я.Левяш
Европейский дискурс Достоевский – Ницше **129**

I.Ya.Levyash
An European Discourse of Dostoevsky and Nietzsche

Б.Й.Желицки
Кадаровский контекст советско-венгерских отношений, 1957–1988 **147**

B.J.Zselicki
The Janos Kadar Context of the Soviet-Hungarian relations. 1957–1988

М.В.Шубина
Европейские ультраправые в эпоху глобализации **163**

M.V.Shubina
The European Ultra Right in the Era of Globalization

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

CLASSICAL HERITAGE

К.Ф.Головин
Вне партий: Опыт политической психологии. (Предисловие И.Л. Беленького) **179**

K.F.Golovin
Outside Parties: Experience in Political Psychology. (Foreword by I.L. Belenkiy)

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

FACTS, EVENTS, PEOPLE

Еще одно свидетельство последних лет жизни и гибели Л.Д. Троцкого **192**

Another Eye-Witness Account of the Last Years and Death of L.D. Trotsky

В.В.Леонидов
Возвращение «Родины» **206**

V.V.Leonidov
The Return of «Rodina»

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

Л.П.Репина, М.С.Бобкова
Общество интеллектуальной истории: Опыт междисциплинарного сотрудничества **211**

L.P.Repina, M.S.Bobkova
The Society of Intellectual History: Experience in Interdisciplinary Cooperation

Е.С.Данилко
Ассоциация этнографов и антропологов России **214**

E.S.Danilko
The Russian Association of Ethnographers and Anthropologists

Т.В.Поляченко
Новые горизонты международного научного сотрудничества ученых-экономистов **218**

T.V.Polyachenko
New Horizons of Interdisciplinary Scholarly Cooperation of Economists

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

SURVEYS, DIGESTS

Майер К.
Пыль империи. «Большая игра» в Центральной Азии **221**

Meyer K.
La polvere dell' impero. Il «grande gioco» in Asia centrale

Хаген М.
Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветской эпохи **225**

Hagen M.
Empires, Borderlands and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era

Эш Т.
Свободный мир. Почему кризис Запада предоставляет нашему времени благоприятную возможность **229**

Ash T.
Free World. Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of Our Time

БИБЛИОГРАФИЯ

BIBLIOGRAPHY

И.Л.Беленький
Историческая наука в социально-политическом и идеологическом контекстах советской и постсоветской эпох: Историографические исследования и публикации второй половины 1980-х – 2005 гг. (Материалы к библиографии. Продолжение) **231**

I.L.Belenkiy
Historical Science in the Socio-Political and Ideological Contexts of the Soviet and Post-Soviet Epochs: Historiographic Studies and Publications of 1985–2005 (bibliographic materials. A continuation)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Р.С.Гринберг

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УСПЕХ БЕЗ РАЗВИТИЯ И ДЕМОКРАТИИ?

**Гринберг Руслан Семенович –
доктор экономических наук,
директор Института экономики РАН.**

Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. Причем это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству – при всех задержках и даже откатах – сохраняются. Главное – уметь извлекать уроки из недавнего прошлого и не делать новых ошибок. А такая опасность есть...

Но прежде чем о ней говорить, попытаюсь охарактеризовать промежуточные итоги «русской» трансформации и показать, как она может протекать в обозримой перспективе.

Справедливости ради надо признать целый ряд состоявшихся положительных итогов реформ. Ее очевидное достижение в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчезли унизительные дефициты товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право бывших советских людей на «уют». Особенно отрадно, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива людей. Происходит становление предпринимательского класса, призванного формировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает приобретенные в условиях реального социализма иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнительность в личных доходах, заметен прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги. Наконец, нельзя не отметить, что после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и, худо или бедно, начали

функционировать формальные институты рыночной экономики, т.е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и так далее.

Тем не менее результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами, И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 90-е годы недавно прошедшего столетия Россия явно отдалилась от желаемых социально-экономических стандартов евроатлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны третьего мира с громадной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена.

Конечно, на результативность наших реформ продолжают влиять весьма мощные объективные факторы, делающие системную трансформацию в России исключительно трудной задачей по сравнению с нашими партнерами по бывшему СЭВ. Если в странах ЦВЕ социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, то в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не импортированным «продуктом». Далее надо иметь в виду, что в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном распаде ранее единого государства. Полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчила реализацию своего рода национально-хозяйственного шовинизма, который, как правило, игнорирует соображения экономической целесообразности. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, в том числе и России. Наконец, на старте реформ серьезным бременем для России оказалась огромная доля в ее экономике военно-промышленного комплекса. Как только благодаря Михаилу Горбачеву страна отказалась от в общем-то авантюристической идеи поддержания военного паритета чуть ли не со всем остальным

ным миром, выяснилось, что конверсия гипертрофированно милитаризованного производства потребует неизмеримо больше затрат, чем даст выгоды от нее.

Тем не менее без всякого риска преувеличения можно утверждать, что подавляющее большинство населения страны вынесло из опыта прошедших перемен следующий вывод: разочаровывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны и лишь во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями. Чрезвычайно высокая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированными.

Об ошибках «действующих лиц и исполнителей» российских реформ, казалось бы, уже так много сказано и написано, что трудно добавить что-то новое. И все же имеет смысл вновь обратить внимание на мировоззренческую природу просчетов и упущений в политике реформ как, впрочем, и в экономической политике в целом, поскольку актуальность вопроса нисколько не уменьшилась. Я имею здесь в виду ярко выраженную склонность как вчерашних, так и сегодняшних реформаторов к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд (иллюзий) и распространенных заблуждений (мифов).

Среди иллюзий я отметил бы, прежде всего, принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада в целях достижения его экономических и социальных стандартов, а также абсолютизацию универсальных экономических закономерностей без учета специфики места и времени. Сюда же следует отнести убежденность в необходимости максимально высокой скорости перемен как решающего фактора их необратимости, что реформаторы имели обыкновение объяснять опасениями коммунистического реванша. Кроме того, в разряд иллюзий уместно включить благостное отношение к взаимодействию стран в современном мировом хозяйстве без учета различий в их экономических потенциалах. С самого начала радикальных реформ было принято считать, что быстрая открытость экономики России благотворна, постепенная и дозированная – вредна.

Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пронизывающем «основное русло» современной экономической мысли, но имеющем мало общего с реальной действительностью. Во-вторых, сюда же следует отнести возведение в ранг объективной закономерности тезиса об органической слабости государства в «транзитных» странах и особенно в России. Из этого тезиса вытекал вывод, что здесь вмешательство государства в экономику должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. И, наконец, в-третьих, в качестве мифа надо рассматривать приверженность реформаторов

теории «обузы», согласно которой Россия быстрее вольется в лоно сильного Запада без слабых сателлитов в лице постсоветских республик. При этом почему-то господствовало представление, что новые суверенные государства, бывшие республики СССР, не смогут выжить без новой России.

Именно потому, что с самого начала ельцинского периода реформ их инициаторы в силу магического мышления сделали ставку на всесилие ложно понятой «экономической свободы», страна не в состоянии вырваться из оков примитивного производства и массовой бедности на траекторию устойчивого хозяйственного развития на базе освоения, тиражирования и экспорта научно-технических новшеств.

Экономический рост последних пяти лет, на три четверти обусловленный благоприятной внешней конъюнктурой на мировых рынках топлива и сырья, не ведет ни к диверсификации, ни к модернизации производства. Соответственно, нет и никаких признаков интеграции страны в глобальную постиндустриальную экономику. Россия экспортировала в 2001 г. высокотехнологичной продукции на сумму 3,2 млрд. долл., что в 60 раз меньше, чем США, в 16 раз меньше Китая и даже в 2 раза меньше, чем Венгрия. Экспорт «интеллектуальной» продукции достаточно точно отражается числом патентов за границей, где картина такова: в 2000 г. Россия имела 547 патентов, в то время как США – 98 682, а Тайвань – 2486.

В стране обостряется противоречие между еще хорошим образованием и все более примитивной экономикой. Целый ряд российских вузов в последние годы готовит кадры фактически на экспорт. Государство теряет человеческий капитал в лице дипломированных специалистов, не нашедших работу по специальности в России и наращивающих теперь научный и технический потенциал стран, к стандартам которых она стремится приблизиться.

Судя по всему, и президент, и правительство отдают себе в этом отчет, понимая, что фактически Россия стоит перед дилеммой: останется ли она и впредь экспортером преимущественно топлива и сырья или все же сможет занять достойное место в постиндустриальной глобальной экономике. С высоких трибун постоянно говорится, что в последние годы зависимость страны от экспорта энергоносителей и сырья достигла критического уровня, и это уже представляет собой угрозу для ее национальной безопасности. Утверждается также, что, не снижая объемов поставок сырья, необходимо целенаправленно, год за годом изменять структуру российского промышленного производства и экспорта в пользу готовых изделий, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Но какие же средства предполагается задействовать для достижения данной цели?

В кругу лиц, ответственных за экономический блок в правительстве, по-прежнему принято считать, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, в результате активизации рыночных сил саморегулирования. А

чтобы эти силы «работали» без помех, правительство сосредоточит свое внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике, и позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и, соответственно, о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо говорят в этой связи о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении прав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении сформировавшейся в 1990-е годы «экономики льгот и привилегий». Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесторов в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы (так называемые структурные реформы).

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Тенденция примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энергосырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит всякие перспективы для развития.

Изложенному варианту развития событий все еще сохраняется реальная альтернатива, которую я попытаюсь обозначить чуть позже. Здесь же мне кажется уместным остановиться на весьма важной роли Запада в российской трансформации вообще и его советах нашим реформаторам, в частности.

Все указывает на то, что характер отношений новой России с Западом полностью укладывается в схему, сложившуюся со времен Петра Великого, и которую можно было бы обозначить как партнерство, основанное на «любви и обиде» со стороны России и «снисходительного любопытства и страха» со стороны Запада. Ясно, что такое партнерство не может быть ровным и бесконфликтным. По своей природе оно запрограммировано на предрассудки, недоразумения и маятникообразные колебания.

Выше я уже отмечал, что ошибкой российских реформаторов стало безоговорочное принятие актуальных западных императивов в экономической и социальной политике без учета особенностей отечественной реальности. Строго говоря, страну поразил очередной приступ старой, если не сказать, хронической болезни российского реформаторства, суть которой, как известно, сводится к патологическому синдрому подражательства как следствию фетишизации западного мира и его социальных идей. То, что на Западе является феноменом живой жизни, т.е. результатом естественного развития, в сознании российской

интеллигенции (а именно она в конце 1980-х – начале 90-х годов определяла «дух и букву» реформ), как правило, отражается в виде борьбы идей и принципов. А в качестве результата такой борьбы получается некий набор заимствованных императивов, который надо во что бы то ни стало реализовать в родном отечестве, не считаясь ни с его текущими реалиями, ни с ментально-цивилизационными особенностями собственной истории. Такой догматический подход к «сверхмодным» западным доктринам указывает, кстати, на кровное родство революционеров 1917 г. и радикальных реформаторов нашего времени. Просто в первом случае в России победил радикализм левого толка, а во втором – правого.

В обоих случаях, как теперь становится очевидным, эти победы оказались пирровыми. И дело здесь не только в том, что заимствованные на Западе сначала социалистические, а потом и либерально-консервативные идеи применялись и применяются в России в неадаптированном виде. Поражения российских преобразований при любом их содержании неизбежны, пока их инициаторы не избавятся от нетворческого паразитирования на другой культуре и явной склонности к онтологизации теоретических схем. Вот и теперешним находящимся во власти неолиберализма ревнителям явно не хватает чувства реализма, критического мышления и исторического чутья. А подчас и инстинкта самосохранения... Иначе, трудно понять, почему они с таким маниакальным упорством продолжают ставить над страной явно неудавшийся радикально-либеральный эксперимент. Постоянно настаивая на необходимости проведения новых «непопулярных» реформ, хорошо бы подумать, как быть с последствиями старых, а именно с хищнической приватизацией, беспрецедентной имущественной поляризацией, нелегитимностью в общественном мнении крупной частной собственности, криминализацией экономики, и без того почти уже разрушенной государственной системой социальной защиты. Но при чем тут Запад?

Запад, конечно же, не виноват или почти не виноват в российских бедах. Он не виноват в «шокирующем провале шоковой терапии». Он даже не виноват в том, что в условиях то ли мнимой, то ли реальной «пересоциализации» собственной экономики (для предмета нашего рассмотрения это не так важно) фактически советовал России вернуться к такому капитализму, который, по словам одного американского экономиста, «приводил бы в ужас Карла Маркса». Суверенное государство, а Россия является именно таковым, вправе следовать или не следовать любым советам, откуда бы они ни исходили. Наконец, вряд ли можно винить Запад и в том, что за годы системной трансформации, по мере роста разочарованности в реформах, маятник отношения россиян к нему последовательно двигался от пункта «почти абсолютное обожание», приблизившись к пункту «обида и отчуждение». Запад, конечно, был обрадован окончанием опасного противостояния Востока и Запада, инициированным Михаилом Горбачевым. Но ничего за это не обещал. Россияне же почувствовали

себя дважды обманутыми, ибо, во-первых, вслед за роспуском Варшавского договора ожидали роспуска НАТО (а оно не только не исчезло, а наоборот, даже увеличилось за счет стран-сателлитов бывшего СССР), а во-вторых, плачевные результаты реформ во многом связываются в их сознании с советами Запада. Как бы то ни было, в российском общественном сознании он перестал восприниматься как «образец добра и надежды».

В России говорят: «От любви до ненависти один шаг». Так далеко, к счастью, дело не зашло. Но тенденция, которую с некоторой степенью условности можно было бы обозначить как «веймаризацию России», к сожалению, имеет место. И, не желая ее усиления, что, несомненно, повредило бы интересам и России, и Запада, рискну обратить внимание на некоторые аспекты в поведении Запада, которые представляются мне контрпродуктивными. При этом для меня совершенно очевидно, что, несмотря на всю свою самобытность, Россия в культурно-цивилизационном отношении принадлежит Европе, а стало быть, и Западу. Просто мы на несколько веков позже приступили к освоению принципов и достоинств демократического общества. И данный процесс, протекающий, как видим, с большими трудностями, далек от завершения. Собственно, этот временной разрыв и лежит, по-моему, в основе наших различий в мыслях и поступках, что при всей глубинной – иудео-христианской – общности морально-этических основ бытия порождает время от времени взаимные недоразумения, подозрения и страхи. Отдаю я себе отчет и в том, что Запад – разный и поэтому советы, которые он щедро раздает остальному миру, тоже разные. И все-таки должен констатировать, что сегодня в сторону России чаще и громче звучат неконструктивные советы, и этому в немалой мере способствует, как мне кажется, прочное преобладание в западных СМИ черно-белых или, во всяком случае, явно односторонних оценок противоречивой российской ситуации.

Скажем, безусловно ошибочной является установившаяся на Западе с начала 1990-х годов традиция подсказывать российской правящей элите, что только быстрая деэтатизация по максимально широкому охвату жизненных сфер обеспечит успех реформ. С подачи Международного валютного фонда и других влиятельных структур мирового сообщества постсоциалистическим странам предписывается неуклонно свертывать государственную поддержку социальной сферы во имя экономической эффективности. И российские реформаторы зарекомендовали себя в этом отношении едва ли не лучшими учениками. Состояние образования, науки, культуры и здравоохранения в России уже плачевно, но настоящие «непопулярные» реформы еще только впереди. Я не могу точно сказать, насколько теперешний Запад «пересоциализирован» и насколько надо сократить пособие теперешнего немецкого безработного, чтобы побудить его к эффективному труду (любому?) во имя повышения конкурентоспособности экономики ФРГ. Но я точно знаю, что сегодняшняя Россия страдает не от

«пересоциализации» жизни, а, наоборот, от ее очевидной «недосоциализации», под которой я понимаю вопиющую социальную поляризацию, архаизацию трудовых отношений и вообще демодернизацию общества. Забавно и в то же время грустно слышать и читать в этой связи хвалебные слова в адрес российских реформаторов, сумевших навязать обществу плоскую шкалу налогообложения личных доходов, отказывающихся от всякого валютного контроля, от систематического субсидирования сельского хозяйства, стремящихся приватизировать все и вся и уже почти сбросивших государственную ответственность за социальную сферу. Еще более забавно наблюдать, как иной западный эксперт предостерегает российских партнеров не повторять «ошибки» Запада второй половины XX в., когда распространение государственных интервенций якобы препятствовало «правильному» экономическому развитию. Здесь уместно вспомнить, что «золотой век» Запада и особенно ФРГ как раз пришелся на эту половину, когда впервые в германской истории в результате грандиозного «экономического чуда» сформировался зажиточный средний класс и тем самым осуществилась мечта Людвига Эрхарда – «Wohlstand für alle». Причем именно для всех, а не для удачливого меньшинства, как бы оно этого благосостояния ни заслуживало.

Каждый, кто советует российским реформаторам и дальше демонтировать социальное государство, должен отдавать себе отчет в том, что социальность у нас уже и без того почти виртуальна и фактически презираема. Он также должен понимать, что это две очень разные вещи – ратовать за «стройность» государства в ФРГ и в России. В первом случае не исключены классовые бои за сокращение пребывания безработного на Канарских островах с 10 до 7 дней, а во втором – речь идет о переходе весьма значительной части населения из бедности в нищету. Кстати, наше государство уже намного «стройнее немецкого»: у нас отношение расходов государства к ВВП едва достигает одной трети, а в ФРГ аналогичный показатель составляет почти 50%.

Советы и рекомендации Запада бывают полезными и эффективными только тогда, когда он высокомерно не отрицает опыт других и не утрачивает способность понимать, что этот опыт – не сплошное недоразумение, которое следует побыстрее преодолеть через внедрение западных стандартов сегодняшнего, а еще лучше завтрашнего дня. Установки в духе «делай не как мы, делай лучше нас» – худший вид западного мессианства, ибо закрепляют монополию на истину и, как правило, только усиливают сопротивление необходимым реформам. Но есть, к счастью, иной, более мудрый и толерантный Запад, понимающий, что жизнь других – это такой же естественный органический процесс и что с этим надо считаться, не упуская из виду содержание и вектор перемен.

Как-то во время посещения послом Германии в РФ Хансом-Фридрихом фон Плетцем редакции газеты «Новая газета», куда меня пригласили задать ему

какой-нибудь каверзный вопрос, я спросил его, почему со стороны представителей германской политической элиты мы часто слышим похвалы в адрес антисоциальных, якобы либеральных действий нашего правительства? Признаться, ответ посла настолько меня поразил своей точностью и проницательностью, что позволю себе привести его почти полностью. «Диалог – сказал он, – который ведется Россией с немцами или с другими западными партнерами, часто следует одному образцу, который можно проиллюстрировать почти механически: западные собеседники делают моментальный снимок того, что видят в России, и сравнивают его с западной картинкой. Это хороший инструмент для анализа действительности, но его одного, конечно, не достаточно. Я недавно провожал домой коллегу-посла и советовал ему, что рассказывать в Германии о России. Я предложил ему процитировать Джорджа Кеннана: "Дайте им время, дайте им возможность быть русскими". И далее: "Путь, по которому народ продвигается к достоинству и просвещению в управлении, – это отражение наиболее глубинных и интимных процессов национальной жизни. Нет ничего менее понятного для иностранцев"» (цит. по: «Новая газета», № 54, 29.07 – 01.08.2004 г.) В общем, надо отдавать себе отчет в том, что формирование «правильной» институциональной среды – процесс в значительной мере органический. Особенно если речь идет о вызревании институтов как норм, традиций и обычаев. Сетовать на то, что они пока далеки от западных стандартов, по меньшей мере, бесполезно. Но так же мало смысла и в форсированном преодолении обнаружившегося разрыва.

В любом случае из максимы Кеннана следует, что исключительно контрпродуктивно делить «осовечиваемый» народ на «прогрессивный» авангард и «отсталую» массу, безоговорочно поддерживая первый и игнорируя положение и чаяния второй. А ведь именно так и было на протяжении, по меньшей мере, всех 90-х годов прошедшего века, когда официальный Запад все прощал ельцинскому правящему дому, видя в народе как объекте правления некую регрессивную силу, будто бы только и жаждущую восстановления коммунистической власти.

Много веков назад творческий критический дух европеизма, а следовательно и Запада, дал миру великие принципы свободы и демократии. Но лишь совсем недавно в его недрах сформировались достойные человека социально-экономические стандарты бытия, разрушившие, казалось бы, вечную легитимность классового общества. В результате здесь впервые в новой истории реализована почти идеальная комбинация «свободы и достатка» для большинства. Остальному человечеству до этого еще далеко, но движению к указанной норме, по-видимому, нет альтернативы.

И лучшая услуга, которую может оказать современный Запад остальному человечеству, в частности, России, – всяческое содействие этому движению

как процессу укоренения ценностей и институтов гражданского общества и социального государства, отказ от поддержки конкретных носителей идей крайнего либерального декаданса с их презрительным отношением к «косной массе», псевдорелигиозной восторженностью перед последним словом «всегда верной» западной мысли и перманентной готовностью к ее яростно-большевистскому внедрению на родной почве. Словом, я убежден, что Запад и Россия только выиграют, если систематическую поддержку будет получать не «одинокая группа отважных рыночников-либералов (тем более что многие из них являются таковыми только по самоназванию), а развитие реально работающих институтов цивилизованного рынка и плюралистической демократии. При этом было бы в высшей степени разумно не форсировать процессы становления того и другого, а руководствоваться древней китайской поговоркой: «Не бойся идти медленно, бойся остановиться». К месту здесь, пожалуй, и российская поговорка – «каждому овощу свое время».

Не могу далее не коснуться необоснованных, на мой взгляд, опасений теперешнего Запада по отношению к любым попыткам хоть как-то консолидировать постсоветское пространство. Судя по всему, за этим скрывается преувеличенный страх перед восстановлением мощной советской империи, отражающейся в советах новым независимым государствам преодолеть комплекс «искушения интеграцией». На самом деле, это никакой не комплекс, а вполне здоровая идея. Ведь никто не ставит под сомнение в сущности аксиоматическое утверждение о бесспорных преимуществах единого экономического и валютного пространства над фрагментированным. Даже в своем сегодняшнем в высшей степени интегрированном состоянии страны ЕС сильно проигрывают США как полностью однородному хозяйственному пространству. Так что стремление хоть как-то организовать и консолидировать экономическое взаимодействие между бывшими республиками СССР, остающимися за пределами ЕС, не имеет ничего общего с имперскими амбициями России.

Вернусь теперь к желаемой альтернативе проводимому неолиберальному курсу российского правящего дома. Я вижу ее в активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности избранных отраслей и секторов российской экономики. Но такая альтернатива не может реализоваться спонтанно, без рационального поведения государства. А это предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Кстати, только тогда появится шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, большей его части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК, могущие участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Правда, здесь всегда надо считаться с другой крайностью, а именно с вполне вероятным разрастанием государственного экспансионизма, грозящего прийти на смену безбрежному либерализму 90-х годов.

А опасность такая есть, так как в российском социуме, причем даже в его либерально-демократическом сегменте, явно зреет идея инициировать выполнение некой величественной мобилизационной программы, осуществление которой якобы вернет стране статус великой державы. Прежде всего, должен заметить, что у меня большие сомнения по поводу желания нашего народа приступить к выполнению такой величественной программы, какую бы благородную цель она ни преследовала.

Наступившее сегодня разочарование в идеалах рынка и демократии (будем надеяться, временное) совсем не обязательно означает, что в обществе есть тоска по реваншу или коллективная готовность включиться в строительство чего-либо грандиозного. Скорее, надо согласиться с теми социологами, которые утверждают, что усвоение россиянами индивидуалистических ценностей состоялось. Правда, связано это не с развитием сознания в духе протестантской этики, а, так сказать, с атомизацией социума, т.е., проще сказать, с разобщением людей, в своем подавляющем большинстве занятых чистым выживанием.

Что же касается целесообразности мобилизационной альтернативы в теперешних российских условиях, то здесь уместно заметить следующее. Насколько мне известно, реализация всех великих «телеологических» государственнических проектов, независимо от того, были ли они утопичны или реализуемы, как правило, сопровождались ужасающим угнетением личных свобод. И наоборот, как только в стране раскрепощалась личная инициатива и человек получал право на выбор, государство как таковое начинало стремительно утрачивать свое величие и подчас даже суверенитет. Совсем не обязательно, что и сегодня перед нами та же фатальная дилемма. У истории нет сослагательного наклонения, но всегда есть альтернативы. Однако в сегодняшней России благие намерения модернизировать страну посредством тотальной мобилизации могут не ограничиться развертыванием, скажем, общественных работ. Скорее всего, идущий на смену ельцинской полуанархии «просвещенный» авторитаризм быстро избавится от своего прилагательного, что почти гарантированно повлечет за собой приостановку движения к социальному рыночному хозяйству, гражданскому обществу и устойчивой плюралистической демократии.

В заключение выскажу свою оценку качества и перспектив российского государства как института в целом. Выясняется, что в стране существует весьма широкий консенсус по поводу того, что сегодня оно слабо и неэффективно. Исследователи и действующие политики практически едины в том, что современное государство игнорирует народные нужды, сильно зависит от частно-групповых интересов, не помогает отечественным предприятиям в международ-

ной конкурентной борьбе, не оказывает содействия малому и среднему бизнесу, в высшей степени бюрократизировано и коррумпировано, вмешивается в экономику там, где не нужно, а если там, где нужно, – то, как правило, слишком поздно и т.п. Особенно забавно (и здесь уникальность России, без всякого преувеличения, абсолютна), что его с не меньшей страстью критикуют за перечисленные грехи первые лица правящего дома. Но самое грустное в этой истории – вывод, который все более настойчиво навязывается обществу: раз государство слабое, давайте передадим максимум его традиционных функций частной инициативе. Тем более, что в стране уже стали на ноги крупные частные компании с «хорошей капитализацией». Есть в пользу этого императива и якобы неопровержимые ссылки на опыт Запада. Здесь и «что хорошо для Дженерал Моторс, то хорошо и для Америки»; и нечто относительно новое типа «ТНК, а не национальные государства правят бал в современном мире» и «социальная ответственность крупного бизнеса эффективнее государственной активности в социальной сфере». Причем все это поддерживается мощным пиаром теперешней государственно-монополистической власти, взявшей, как уже отмечалось, решительный курс на дальнейшее сокращение бюджетных расходов.

Этот вывод неверен и опасен. Государство и бизнес имеют принципиально разные сферы функционирования и ответственности. И эмпирически, и теоретически доказано, что существуют целые области жизнедеятельности, где одна только частная инициатива в принципе не применима из-за их врожденной убыточности. Речь идет об инфраструктурных отраслях экономики и социальном секторе в широком смысле, в который входит значительная часть науки, образования, культуры и здравоохранения. В данном случае мы имеем дело с совершенно определенными общественными интересами, которые не сводятся к интересам отдельных индивидуумов. Так что выбор здесь не между частным капиталом и государством, а между отсутствием всяких инвестиций и систематическими государственными вложениями.

Таким образом, истинная альтернатива слабому государству – не сильные компании и не так называемая социальная ответственность крупного бизнеса, а сильное государство. И современная теория, и практика так называемых цивилизованных стран – их теперешняя антиэтатистская риторика не должна вводить в заблуждение – неопровержимо свидетельствуют: государственная активность и частная инициатива взаимодополняемы, а не взаимозаменяемы! А связывает их институциональная среда, часть которой также формируется соответствующими действиями государства. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. Но, как точно заметил Фридрих Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями».

И.И.Глебова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВЫЕ РАСКОЛЫ

Глебова Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, докторант ИНИОН РАН.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что в России в последние два десятилетия образовался новый тип социальности и политической организации. По существу, ему нет аналогов в прошлом. И в то же время он, безусловно, имеет исторические корни. В целом это сложный сплав «современности» с элементами (разного) прошлого: очень знакомые, хорошо узнаваемые его «остатки» (а также воспоминания о нем) сложились в какую-то новую мозаику. Я бы выделила следующие определяющие черты этого «русского modernity».

Одна из главных характеристик современного типа социальности – раскол, сосуществование в рамках одной национальной культуры двух враждебных культурных укладов (или, как сказал бы В.О. Ключевский, – «складов»). В начале XX в. был преодолен конфликт двух типов цивилизаций, стянутых в одну культуру, порожденный Петром I (1). Коммунистический порядок устранил фундаментальное противоречие мировоззренческих принципов и типов социальности дореволюционной России – традиционалистской, старомосковской субкультуры, включавшей в себя основную массу населения, и европеизированной субкультуры верхов. Произошло это путем уничтожения обеих этих субкультур; уничтожения как физического, так и ментального. После 1917 г. утвердились одна («на всех») культура, один тип политического, одна (обще) народная власть.

Выход из коммунизма привел к новому социокультурному расколу – внешне на экономической почве (2). Из одних и тех же исторических корней выросли и новая культура социальных верхов, условно «нефтегазовая», и новая массовая, так же условно – культура «резервации». Первая, как бы (именно «как бы») прозападная, космополитичная, родилась в ответ на социальную трансформацию, изменение образа страны. Принадлежность к «нефтегазовой» культуре стала для верхов способом (фактором) преодоления своей «русскости», изживания национальной идентичности. Эта культурная среда открыта вовне – как

нефтяная или газовая труба на Запад. Ее и питает эта «труба», берущая начало в российских месторождениях и вливающаяся в западные банки. Вторую культуру питает «почва», «закрытая» среда, отчужденная от основных материальных ресурсов и поддерживаемая рублевыми депозитами в Сбербанке. Раскол между ними столь же глубок, как в XVIII–XIX вв.; его нельзя свести к обычному противостоянию верхов и низов, характерному для любого общества. Он воссоздал ситуацию двух Россий (с разными идентификациями), обрек их на борьбу по основополагающим вопросам русской действительности. В дальнейшем культурный разрыв двух типов миропонимания и социальной реализации будет, видимо, углубляться.

* * *

С социально-экономической точки зрения «нефтегазовую» культуру олицетворяют 2% населения – лица со сверхвысокими доходами, «концентрат» «высокой» культуры (3). Обслуживающий и амортизирующий их слой («прослойка», как когда-то совинтеллигенция) – около 20% общего числа российских семей, которые относятся к обобщенному среднему классу(его «ядро», обладающее всеми базовыми характеристиками «среднеклассовости» – 7% домохозяйств) (4). Основная часть «средних» включена в относительно эффективные сектора экономики, в которых фокусируется экономическое оживление (5).

Культуру «резервации» представляют, прежде всего, самые низшие слои, находящиеся за чертой бедности. «Большинство этих людей относится к традиционно бедным категориям (пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды и др.), материальное положение которых определяется главным образом возможностями государственных финансов и системы социальной защиты» (6). Основная же часть «почвы», подавляющее большинство (примерно 70%) российских домохозяйств – это та «промежуточная группа», которую специалисты описывают формулой «уже не низшие, но еще и не средние» (7). Если экономический рост укрепляет материальное положение наиболее обеспеченных доходных групп, а прямое регулирование доходов дает шанс на выживание наиболее бедным, то группа «ниже среднего слоя» (т.е. большинство населения современной России – народ, «почва») оказалась «слабым звеном», проблемной социальной зоной. Она – за кадром экономической и социальной политики; «импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от попыток правительства поднять уровень жизни населения, сюда либо вообще не доходят, либо доходят в усеченном виде» (8).

«Промежуточная группа», вобравшая в себя значительную часть «почвы», удобренной «новыми бедными», – наш квазианалог западноевропейского и американского среднего класса. Там 60–70% населения – основа социального благополучия, гарант и стабилизатор демократии, рыночной системы хозяйства. У нас эта открытая, аморфная, неопределенная среда – основа Порядка. Дезориен-

тированная, лишенная внутренних органических скреп, нацеленная на выживание (т.е. простое воспроизводство), готовая минимизировать потребности в обмен на минимальную гарантированную социальную поддержку, она легко поддается манипулированию. Используя тот факт, что «российское сознание остается неустойчивым и амбивалентным» (9), власть, «элиты» гасят нежелательные процессы, конденсируют и используют бродящие в этой среде призраки, мифы, воспоминания, надежды. Конечно, для поддержания социального мира, но, главным образом, для сохранения себя. И группа «ниже среднего», которой как нельзя лучше подходит определение «никакой класс», выступает ее, власти, союзником. При полном несовпадении их коренных интересов, социальных возможностей и устоев, жизненного уклада.

Итак, в ходе «демократических преобразований» меньшинство (2% «избранных» + 20% «приближенных») получило возможность жить – приобщиться к обществу потребления, насытиться (по мере возможностей) материей, увидеть мир – и стать его частью, создать «стартовую базу» для детей, ощутить вкус перемен, испытать «шок будущего». Большинство населения принуждено выживать – само по себе и тихо. «Новое молчаливое большинство» в России со своими проблемами существует помимо и вне зоны публичности – там правят бал собственно «новые русские» со своими вкусами, ценностями, интересами, представлениями о жизни. Большинство может приобщиться к ним на виртуальном уровне в качестве зрителей, иногда получая приглашение «посоучаствовать» – в праздниках, зрелищах, выборах, «игрищах» – в качестве массовки. Поэтому «нефтегазовая» культура приобретает значение «легальной», а «почвенная» – «подпольной» (10).

* * *

Уникальность современной ситуации состоит в том, что все метаморфозы, расколы и трансформации произошли без обычных русских ужасов – крови, гражданской войны, внешних эксцессов, закрепощения и эксплуатации всего и вся. Напротив, свобода – главный атрибут «постсоветскости». Власть – и ельцинская, и путинская – оставила населению все значимые для него свободы, а также заботу об обеспечении возможностей ими пользоваться. Традиционно русская власть, русская государственность, высшее «служилое сословие» проявляли необычайную активность в создании «всеобщих условий производства», жестокого механизма извлечения и централизованного распределения ограниченного по объему совокупного прибавочного продукта, а также обеспечения внешней, оборонительно-наступательной функции. Это породило «всемогущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующий ей суровый режим внутреннего подавления сословий» (11). А также сводило до минимума формы индивидуальной деятельности, тормозило естественный процесс

общественного разделения труда, препятствовало формированию механизмов самоорганизации общества. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был «наверху».

Современность совершенно изменила ситуацию. Постсоветская власть существует вне и помимо общества. В действительности она не способна (в полной мере, соответствующей нуждам социума) к социальной интеграции, обеспечению развития; а потому не нуждается в закрепощении сословий, всеобщем принудительном труде, создании особого всеобъемлющего государственного сектора экономики, предельной консолидации господствующего слоя. Слабость, ресурсная ограниченность не позволяют ей выполнять (эффективно и в полном объеме) «несущие» функции управления – административное, хозяйственное, судебно-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, идеология и т.д. (12). Социальная неэффективность государства, господствующих групп есть проявление упрощенности, примитивности самоорганизации современного российского общества.

Одновременно это показатель того, как изменились условия существования страны в конце XX – начале XXI вв. По наблюдениям разных исследователей, русский мир с конца XV в. развивался прежде всего в пространстве, а не во времени. «Но в пространстве не ограниченном, не редуцированном к какому-то локусу, а потому «требующим» весьма интенсивных форм социального контроля. Иначе оно бы распалось, а народ, «жидкий элемент русской истории» (по В.О. Ключевскому), растекся бы по нему» (13). Стабилизация пространства и народорасселения, свобода передвижения и установления социальных коммуникаций сделали излишними, нецелесообразными чрезвычайные способы контроля, интеграции и эксплуатации социума.

Теперь, когда роль государства, гнет власти свелись до минимума, у народа, кажется, появилась возможность создать что-то альтернативное власти; наконец, самому отвечать за себя. Правда, современное общество лишено того, что придавало относительную устойчивость дореволюционному социуму – самоорганизации общинных миров, земств, структур городского самоуправления. Здесь значительную роль могли бы сыграть церковь, гражданские инициативы, свободное предпринимательство. Могли бы – но не играют.

Что же касается власти, то она готова мириться с вечным хаосом «внизу», который, собственно, и есть русская повседневность, то подмораживая его, то инициируя «потепления». В этом смысле центр тяжести развития остается «наверху»; с верховной властью самим социумом связывается идея порядка. В современной ситуации власть должна приспособиться к сокращающимся пространствам географии и демографии; не допустить, чтобы это сокращение «съело русскую историю». От того, как она справится с этой важнейшей теперь задачей, во многом будет зависеть ее будущее.

В самоустранении от общесоциальных проблем проявляется и истинная природа постсоветской власти, «элиты». Господствующий слой новой России раздроблен на группировки, которые находятся в состоянии перманентной «гражданской войны» за «место», обеспечивающее доступ к ресурсам (точнее возможности их эксплуатации) и сверхдоходным производствам, отраслям и т.п. Все они соучаствовали (и соучаствуют) в создании супермонополий – сырьевых, энергетических, телекоммуникационных и других, которые легко взять под контроль. Классический пример тому – «Газпром», где представителя группировки «советских хозяйственников» Р. Вяхирева сменил А. Миллер. Верховная власть выступает в качестве одного из игроков на этом поле и результирующей всех схваток.

Персонификатор постсоветской власти – только лидер одной из таких «группировок», делегированный на самый верх с целью создания льготных условий для «своих». В то же время он – глава корпорации «Россия», объединяющей все господствующие группы, вождь, слуга, охрана-«крыша» всех представителей «нефтегазовой» культуры; ее символ и производная. Поэтому акции верховной власти по нейтрализации отдельных лиц из бизнеса (и политической) – элиты не перерастут (по крайней мере, в ближайшее время) в уничтожение целых кланов, а «аутсайдеров» (людей или компаний) не будут добивать до конца.

Условием обогащения современной «элиты» является ее аполитичность – и это не новость в русской политической практике. Таким образом охраняет свои самодержавные права верховная власть. «Дело» «ЮКОСа», как и «дело» «Газпрома» не должны вводить в заблуждение. Публичный процесс над М. Ходорковским и публичная (как бы для народа и «на» народ) «порка» А. Чубайса после катастрофы в Москве в мае 2005 г. имеют политическое значение. Это точечная нейтрализация потенциальных оппонентов-претендентов на замещение верховной власти. Устранение представителей общества, доросших до статуса «субъектов» политики, еще раз повторю, в традиции русской власти. Вспомните судьбу «верховников» или ленинской партгвардии. В общественном смысле «дела олигархов», представляемые властью и воспринимаемые народом как справедливое наказание бояр царем (царская «гроза» и опала), скорее опасны, чем безобидны, ибо рождают «общий страх произвола, подавляющий всякое чувство права» (В.О. Ключевский). А в России атмосфера, настрой всегда важнее институций и норм.

* * *

Парадокс современного социокультурного раскола состоит в том, что он возник в условиях массового общества. Верхний социальный слой и «почва» принадлежат к единому «сообществу потребителей»; их вкус воспитывает

масскульт, распространяющий типовые образцы. Потребительская реальность, казалось бы, препятствует расколам, формирует социальное единство или, во всяком случае, подобие верхов и низов общества. Однако мы имеем дело со сложным явлением: именно наступление эпохи массового потребления в России инициировало раскол, который углубляется под влиянием этой современности; в то же время потребительская гонка отчасти опосредует, смягчает разрыв социальной ткани. Однако в главном (а именно – в типах потребления) различия между двумя культурными «складами» носят принципиальный, коренной характер. Речь идет не просто о разном качестве, способах, стиле потребления (в том числе, информационного), что само по себе формирует различные привычки, вкусы, навыки, условия и стили жизни. Дело в том, что внезапное вторжение западных потребительских стандартов, явленная возможность стремительного обогащения буквально разорвали постсоветский социум на два мира, две «цивилизации».

Все произошло почти «дословно» по Ключевскому: «Из древней (т.е. советской. – *И.Г.*) и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества» (14). Им крайне сложно ужиться, сосуществовать, напрямую контактировать. Они по природе своей несовместимы; непосредственных связей не выдерживают. Их жизненные векторы разнонаправлены. Первый и главный «склад» постсоветской жизни включает в себя вестернизированные верхи: обогащающуюся бюрократию, криминализированный бизнес, собственно криминал, политический класс, обслуживающую их потребности культурную элиту и некоторые иные социальные группы. Это наиболее активный слой, получивший подпитку энергии социального переворота конца 80-х – начала 90-х годов. Здесь, наверху, формируется иная среда обитания (в том числе, в экологическом смысле); концентрируется инновационный потенциал; большие деньги дают ощущение свободы, что меняет мировосприятие. Высший слой включен в общемировые интеграционные процессы, информационное пространство. Он отрицает свои русские корни, будучи связан с другим миром и пытаясь закрепиться (экономически, социокультурно и даже физически) в чужой «почве» (15).

Потребности, запросы представителей «нефтегазовой» культуры могли быть удовлетворены только за счет интересов массы народонаселения. Высокий жизненный стандарт верхов обеспечен жертвой, принесенной «почвой» – вынужденно, под давлением обстоятельств. Это следствие неорганичного, во многом насильственного раскола, вновь в России осуществленного «сверху», властью. Второй «склад» вырастает из родной «почвы»; возможно, сам не желая того, с нею неразрывно связан. В близкой ретроспекции он наследует советской жизни, ею определен. Тем не менее он тоже порождение современности, результат

раскола. Появление «нефтегазового» слоя должно было быть уравновешено (в социоэкономическом, политическом и других отношениях) «почвенизацией» основной массы.

Именно власть (подспудно, незаметно) создала в 90-е годы такие «рамочные условия» существования, которые максимально усложняют для среднестатистического человека решение даже элементарных жизненных задач, ориентируют на выживание в неблагоприятной, а порой агрессивной социальной среде. Практически все в жизни homo post-soveticus (получение паспорта, приватизация жилья, поездка в электричке или личном авто, рождение ребенка, смерть и т.д.) превращается в сложно разрешимую проблему, требующую сил, времени. Многопроблемье подавляет и озлобляет, «зацикливает» на себе, рождает социальную пассивность. Нагнетание сложностей есть способ минимизации субъектной энергии социума, лишения его возможностей самовыражения, гражданской реализации. Поглощенный бытовыми проблемами, частными делами homo post-soveticus прочно связан с «почвой»; вырваться из нее практически невозможно – разве только чудом. Перемещение в пределах «резервации» в большинстве случаев мало что меняет; здесь действуют единые правила. И все они, выстраиваясь в жизненный уклад, формируют из свободного населения то, что скорее можно назвать популяцией.

Конечно, в 90-е годы бывший русско-советский «маленький человек» совершенно изменился. Он удовлетворил мучившее его в советские времена «чаяние благополучия», стремление «жить для себя, для своих», «иметь удобный туалет, ванную, красиво одеться, хорошо провести отпуск» (16). Но общий настрой, жизненная стратегия, тип обустройства в мире претерпели незначительную эволюцию. От чужой ему социальной среды он, как и ранее, пытается укрыться в своем частном мирке – и перекрыть туда доступ посторонним; ему свойственны неприятие Другого, недоверие к внешнему миру вообще. К нему вполне применима характеристика, данная Э. Мореном советскому народу: «Как и любой другой народ, он отождествляет себя с Государством/Нацией, когда последнее добивается великих успехов, будь то на земле или на небе. Но в большей степени, чем многие другие народы, он осознает себя и ощущает, как чужд ему руководящий господствующий класс... Следствием этого является политико-культурная странность, несуразность: народ может поддерживать конкретного персонификатора, однако у русской власти как явления "нет в обществе убежища"» (17). А она из этого и исходит, черпая силу «...в своей неспособности доверять населению, ...в... неспособности сделаться более либеральной без риска себя уничтожить» (18). «Либеральное» в данном случае следует понимать как гуманное, гуманистическое: современная власть не может стать более человечной – иначе она должна будет измениться, управлять по-другому, стать аналогом европейской властной модели. То есть поменять свою природу,

«сдаться» обществу. Это означало бы самоуничтожение – причем конкретной власти, определенного носителя (19). Как показывает история XX в., русский властный тип чрезвычайно живуч; он мутирует, приспосабливаясь к разным историческим условиям, но так или иначе неизбежно воспроизводит себя.

Этим во многом определен современный раскол. Созданные им жизненные условия программируют «почву» на то, чтобы быть все более «почвенной», усиливают тягу большинства к изоляции, отчуждению. Такой особый тип изоляционизма, вынужденный, анархический, позволяющий за счет пассивного сопротивления внешнему миру адаптироваться к нему, не отменяет существования мобильных телефонов, Интернета, электронной почты, т.е. свободных коммуникаций, происходящих помимо и вне контроля власти. Символом новой русской современности стало сложное сочетание изоляционизма и информационной открытости. Очевидно, что в отношениях человека с «большим» миром, политической средой изоляционизм играет ведущую роль. Его проявление – аполитичность, социальная инертность, синдром упований на власть и комплекс «особого русского пути». Все это поощряется, консервируется «верхами» – уже не путем физического насилия, принуждения, запрещения, но созданием «рамочных условий», вынуждающих «почву» к изоляции, разрывающих ее на отдельные локальные социальные ниши и отдельные человеко-миры.

Отдельные частные мирки, «региональные» миры в своей совокупности и образуют «резервацию». Здесь накапливается инерционный потенциал, утверждаются «подданнические ориентации», более того – появляется тип парохиала. «Почва» не создает атмосферы свободы и разнообразия, демократического духа. В ответ на давление «сверху» нарастает стремление «...жить... по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами», а «воля всегда для себя» (Г. Федотов). Усиливаются негативные оценки любой сложности, непривычности, нестабильности (20). Общий «настрой» «почвы» определяют не только эмоции, но и прагматически-рациональное начало: в ней воспроизводится и ею движет то, что дает возможность выжить, адаптироваться. В активном сопротивлении жизни перерабатываются, гасятся потенциал социального протеста, импульсы к внутренней, «почвенной» интеграции.

* * *

Особое значение в этой ситуации приобретают качества, тип мироделания первого «склада» и направления постсоветской жизни. В 90-е годы произошла метаморфоза в верхнем социальном слое – наиболее влиятельном, производящем нормы, образцы, указывающем жизненные ориентиры. На современность пришелся новый кризис интеллигенции, всех форм ее европеизации и почвенизации. Она не была физически уничтожена, как старая русская, большевиками. Однако утратила свой духовный стержень и способность быть наставником, «водителем» общества.

Ее постсоветская судьба подтверждает: уникальное русское социокультурное явление – интеллигенция – имеет сложную, противоречивую природу. Она не только нечто внеположное власти, но и в то же время ее производная, ее тень.

В ходе социального переворота 90-х интеллигенция освободилась от груза мессианства, необходимости борьбы против власти и за народ. И еще раз осознала свою чуждость обеим этим силам, а также неукорененность, «беспочвенность». Она теперь сама по себе. Самоосуществление русской интеллигенции всегда предполагало обретение и наращивание социального влияния. В современном материалистическом, прагматическом мире малообеспеченный, ориентированный на «духовное» социальный слой не способен стать значимым «агентом влияния», служить источником массовых образов, ценностей, ориентаций. С этим связано его перерождение, его участие в расколе. Значительная часть бывшей советской интеллигенции ушла в «почву». Отдельные представители перешли на обслуживание «элиты» или влились в нее. Они производят и транслируют – для массового потребления – мир иллюзий, шумов, звуков и визуальных образов, являясь творцами русского масскульта.

Постсоветская история в очередной раз продемонстрировала: интеллектуальная элита в России не имеет внутренней основы, традиции, устойчивых внутренних механизмов трансляции, воспроизводства. Тонкий культурный слой русского общества при частых социальных трансформациях (перестройках, модернизациях, революциях, почвенизациях) уничтожается – тем или иным способом, намеренно или в силу жизненных обстоятельств; как несущественный элемент чего-то старого, отжившего, ненужного. А затем создается как побочный продукт чего-то принципиально нового. К процессам уничтожения-созидания причастна власть как инициатор всех перемен. То есть власть в России (так или иначе) порождает, сама того не желая, интеллектуальный, образованный, культурный слой. Возникая не вследствие естественной эволюции, он внутренне не самостоятелен, чрезвычайно зависим от «вызвавших» его обстоятельств, должен им соответствовать. Поэтому его самореализация предполагает вступление в противоборство с породившими его условиями. Вследствие особенностей эволюции русская интеллектуальная элита не имеет возможности передавать и накапливать знания, опыт, идеи, ценности, связи, т.е. лишена устойчивости, здорового консерватизма, рационализма. И потому, с определенной точки зрения, каждая новая «элита» (как некая целостность) качественным уровнем ниже «старой»; едва успев сформироваться, она вынуждена уходить. Всё это накладывает особый отпечаток на верхний социальный слой, придает общественному развитию несколько искусственный, скачкообразный (по типу «прорывов» – «откатов», «забвения» – «возвращения») характер.

Особенность современной ситуации состоит в том, что благодаря преобразованиям конца 80-х – начала 90-х годов в России возник слой людей, для

которых власть – только функция, пусть и важная, существенная. Правда, их судьба подобна судьбе интеллигенции: их тоже породила власть, сама того не желая, как побочный продукт «реформ». Это представители «нефтегазовой» культуры; их преобразовали большие деньги, они впитали в себя западный (потребительский и накопительский) опыт. Это теперь уже бывшие «новые русские», «вышедшие» из малинового пиджака (как истинный интеллигент – из «шинели»). Среди них не только обитатели Рублевки (имеется в виду одиозный образ олигарха), криминальные лидеры, прожигатели жизни. В этой среде есть люди образованные, чрезвычайно (по лучшим западным образцам) эффективные, занятые делом, интересующиеся высоким искусством и его поддерживающие. Она постоянно приращивается; это открытая среда, готовая принять тех, кто ей соответствует в финансовом отношении.

В России в переломные моменты именно так формируется элита, воспроизводя принцип грозненской опричнины, петровского дворянства, ленинско-сталинской партии. Русский правящий класс всегда был смешанным, «сбродным по составу» (21) в социальном, профессиональном, этноконфессиональном отношении. Это особенно очевидно в Смутные Времена, когда «элита» открывается не только во вне, но и для притока людей из русской «почвы». Эти «новики», «новые худые люди», непривычные к власти, «без фамильных преданий и политического навыка» (в бюрократической среде действующие как «импровизированные администраторы»), становились «носителями и проводниками новых политических понятий», проникавших в русские умы в каждую следующую Смуту (22). Вторжение значительного количества «новиков» в правящие круги разрывает «замкнутую цепь» «фамильных людей», подрывает консервативную основу организации верхнего социального слоя. Все это открывало пространство для хаотической борьбы в верхах – за власть, доступ к ресурсам (не обязательно природным и напрямую), распределение доходов. Поэтому обновление русской элиты неизбежно связано с «дворцовой смутой», колебаниями верховной власти, социальными катаклизмами.

После таких потрясений «...из плохих остатков разбитого боярства с примесью новых людей не лучше их» составлялся «придворный круг, которому очень хотелось стать правящим классом» (23). При этом новая, созданная в Смуте и Смутой власть успешно перенимала недостатки прежней – по меткому замечанию Ключевского, «может быть, потому, что больше перенимать было нечего» (24). Этот принцип формирования господствующего слоя, пожалуй, единственный раз был нарушен в начале XX в., когда в ходе всеобщего социального переворота практически совершенно уничтожили старую элиту, формировавшиеся столетиями опыт, традиции. В Смуте конца XX столетия не произошло такой тотальной смены элит, генетического разрыва; но традиционный (т.е. повторяющийся, определенный природой социума) тип воспроизводства вновь

проявил себя. Из осколков старого «боярства» («партийного нобилитета») и «новых русских», заполучивших доступ к ресурсам, составляется постсоветская «элита», социальная «верхушка».

Пожалуй, главный признак «новой русской» «элиты» – это неукорененность. Новый «склад» жизни определяют «пришельцы», задавая нормы, стандарты, ориентиры. Их продвижение к «высотам» внешне зависит исключительно от конъюнктуры и хватки, но по существу обусловлено удивительным соответствием эпохе, ее требованиям, вызовам. Можно сказать, современную элиту отличает ярко выраженный «презентизм». Недаром В.В. Путина, первое лицо этого культурного «склада», называют фигурой «без прошлого» (25). Отсутствие истории, реальной преемственности заставляет нашу «элиту» постоянно моделировать традицию, искать «корни», вызывать образы общего прошлого, эксплуатировать любое (символическое, культурное, политическое) наследие. В этом – ее сила, но и слабость. В целом она лишена «той самой английской надежности, которая обеспечивает обществу незыблемую стабильность» (26). Причем, в гораздо большей степени, чем любая западноевропейская элита. Слабость господствующих групп, политического класса лишает национальную политическую культуру устойчивости и свидетельствует о дефиците в ней преемственности и диалогичности.

Современные верхи – это и источник производства будущей элиты страны. Какой она будет, пока непонятно. Возможно, породит тех, кто восстанет против власти, почувствовав несправедливость и опасность ситуации, созданной властью. Тогда она повторит судьбу русской интеллигенции. Сейчас понятно одно. Первый и главный уклад постсоветской жизни часто характеризуют термином «Рублевка». Это понятие из географического превратилось в широкое, социокультурное. Конгломерат Рублевок (во всех «городах и весях» современной России) образует «архипелаг» новой русской жизни, оторванный от «почвы», но определяющий ее настоящее и будущее. В то же время это своеобразный «элитарный питомник», где выращивается «новая порода» людей, чистый продукт «нефтегазовой» культуры. С ним, его воспроизводством раскол достигнет своего апофеоза.

Однако пока мы можем говорить только о том, что имеем – о наличных господствующих группах, жаждущих стать правящим классом. В экспертном сообществе преобладает такое представление об этом классе: «Независимо от вариантов индивидуальной мотивации или источников первоначального накопления превращение номенклатурной (т.е. назначенной) элиты в деловую (а, значит, достижительную) служит показателем серьезности происшедшего перелома» (27). Эта идея, как мне думается, неверна по существу. В процессе «перехода» элита действительно трансформировалась, но иначе. Номенклатурная элита сохранилась, отвоевав себе право наследственного владения – собственностью,

богатством. В этом смысле слилась с «элитой деловой» (при том, что и в советские времена наша элита была «достижительной» – об этом свидетельствует карьера ее лучших представителей). Но вместе они составляют отнюдь не деловой мир – в классическом понимании. Главный социальный слой, который выиграл от перемен 90-х – это «дельцы» в худшем русском варианте, как правило, повязанные с «деловой» криминальной средой. И способ «первоначального накопления» имеет определяющее значение для природы и типа деятельности этого «класса».

Особый интерес представляет его ценностно-нравственный, идеологический облик – ведь это среда, задающая общественные образцы, модель и иерархию социальных достижений. Именно здесь образуются типы «модальной личности». «Социальная элита постсоветского общества... задает тон сдержанной поддержки реформ и модернизации, ориентируется на «западные» компоненты образа жизни и потребления и так далее. Распространенная в этой среде патриотическая или «духовная» риторика играет главным образом компенсаторную роль, но в то же время подчеркивает неидеологичность самих доминирующих практических ориентаций» (28). В этой точной оценке я бы изменила только два слова: неидеологичность – на беспринципность, вычеркнув при этом «компенсаторное».

У нашей «элиты» есть идеология – подчинение идей и идеалов прагматическим интересам накопления и потребления. Это идеология хищника, причем хищника молодого. Отсутствие принципов отличало молодую Советскую власть, «молодость» самодержавия тоже была беспринципна и деидеологизирована. Принципы – непозволительная роскошь в деле «взятия и удержания» власти. Затем, со временем, возникала ситуация, когда власти требовалось обеспечение принципами, идеологией, традицией.

В ценностном отношении наш «высший класс» отличают демонстративная аморальность, безнравственность, а достижительность (во всяком случае, пока) имеет ярко выраженный воровской характер. Именно здесь восторжествовал «человек ловкий», циничный, «лукавый», но эффективный, т.е. умеющий жить (помните героя А. Миронова из «Берегись автомобиля»: «ну, какой же он вор? Он просто умеет жить»). Он сам кажется совершенной случайностью, а его торжество – временным явлением. Вообще, на всей «нефтегазовой» культуре и представляющей ее верховной власти лежит отпечаток случайности, временности, самозванничества. Это след «новиков», влившихся в господствующие группы в момент крушения «старого мира» и моделирующих свой, новый мир. Но вот парадокс – благодаря им «наверху» (при внешнем обновлении, европеизации) побеждают традиционные русские «схемы» – передел, приобретающий бесконтрольный характер, ничем не ограничиваемые кормление и мздоимство; поддерживающая их круговая порука.

Людей этой породы, благодаря их публичному статусу, вся страна знает «в лицо». Сейчас много говорят и пишут о том, какое общественное отторжение они вызывают. И чрезвычайно мало – о другом: публичность, успешность, безнаказанность, атрибуты силы, красоты, безграничности возможностей создают «эффект ареала», привлекают, притягивают к ним. Наша современная культура (и информационная политика) построена на идее привлекательности «греха», его демонстративности. Это культура «искушения грехом» (пусть по-русски это и звучит несколько высокопарно). И образцы этой культуры задает именно «высший класс». Будучи реально недосягаемыми, они подчеркивают глубину разрыва социальной ткани. В этом смысле у нас действительно есть элита – и социальная, и культурная, и духовная. «Новая русская» элита.

* * *

Вся русская история подводит к следующему выводу: современный социокультурный раскол не есть нечто случайное, несущественное, неожиданная специфическая реакция на современность. Расколам вообще подвержена наша политическая культура. Эти повторяющиеся, типологически, структурно, содержательно схожие явления во многом определяют русскую жизнь. Имеют расколы свой особый ритм, каким-то образом связанный с национальной социодинамикой. Они накладываются на чередующиеся во времени эпохи открытия-закрытия русской системы, ее опосредованного мир-системой или (в основном) замкнутого, ориентированного во внутрь, на себя, существования. Кроме того, синхронизированы со своеобразным русским ритмом «смута-порядок»: периодами социальной нестабильности, кризисов, катаклизмов – и упорядочивания, «подмораживания» хаоса (когда порядок «спускается сверху», а не произрастает – постепенно, естественно – изнутри, из каждой клеточки социального организма).

Видимо, раскол – следствие открытия определенного, сосредоточенного в себе и на себе «локуса» во вне, во внешний вне-локальный мир, подключения к значимым в нем процессам, преодоления (этнической, территориальной, культурной, экономической и т.д.) «особости». Русский социум открывается миру только определенной частью, своим «верхним» слоем, который подвергается переработке со стороны «чужой» культуры, вторжению иных (в этническом, конфессиональном отношениях) элементов. Вследствие этого общество – стремительно, насильственно – разрывается на две (основные) субкультуры. Первая, доминирующая, но численно представленная ничтожным меньшинством, формируется под влиянием чужого опыта, культурных заимствований, подражания. За счет этого она и входит в другой мир, иную современность. Этот господствующий «склад» порождает власть, которая (в разной степени) оторвана от общества, довлеет извне. Субкультура большинства (подавляющей массы) укоренена

в «почве», мало подвижна и подвержена изменениям. В ответ на навязывание «сверху» новых идей, представлений, опыта, большинство склонно замыкаться в своем мире, абсолютизировать его ценности. Поэтому следствием открытия системы является не перестройка, разрушение (хотя первоначально кажется именно так), а «реставрация» «почвенного» мировоззрения, принципов социальной интеграции, «почвенизация» социальных практик. Только под давлением современности происходит преобразование «почвы». И здесь особенна роль власти, которая стягивает, удерживает вместе две противостоящие друг другу общности, два русских мира.

Раскол ломает традиционный («туземный», «почвенный») уклад жизни, разрушает обычные порядок, связи, органическую целостность социума. Но и попытки его изживания, преодоления, слияния двух социальных общностей в некое (даже очень относительное, условное) единство, как ни странно, тоже ведут к социальным трансформациям, распаду прежней (уже отчасти стабилизировавшейся, приобретшей новые качества, противоречия, проблемы) системы. Вероятно, движение двух жизненных «складов» навстречу друг другу как отражение естественной тяги к образованию общего социального организма, – нарушает устоявшееся системное равновесие, дистанцию между «верхами» и «низами», необходимую для функционирования русского социума.

Попробуем с этих позиций, в «логике расколов» представить себе очень схематично, условно русское развитие. Начнем с предыстории, с Киевской Руси. Впервые – на общей социальной памяти – на чуждые субкультуры раскололось древнерусское общество: культуру «варяжскую», городскую, торговую, разбойничью, космополитичную и славянскую, земледельческую. С принятием христианства стало очевидным еще одно измерение раскола – на «дневную христианскую», «легальную» («культурного меньшинства») и «ночную», «подпольную» субкультуры (по Г.В. Флоровскому). Их скрепляла «странствующая» (так определил Л.В. Милов) княжеская власть. Со временем власть осела, укоренилась, две культуры стали срастаться, и это совпало с развалом, разложением, падением Руси.

Другой раскол не имеет столь явного характера; он смазан, не очевиден. Это одна из составляющих русско-ордынской истории, когда локальные русские миры вынуждены были открыться Востоку. Разбитые господствующие классы восстановились, смешавшись с боярством, с «татарщиной», с остатками «византийского элемента». Субкультура «верхов» и представляющая их верховная власть – и этнически, и по задачам, характеру управления – оставались вне социума, «туземного» большинства. Сближение, взаимопроникновение двух субкультур (особенно в Смуту начала XVII в.), «почвенизация» господствующего класса стали прологом нового раскола. И он прошел по той же линии, ввергнув в «переработку» верхушку общества – правда, уже в русле европейской культурной среды, окончательно покончив с азиатскими «мотивами».

Столетия изоляции от Запада (ордынского, а затем московского изоляционизма), целый век тяготения к нему и столкновений с ним (XVII в. «переходный», подготовительный, с предчувствием раскола) (29) завершились петровским броском к Европе – северной, протестантской, тогдашнему модернизационному лидеру, центру «мир-системы». В своем движении к Западу Россия всегда ориентировалась на лидера, оставляя прежних «учителей», отходивших на европейскую периферию. Это проявлялось даже в разговорном языке русской элиты: первая половина XVIII в. была отдана голландскому и немецкому языкам, с середины XVIII и на целое столетие утвердился французский, на исходе XIX в. и в начале XX в. в обиход вошли английский и снова немецкий. И все они вместе, в той же мере, а порою больше, чем русский, творили национальную элиту, господствующие слои. И, конечно, не только язык, но европейские обычаи, стили существования, традиции (в том числе политические), быт, современные процессы. Во времена зрелой и поздней империи сама Европа, казалось, пришла в Россию (кстати, действительно, пришла – капиталами, производством, специалистами). Подлинным европейцем – без «туземных» этнических примесей – стала русская власть.

То был странный, необыкновенный момент в русской истории. Пожалуй, единственный раз Россия оказалась близка к приобщению к Европе как передовому цивилизационному пространству – насколько это вообще возможно. Верхний слой подтягивал за собой, включал в модернизационные процессы большинство. Сам насыщался «почвенными» людьми: выходцами из крестьянской (часто – старообрядческой) среды были многие (и лучшие) представители буржуазии (Алексеев, Цветаев, Брюсов – отцы), военно-служилого элемента (Корнилов, Деникин, Алексеев и др.). Все шло чрезвычайно сложно и было связано с разложением, преобразованием прежнего жизненного строя, распадом укорененных в «почве» устоев, отношений, социальных коммуникаций. Уходил в прошлое не целый жизненный пласт, но сама русская жизнь. Медленно и мучительно формировалось нечто принципиально новое. Это коренное, кардинальное переустройство требовало максимально щадящих условий. Недаром П.А. Столыпин говорил о двадцати годах покоя – внутреннего и внешнего, необходимых России.

Разбалансировка системы сверх предельно допустимых пределов была во многом вызвана политическими факторами. Власть оказалась мало приспособлена, не справлялась с ситуацией полисубъектности (которую сама же и допустила), появлением других игроков и иных, не ею установленных правил на поле политики (а также экономики, культуры, духовной жизни). Она не самоутвердилась, не самореализовалась в новых условиях, даже не успев осознать ту метаморфозу, которая (неожиданно для нее самой) произошла с нею на рубеже XIX–XX вв. (30). Ей тоже необходим был покой, внутренний и внешний, для

того, чтобы установить иной, чем прежде, порядок самоосуществления, «постановки» (т.е. трансляции и легитимации), отношений с господствующими слоями, обществом, народом. Наконец, выработать новые принципы и технологии самопрезентации (неслучайно именно тогда начинает практически работать идея «народной монархии»).

Одновременно наращивало свою политическую субъектность русское общество, став, наконец, в начале XX в. полновесным субъектом политики. Думается, одна из причин разбалансировки государственного организма в том, что основу нового политического класса составила интеллигенция, пожалуй, самое «беспочвенное» явление русской жизни (31). Появившись поздно (сравнительно с другими социальными слоями), не успев избавиться от комплексов и фобий, она вторглась в государственную среду со значительным антигосударственным потенциалом. Политически значимым фактором ее сделал 1905-й год, т.е. открытое противостояние власти.

Конечно, падение системы, конец «петербургской истории» (как процесс) оказались возможными в силу сущностных, а не сиюминутных, преходящих обстоятельств. Среди них – фундаментальная «внешняя» причина: кризис европейской культуры, европейского типа мироустройства. Крах старой России и приход большевизма вообще следует понимать в контексте европейской эпохи мировых войн (32). Участие в Первой мировой было для России платой за ее европейскость, принадлежность к европейскому цивилизационному кругу.

На пике внутреннего и общеевропейского кризиса иные черты приобрел социокультурный раскол. Физически уничтожаемый верхний культурный слой заместила субкультура большевистская, «коминтерновская», не гомогенная в этническом отношении. Она тоже внешне была прозападной; еще (генетически, исторически) связана с дореволюционным «европеизированным меньшинством». Ее главный носитель – бывший политэмигрант, чья «политическая социализация прошла в эмигрантских кафе европейских стран» (33). Ее ориентир – вторжение в Европу, дальнейшее «раздувание мирового пожара в крови» (уже «на горе всем буржуям»). «Почва» должна была служить лишь материалом, средством обеспечения миссии этого революционного «ордена».

Времени на существование этой субкультуре было отведено немного – чуть менее двух десятилетий. Ее физическая ликвидация стала внешним проявлением глубинных процессов – преодоления раскола, «почвенизации» господствующего слоя, формирования насильственным путем социального единства, а также замыкания в себе, – нового (не имеющего аналогов и, как казалось, совершенно невозможного в современном мире) этапа изоляционизма (34). Сталинская власть, генетически народная, «почвенная», тем не менее оставалась вне социума, воспроизводя закон русской системы – управление на дистанции, отношение к собственному народу как к завоеванному. Знаком приобщения к системе стано-

вился русский язык. «Русскость» была синонимом «советскости», символом победы социалистического проекта. Говорить по-русски означало принадлежать кремлевской «мир-системе», «универсалистской по инстинктам и задачам цивилизации» (35).

Таким, по существу, был и изоляционизм Московского царства, подкрепленный идеей перехода религиозно-мессианского лидерства от Константинополя к Москве. И логика та же: чтобы расширяться, подчинить себе пространство, насытить им власть, следует сначала сосредоточиться, замкнуться, выработать идеологию поглощения, идею-message нового мира. Но «если миф о Третьем Риме был универсалистским лишь потенциально, то коммунизм выставлял свои универсалистские претензии осознанно и открыто» (36). И отчасти осуществил их. Поэтому разрушение «коммунистической вселенной» было связано с закрытием, бегством вовнутрь, локализацией оставшегося пространства и социума. Это, в свою очередь, усилило внутренние изоляционистские процессы, сцеплявшие, «охранявшие» «резервацию». И послужило мощным толчком к «национализации» (т.е. «почвенизации») социальных практик.

* * *

Социокультурный раскол конца XX в. стал следствием очередного открытия системы вовне, на Запад (37), внедрения в систему мировой экономики. Очень своеобразного открытия и внедрения. Зарубежные исследователи отмечают: «Сегодня уже лучше видно, что предпосылкой настоящего, не базирующегося на изоляции внедрения в систему мировой экономики должно было стать именно наличие внутреннего «общего рынка», который обладает достаточной силой для того, чтобы Россия смогла занять «достойное» ее место на верхних этажах иерархического здания мировой капиталистической системы. Однако такая цель возникала только в мечтах осуществившей смену режима политической элиты, которая, конечно, предпочла собственные актуальные политические и экономические интересы экономическим и политическим интересам страны» (38).

А интересы эти обозначились задолго до ельцинской «революции», горбачевской «перестройки». Наиболее очевидными они стали в эпоху «позднего брежневизма», когда появились признаки «растяжения» и надрыва социальной ткани, предвещавшие новый раскол. «Позднекоммунистическую верхушку», которая обещала вскоре преобразоваться в европеизированную субкультуру меньшинства, тянуло от «почвы», «вперед» на Запад. Недаром дети номенклатуры стали учить иностранные языки, а «языковая» спецшкола превратилась в показатель элитарности. Основание будущего раскола виделось уже тогда – объем и качество потребления. Ко времени перестройки «...западная потребительская система ценностей была в высших кругах партийного и государственного аппа-

рата уже не просто "тайным образцом" для подражания, а способом практической реализации реальных привилегий» (39). «Застрельщиками» реализации, двигателями раскола были «дети» – не только номенклатуры; те, чьи отцы прошли героическую фазу «строительства социализма». «Молодые амбициозные специалисты дипломатического аппарата», люди «военно-спортивного» типа, социализировавшиеся на Западе; комсомольские функционеры, представители слоя НТР – вот типы модальной личности, определившей 90-е, но созданные Советской властью и потребительской мечтой.

С ее реализацией и было связано открытие «элиты» Западу. Оно прошло «под сенью» двух лозунгов: «Обогащайтесь!» и «Всё на продажу!». Всё, что можно использовать, эксплуатировать, переправляется туда, где богатство обеспечивает защищенный законом комфорт. Приобретенные ресурсы конвертируются в деньги и состояние (40). Капиталы, собственность, дети «новой русской элиты» (так или иначе, в том или ином варианте) – на Западе, подальше от русской «почвы». По-своему, на «новый русский» лад (по накоплению и потреблению), «верхи» решили задачу, унаследованную от сталинских, хрущевских времен – «Догнать и перегнать» Америку-Европу.

Такой «элите» и представляющей ее власти, – в условиях такого раскола – по существу, не нужен народ. Она вполне может уйти из страны – физически, на Запад, а «руководить» по «вахтовому способу» (аналогично технологии добычи природных ресурсов) (41). Ею порождена ситуация, в которой наиболее реалистическими представляются наименее оптимистичные сценарии будущего. Вполне возможно, что и в дальнейшем энергия передельных процессов будет поддерживать власть и господствующие группы. Они, используя демократические выборы, устремятся к власти как инстанции, контролирующей передел. Ориентированная исключительно на самообеспечение, разбитая на кланы, сменяющие друг друга во власти, «элита» будет не заинтересована, а потому и не способна удовлетворить жизненно важные потребности общества в росте и развитии. Тогда, при внешнем усложнении норм, процедур, институциональной стороны, произойдет упрощение основ социальной жизни, ее рассогласование с идущими параллельно ей в мире модернизационными, интеграционными процессами. Публичная политика, в рамках которой не вырабатывается принципов, механизмов, форм социальной организации, соответствующих потребностям современного человека, станет лишь прикрытием, ширмой элементаризации жизни.

Конечно, этот сценарий не предопределен. Прежде всего, потому, что еще не самоутвердилась постсоветская власть. Возможно, в процессе ее эволюции появится какая-то иная модель, органичная современной России. Однако, если из области предположений перейти в область фактов, следует отметить, что и нынешняя власть принимается страной. И отнюдь не под влиянием принужде-

ния, насилия. Вероятно, верховная власть в ее самодержавном варианте остается одной из традиционных скреп, символов единства и традиции, укорененности социума. Она принадлежит к числу «компенсаторных механизмов выживания» (термин Л.В. Милова), выработанных столетиями социальной эволюции. Потребность в них возрастает в особенно тяжелые моменты, когда активизируются защитные программы социума.

В ситуации современного раскола, при непримиримом, антагонистическом характере взаимоотношений двух основных субкультур, именно верховная власть скрепляет общество, удерживает вместе две его составляющие. Раскол, несомненно, делает русскую власть (как реальность и воображаемое явление) абсолютно необходимой социуму, воспроизводя традиционный принцип социальной интеграции – «сверху». Для самой же власти самодовлеющее значение приобретают ее внутренние проблемы – легитимации, трансляции установок. Противостояние субкультур актуализирует и иные «компенсаторные механизмы», обеспечивающие локальную сплоченность (на «почвенном» уровне), символическое единение социального организма. Все то, что находит выражение в идее «особого русского пути».

Ее «реставрация» приходится на середину 90-х годов, когда определились основные черты «новой русской» социальности (42). Исследователи называют разные причины этого явления (43). К ним следует добавить еще одну – идея «особого пути» служит символическому преодолению раскола. Она не просто спускается «сверху», чтобы усилить почвеннический изоляционизм, герметично закрыть «резервацию». Этой идеей обременена сама «почва». Посредством ее легитимируется власть: обеспечивая России «особый путь», она как бы встает над двумя «складами» русской жизни, непосредственно не связывая себя ни с одним из них, но выполняя функции посредника, модератора. То есть (символически) занимает то положение, которое и назначено русской власти. Продвижение идеи «особого пути», придание ей статуса массовой ценности (символически же) «укореняет» господствующие группы, придает им национальные черты, консолидирует их. В целом формируются некое странное подобие, имидж социального единства, гарантирующего развитие – как подобие, имидж благосостояния и прогресса.

То, что политический «консенсус», достигнутый «элитами», ориентирован на русскую «особость», еще раз подтверждает: по своей генеалогии и взглядам мы не принадлежим к западноевропейскому миру. Очередной дрейф на Запад не привел к возникновению на русской «почве» гражданской формы жизни в западном смысле, опирающейся на либеральный государственный и экономический строй. И в том, что в 90-е годы в России не произошло коренного социального и духовного обновления, «заслуга», в первую очередь, господствующих групп. Ведь они остаются своего рода несущей конструкцией обществен-

ного здания. Представители «нефтегазовой» культуры, размещая капиталы на Западе и заимствуя западные «элитарные» потребительские стандарты, не преобразовались в людей европейской цивилизации. Они избавляются очищаются от тех, кто всерьез пытается чуждые ценности, нормы, модели вживить в русскую действительность (44). Пожалуй, то, что объединяет две культуры, два русских мира – это неспособность сформировать дух, отражающий суть демократии, гуманизма, одержать победу над собой во имя будущего.

* * *

Конечно, в рамках одной статьи невозможно сказать все о сложной реальности русских расколов. Да такая задача и не ставилась. Хотелось обозначить проблему, пригласить к размышлению о ней. Представляется, что в логике концепции расколов (наряду с иными подходами) возможно объяснить и понять современность. Хотя мы находимся в самом начале раскола, можно предсказать: появление двух основных субкультур, их борьба, взаимопроникновение и взаимоотталкивание во многом определят будущее политической культуры, станут важным фактором развития страны в постсоветский период ее истории.

Примечания

1. См. об этом работы Ю.М. Лотмана, А.Н. Панченко, Б.А. Успенского, В.С. Непомнящего, Ю.С. Пивоварова и др.

2. 19 января 2005 г. в Доме экономиста на заседании постоянно действующего Круглого стола «Экономический рост России», организованного Вольным экономическим обществом, с докладом по итогам 2004 г. выступал академик Д. Львов. Его основной тезис подтверждает мое предположение: «Когда мы говорим о состоянии экономики, ее перспективах, всегда подчеркиваем, что Россия – это единое экономическое пространство. Но это не так. Есть, по крайней мере, два ее образа: богатая Россия, которая стремительно приближается по уровню душевого дохода к странам Западной Европы, и бедная Россия, уровень дохода которой едва превышает полторы тысячи долларов в год». На долю первой приходится 15% населения, но порядка 67–72% всех сбережений в стране, 92% доходов от принадлежавшего государству имущества, 98% средств, использованных для покупки валюты. А другая Россия – 85% населения – до сих пор не знает, какую роль в ее жизни может сыграть обменный курс. «Такая стратификация России – уникальное явление конца XX – начала XXI века, которого еще не знала новейшая история», – заметил академик (Итоги 2004 года: Что дальше? // Экономическое возрождение России. – М., 2005. № 1(3). – С. 76).

3. См.: Малева Т. Социальные страны и социальная политика: От уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшее десятилетие. Сборник статей. М., 2004. С.77. По мнению Д. Львова, «новые русские» составляют 1,5% населения (Указ. соч. – С. 77).

4. Там же. – С. 78. Вместе «ядро» и «прослойка» образуют ту самую, «богатую Россию» (напомню, по Д. Львову, 15% населения). Расхождение, как видим, не принципиальное.

5. Там же. – С. 80.

6. Малева Т. Указ. соч. – С. 80.

7. Там же. – С. 79.

8. Там же. – С. 81.

9. Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. – Вып. 24. – М., 2002. – С. 68.

10. В этом современный социальный разрыв повторяет прежние расколы. См. об этом: Пивоваров Ю.С. Политическая культура: вопросы теории и методологии. Автореф. дис. ... докт. политических наук. – М., 1995. – С. 26–27.

11. См. об этом: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 2001. – С. 554–572.

12. Так, ситуация в экономике давно оценивается западными исследователями как катастрофическая. См.: Силади А. Беда и катастрофа в России // Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. – С. 15–26; Фаркаш П. Промышленность России: Упадок и развал // Там же. С. 41–96. Наши ученые утверждают: «Нынешняя благоприятная конъюнктура на деле не закладывает основ для экономического процветания России, а лишь позволяет ей сводить концы с концами, не более того» (Профиль. – 15 авг. 2005 г. – С. 38).

13. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 27.

14. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. – С. 363.

15. Причина этого явления – экономическая: «...национальный капитал не вышел или едва вышел на отечественный рынок, поэтому его и не интересовали потребители. Следовательно, он не был заинтересован ни в какой политической поддержке снизу. Другими словами, *национальные нефтяные, газовые, торгующие алмазами и т.д. фирмы функционируют не как отечественные капиталисты, а по логике межнационального концерна, занимающегося добычей сырья в чужой стране*» (Тамаш П. Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 // Конец ельцинщины... С. 120. Курсив мой. – *И.Г.*). Той же логикой руководствуется вся «нефтегазовая» культура: и «золотые» 1,5–2%, и обслуживающая их «прослойка».

16. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М., 1995. – 220 с.

17. Цит. по: Морен Э. Указ. соч. – С. 189.

18. Морен Э. Указ. соч. – С. 162.

19. Неслучайно, например, «в момент своего максимального «очеловечения», когда в лице М.С. Горбачева коммунизм действительно обрел человеческое лицо, он почти мгновенно рассыпался в пух и прах» (Пивоваров Ю.С. Указ. соч. – С. 42).

20. Дилигенский Г.Г. Указ. соч. – С. 62.

21. Цит. по: Ключевский В.О. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. – М., 1993. – С. 170.

22. Цит. по: Там же. Кн. 2. – С. 188–189; Кн. 3. – С. 175.

23. Ключевский В.О. Указ. соч.– С. 242.

24. Там же.

25. Булдаков В. Системные кризисы в России: Сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. Т. 22. – С. 107.

26. Цит. по: Dahrendorf R. Quadratur des Zirkels: Wie entsteht die politische Kultur // Frankfurter Allg. Ztg. – 1990. 9 März. – S. 13.

27. Левада Ю. Указ. соч. – С. 420.

28. Там же.

29. Репетиция раскола – столкновение двух различных культур, «мужичьей» Древней Руси и «ученой культуры барокко», о которой писал А.М. Панченко.

30. См. об этом: Пивоваров Ю.С. О некоторых «истоках» и «смыслах» русской публичной политики // Политическая наука. – М., 2005. № 1. – С. 155–160.

31. См.: Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – С. 393–413.

32. См.: Schlegel K. Die Jankees vom Arbat // Frankfurter Allg. Ztg. 1994. – 24 Sept. – S. 14.

33. Цит. по: Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. – М., 1996. – С. 44.

34. «Носителем сталинизма являлся провинциальный партийный работник «из простых», чей горизонт был ограничен той губернией, где он провел почти всю свою жизнь. Поэтому лозунг «социализм в одной стране» был ему близок» (там же. – С. 44). Он много поспособствовал «провинциализации», «почвенизации» послереволюционной жизни.

35. Там же. – С. 55.

36. Там же. – С. 54.

37. Зарубежные исследователи считают: с культурой изоляции, «а также с последующим отречением от нее, неразрывно связан и крах СССР, и, вообще, падение государственного социализма в Восточной Европе» (Краус Т. Ельцинизм на весах истории // Конец ельцинщины... – С. 129).

38. Там же. – С. 135–136.

39. Там же. – С. 131. «Даже жена Горбачева, – пишет Т. Краус, – ценила возможность делать покупки в Париже и представляла своего мужа по новейшей моде, как "первая леди" СССР».

40. Это фактически схема С. Кордонского: на рынке появляются материальные ресурсы, деньги отсасываются из экономики и превращаются в сокровища чиновников и предпринимателей (Цели и риски // Отечественные записки. – М., 2004. – № 2. – С. 89–90).

41. А также аналогично технологии присвоения прибыли от этой добычи. Академик Д. Львов отмечал: «Значительная часть рентного дохода проходит мимо казны и присваивается владельцами нефтяных, газовых, рыболовецких, металлургических, лесоперерабатывающих компаний и вывозится за границу» (Итоги 2004 года: Что дальше? ... С. 78). Объем бегства капиталов из страны, по подсчетам агентства Fitch, составил 25 млрд. долл. в 2003 г., 33 млрд. в 2004 г. и 9,5 млрд. в первом квартале 2005 г. (Профиль.– 15 авг. 2005. – С. 38).

42. См.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии – М., 2004. – С. 167–168, 226–228; Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. – М., 2002. – С. 231–234, 239–245; Дилигенский Г.Г. Указ. соч. – С. 61–63.

43. См., например: Левада Ю. Указ. соч. – С. 544–547; Дилигенский Г.Г. Указ. соч. – С. 63–69.

44. Именно поэтому М. Ходорковский остался одиночкой; никто из представителей его «класса» всерьез не выступил в его защиту. Отношение к нему и ему подобным очень напоминает историю, рассказанную Неплюевым о позднепетровских временах: «Когда он с товарищами воротился из заграничной выучки, они были не только от ровных им возненавидены, но и от свойственников своих за европейский обычай, в них примеченный, «насмешкой и ругательством осмеяны». Очень уж петровские выдвиженцы, «высшее общество», «негодовали на эту заграничную науку с ее понятиями» (цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. – Кн. 3. – С. 100), из которых центральное – достоинство человека.

В.А.Ковалев

«РУССКАЯ СИСТЕМА». ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ

Ковалев Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор Сыктывкарского госуниверситета, председатель Коми регионального отделения Российской ассоциации политической науки.

Наблюдая за текущей российской политикой, приходишь к парадоксальным выводам. Это может случиться, например, когда, забывшись или случайно, включишь телевизор и посмотришь новости. По лживости и ангажированности новости на центральных каналах дадут сейчас хорошую фору программе «Время» советских времен. И не отделаться от мысли, что «реформы», «политические партии», «выборы», «парламент», «демократия» и т.д. для российских властей всего лишь элементы ролевой игры, а сущность российской политики таится в чем-то ином.

Между тем российские обществоведы, по всей видимости, в массе своей разочарованные результатами отечественных реформ последних полутора десятилетий, напряженно ищут ответа о причинах их неудачи. Сделать это, достичь теоретического прорыва, пребывая в состоянии ученичества у западных социальных наук, повторяя зады европейской и американской социологии и политологии, действительно трудно. Например, похоже, что модные в 1990-е годы транзитологические концепции даже их бывшие поклонники готовы отправить в утиль. Какой, в самом деле, демократический транзит, при таких изменениях избирательного законодательства, гарантирующих победу «партии власти», а уж сами практики этой «партии власти» с точки зрения перспектив демократизации даже и обсуждать нечего. При таких условиях понятен растущий спрос на, так сказать, *самобытное* теоретизирование. Что делать, если в нашем царстве-государстве с *модернизацией* (имеется в виду не техническое перевооружение, а проект Модерна, Современности) никак ничего не получается. Население наше никак не хочет реализовывать проект Просвещения[1]. Логично предположить, что мы как-то очень серьезно отличаемся от Запада, у нас свой порядок, который описывающие его авторы так просто и называют – «Русская Система», которая может существовать только, как система властноцентричная и никак иначе[2]. Новая концепция находит своих сторонников, ссылающихся на то, что

реализованный ныне проект «партии власти» существовал уже век назад. (Вот, правда, политтехнологи столетней давности были не те. – В.К.). «В настоящее время все более очевидным становится, что существо пережитых нами с конца 1980-х годов изменений невозможно описать в терминах модернизационной теории демократического транзита. «Демократический переход» предполагает возникновение в социальном пространстве элементов «демократии». У нас если они и существуют, то, в основном, по форме, внешне. По сути, *подавляющее большинство «новаций» традиционно автократично»* (курсив мой. – В.К.), – замечает И.И. Глебова в сносках к своей статье[3]. И пишет: «Очевидно: сейчас Власть (как и Русская Система – с заглавной буквы. – В.К.) ищет формы восстановления традиционных российских способов своего существования, *органичных нашей социальной природе* (курсив опять мой. – В.К.); пытается преодолеть те "недостатки", восполнить те "дефициты", которые порождены новой социальной реальностью. В качестве одного из инструментов она и использует партию Власти...»[4]. Практические выводы, которые я сделал из подобных представлений, сводились к фатальной безысходности произвола власть предержащих в России, при котором придется жить не только нам и нашим детям, но и внукам, правнукам...

Мои размышления перед попыткой вступить в теоретическую дискуссию по этому поводу, чрезвычайно оживились после прочтения фантастического романа Захара Григорьевича Оскотского «Последняя башня Трои». Эта книга как будто специально написана для иллюстрации «Русской Системы Власти в действии» и характеристики органичных нашей природе ее «Основных направлений и на период до 2085 года» (т.е. до времени происходящих в книге событий).

Поэтому, находясь под впечатлением от выдумок автора романа, я пока не буду вступать в развернутую полемику с идеями, составляющими кумулятивный образ «Русской Системы», а ограничусь рефлексиями по поводу романа Захара Оскотского, не обществоведа, но и не «чистого» литератора, химика про профессии, а потому человека с научным складом мышления.

Перестройка: все изменилось, чтобы остаться по-прежнему

Данный текст – это, конечно, не литературная рецензия. Мне хотелось бы привлечь внимание к книге З.Оскотского в связи с рядом интересных идей относительно политического и иного будущего России, которые сейчас довольно активно дискутируются отечественными интеллектуалами. Эти дискуссии особенно оживились буквально в последние месяцы, в связи с очевидным интеллектуальным и реформаторским бессилием нынешнего российского режима, «цветными революциями», разрушительным кумулятивным эффектом непроду-

манных «реформ». Популярными стали настроения, что свинцовая «стабильность» *управляемой демократии* (аналог «осетрины второй свежести») без всякого просвета, и этот режим очевидным образом долго не протянет. Будет по-другому. Но – как?

Для того чтобы популяризовать и развить свои идеи, автор удачно, на наш взгляд, выбрал форму фантастического романа. Картина, рисуемая фантастом, для нынешнего поколения неутешительная: уже в следующем десятилетии им (то есть нам) придется пережить диктатуру, возврат дефицита, следующую перестройку, опасность быть втянутыми в новую мировую войну, которую ведет Запад против стран третьего мира с их демографическим взрывом и претензиями, подкрепляемыми террором. Фантазия? Конечно, но от вопросов, которые порождает этот прогноз, вовсе не так просто отмахнуться. Попробуем, например, ответить, что делать с валом преступности или чеченским терроризмом, которые смертельно угрожают стране. Преступность, а особенно коррупция – это системное качество, условие существование нынешнего режима. Конечно, девиация наблюдается в любом обществе, но у нас девиантность стала нормой – вот в чем проблема. А чего другого можно ожидать от экономической и социально-политической системы, возникшей в результате российской приватизации. Помнится, в годы «большого хапка», *реформаторски* настроенная публика любила цитировать строку культового для этих кругов И.Бродского «а ворюга мне милей, чем кровопийца». Но разве бандиты, нанимаемые «новыми русскими» – это не кровопийцы? Разве население, которое изнемогает под властью ворюг, деморализованное и дезориентированное, не впадает в искушение призвать к власти «сильную руку», которая не остановится перед кровопролитием. Наконец, с точки зрения реальных политических возможностей, кто может свергнуть политический режим, возникший на клептократической основе? Только бандиты – кто же еще. Но идеологически зашоренная публика подобные вопросы даже и ставить не хотела. Критика криминальной приватизации была отдана на откуп маргинальным политикам и газетам вроде «День» или «Завтра». А с ними в «приличном обществе» общаться не хотели. Ведь их же кумир, тот же Бродский сказал, кажется, в свое время, что если Евтушенко против колхозов, то он за. Поэтому его поклонники в постсоветской России, ссылаясь на то, что вопросы об анормальности политических и экономических преобразований муссируются в кругах публики малосимпатичной («шариковы»), просто закрыли тему, чтобы получить на будущее настоящее минное поле для реформаторской политики. Ведь если отвратительные нам персонажи постоянно твердят, что Земля круглая, значит – она плоская. А вдруг «шариковы» были в чем-то правы?

В 90-е годы, раздавая собственность и «назначая» собственников, «реформаторы» выполняли политические задачи – не допустить возвращения к социа-

лизму. Но раздача кусков общенародной собственности была просто невозможна без системы коррупции и бандитских действий. На нынешнем российском капитализме родовое пятно «прихватизации», от которого ему никогда не избавиться. Можно ли поверить в уверения отечественных реформаторов, что у нас все наладится и из грабежа первоначального накопления вырастет цивилизованная экономика западного типа? Это утопия выглядит глупее всякой фантастики. Как минимум, для этого требуется смена нескольких поколений. Есть ли у России такой запас времени? Ведь она слабеет на глазах. А сейчас – кто же будет превращать *савлов в павлов*? Может быть, нынешнее государство. Однако так называемое «дело Ходорковского» наглядно показывает, что после изъятия активов у ЮКОСа никакого чуда не произошло – «вор у вора украл». Про экономическую эффективность, про модернизацию экономики лучше и не вспоминать.

Однако наша приватизация — это не только покупка заводов по цене квартир, не только уводы национального достояния в оффшоры, не только схемы, по которым миллионы становятся миллиардами (миллионы рублей миллиардами долларов), и не только чудовищный контраст между богатыми и бедными – это и перманентное насилие, грабежи, убийства. И Чечня, как наиболее наглядное выражение этой закономерности российских реформ. После надежд, возникших накануне прихода Путина к власти, практически всем стало ясно, в рамках нынешних порядков чеченская проблема решения не имеет. Война – это мир, мир – это война. Продолжать силовые операции – значит сковывать силы боевиков, нести потери среди солдат, озлоблять население и той и другой стороны. Дать чеченцам «мир и независимость» – значит согласиться на широкомасштабное возобновление грабежей и работорговли. Можно выбирать: будет ли Россия платить чеченскую дань в виде разворованных субсидий «на восстановление Грозного» или как многомиллионные выкупы за очередную группу похищенных людей.

Итак, режим в постсоветской России оставил нерешенными те проблемы, что мучили Советский Союз (отставание в экономическом соревновании, хозяйственную слабость, прежде всего) и обзавелся новыми (терроризм). Можно ли справиться с этим в рамках нынешнего режима – ответ отрицательный. Следовательно, если выходить за пределы «вялого» инерционного сценария (начальство ворует – народ терпит, боевиков уничтожают – они взрывают, и так до критического истощения ресурсов страны), необходим выход за пределы этой системы. Не забудем и того, что многолетние унижения русского национального достоинства не могут пройти бесследно. В определенных кругах очень популярен вариант «решительных действий». Что же, автор учитывает подобные настроения.

З. Оскотский сценарий «патриотической диктатуры» и проигрывает на страницах своего романа: «приговоренных преступников в действительности тогда

не расстреливали. На военном аэродроме под Архангельском им сковывали руки и ноги, привязывали груз, впихивали в пластиковый мешок с завязкой на шее, укладывали как бревна в транспортный самолет и сбрасывали над Белым морем» (с. 44). И с чеченобандитами не справиться в рамках обычных уголовно-процессуальных процедур. В романе описано применение против них биологического оружия. Войска, мирное население, лояльные к России кавказцы отступают из региона, а вместо «федералов» в Чечню приходит чума. В тот же период в России уничтожаются преступные этнические группировки, засилью на рынках «черных» приходит конец. Так решаются актуальные современные проблемы. «Самый горячий энтузиазм ... вызвало истребление прежней олигархии и чиновничьей элиты, сопровождающееся громкими разоблачениями финансовых афер...» (с. 45). В общем, вместо *ворюг* пришли, наконец, *кровопийцы*.

В отличие от авторов определенного сорта, З. Оскотский этот сценарий не исключает, но и показывает его тупиковость. Оскотский – ученый, он не позволяет себе увлечься идеологическими химерами. Одна из них выглядит весьма привлекательно, ибо еще не реализовывалась в отечественной истории. Фашизм по-русски – вот эта неиспользуемая возможность. «Правая» (или иная) диктатура имеет у нас не так мало поклонников: от «либералов», хвалящих генерала Пиночета, до всякого рода «неоевразийцев». А почему нет, в самом деле? Если уж мы дошли до обсуждения фантастики, то попробуем поиграть мысленно в альтернативную историю? Профессиональные историки могут лучше предположить, кто мог бы претендовать на звание русского Диктатора по итогам гражданской войны, если бы она закончилась поражением большевиков. Мы же думаем, что за идеологическим обоснованием дело тоже бы не стало. Вспомним, скажем, Ивана Солоневича, который с товарищами еще в «керенские» месяцы молил о «винтовках против большевиков», а потом, сбежав из советского концлагеря, находясь в эмиграции, яростно обличал коммунистов и т.д. («Диктатура импотентов»). А ведь помимо автора «Народной монархии» среди русской эмиграции первой волны было немало тех, кто, скажем, весьма благожелательно смотрел на итальянские опыты Б. Муссолини.

Совершенно понятно, что, как и в нынешней России, коррумпированность и бессилие власти заставляет мечтать о Вожде. Но ведь это очередной исторический тупик. В рамках мысленного эксперимента мы даже готовы допустить, что в первой половине XX в. правая диктатура могла бы в России послужить для решения ряда модернизационных задач, как решали их и большевики, между прочим. Но, столетие спустя, в эпоху постиндустриального общества такая диктатура установит на какое-то время подобие порядка, но не может справиться с задачами экономического прорыва и социального развития. Она поэтому в перспективе обречена. Кроме того, как пишет сам З. Оскотский в «Гуманной пуле»: «В России диктатура только ускорит течение стариковских, смертельных недугов страны.

Возможно, в течение какого-то времени она сумеет, например, более или менее успешно противостоять хаосу и терроризму, пришедшим с юга. Но, поскольку она сделает необратимым угасание собственного народа, натиск молодого, многолюдного Юга-Востока на российские просторы пойдет в итоге еще стремительнее»[5].

Длительная диктатура несовместима с прогрессом в современном обществе, однако то, что в России остались и остаются нерешенными многие задачи Модерна, постоянно провоцирует соблазн «сильной руки», при помощи которой решались некоторые проблемы прошлой эпохи.

Однако жителей жестокой и несчастной страны ждет новое разочарование, появляются новые иллюзии... В нашем фантастическом романе начинается вторая перестройка, генерал уходит в отставку (под грузом экономических трудностей), и вновь Россия, как тупой второгодник, проходит те же уроки. Устанавливается вроде бы демократия, похожая на политический гибрид 1990-х годов. Власть централизована, президент готовится переизбираться на третий семилетний срок, население живет достаточно бедно, круг хороших вакансий сильно ограничен, процветает гангстерский контроль над бизнесом... Опять замкнутый круг? «Последняя башня Трои» – удивительно *современный* роман.

«ПРОДОЛЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ» – в этом словосочетании, если иметь в виду отношение к проводимой в РФ политике, негде поставить запятую. С одной стороны, все большему количеству людей становится очевидным не просто бесперспективность, но и губительность для страны нынешнего политического и экономического курса. Сочетание ряда непродуманных и плохо организованных реформ (монетизация льгот, реформы ЖКХ, местного самоуправления, административной) даст такой разрушительный кумулятивный эффект, какого никогда не добиться всем спецслужбам недружественных к России государств. Конечно, лучше бы, чтобы люди с такой квалификацией, какая есть сейчас в «верхах» исполнительной и законодательной властей Российской Федерации просто ничего не делали и оставили бы страну и людей в покое, без новых реформ и «инициатив» (скажем, отмены губернаторских выборов или автогражданки), но это также невозможно. Мир не стоит на месте, международное положение России довольно неблагоприятно, и сколько-нибудь долго паразитировать на «трубе» тоже не удастся. Ширятся настроения «а король-то голый» и «так жить нельзя». Но – как можно?

Для варианта авторитарной модернизации у нынешних российских элит не хватает духовных, нравственных стимулов, они слишком корыстны и непатриотичны, не готовы опираться на лучшие элементы отечественной исторической традиции, которая дважды на протяжении одного столетия трагически пресекалась. Возвращения чего-то подобного «демократии» образца 1990-х годов тоже не радует. В лучшем случае, мы получим новое издание бесплодного плюрализма и имитации западных демократических образцов. Для некоторых носителей

«свободы слова», сейчас фактически придушенных политической цензурой, такой поворот будет благом, но страна в целом вряд ли выиграет, да и ресурсов, которые разворовывались и растрачивались в годы «демократии по-ельцински» уже нет. Когда оказываешься в подобном тупике, вроде бы остается только ждать, что все разрешится само собой, скажем, через «цветную» революцию.

После известных событий на Украине тема эта стала весьма популярной, но, по нашему убеждению, «оранжевый взрыв», которого некоторые ожидают даже с надеждой, имел бы для нашей страны самые трагические последствия. Антисанитарией вокруг центральной площади дело бы не ограничилось, наш бунт против власти – это «запирайте етажи / нынче будут грабежи». А кто мог бы воспользоваться плодами новой русской революции, просто страшно подумать. Но ведь основным провокатором «российского майдана» выступает российская же власть, со своим действием и бездействием. И эту власть не убрать в результате демократических выборов, на которые правящая группировка не пойдет, ибо проводить выборы без административной мобилизации и массовых фальсификаций в России и ее регионах уже не могут. Такие выборы – хороший повод для «оранжевых» выступлений. Значит, дело все-таки в политической демократии. Но как ее добиться?

Как мы видим, российские политические «гибриды» нежизнеспособны, без синтеза гражданской нации, объединенной на началах демократии, он не выдерживает, не справляется с существующими проблемами. Преступность, Чечня, экономическая неэффективность, управленческое бессилие, массовое озлобление из-за крайне несправедливого распределения материальных благ – все это не решается в рамках такого «гибрида», даже при обретении им более явных авторитарных черт.

Маловероятным является и благожелательное отношение Запада по отношению к России. Согласно гипотезе З. Оскотского, последней предоставляется вакцина, и она не воюет сама с третьим миром (по аналогии с разгромом Америкой «Талибана»). Но не забудем, что речь все же о фантастическом романе. Описание ситуации З. Оскотским в «Гуманной пуле» гораздо реалистичнее и жестче: «Разрушив почти всю свою науку, изгнав, уничтожив морально и выморив физически значительную часть своей интеллигенции, Россия потеряла способность к самостоятельному научно-техническому прогрессу... И случилось это в самый неудачный момент нашей исторической судьбы, какой только можно представить. В момент, когда, в самом деле, началось стремительное и необратимое биологическое старение народа»[6]. В романе же автор допускает вариант чудесного спасения России в середине XXI столетия. Но даже при этих допущениях наша страна оказывается в нелегком положении и получает лишь недолгую отсрочку. В романе западные страны, измученные фанатизмом и терроризмом Юга, усмиряют его тем, что доводят численность его населения до

уровня, сопоставимого со своим собственным. Выжившим после новой мировой («контрацептивной») войны дают западное образование и уровень жизни. Но новые губительные глобальные проблемы дают о себе знать. Западной цивилизации удалось благодаря прогрессу медицины значительно продлить человеческую жизнь, а люди оказались к этому неподготовленными. Резко обостряется конкуренция на рынках, особенно на рынке труда. Несмотря на внешнюю благодать, множатся преступления, убийства, которые всерьез никто не хочет расследовать. Интерес к ним составляет «вину» главного героя романа. Такой конфликт, положим, может выглядеть довольно искусственно, но несомненно, что до «конца истории» в духе Ф. Фукуямы далеко и в конце XXI в.

Прогресс в науке и технике, не сопровождаемый изменениями в политике и нравственности, может обернуться катастрофой. Да дело, скорее всего, не в бессмертии, подаренном неподготовленным для него людям. Россию мучают институциональная слабость политических и экономических институтов, а также нравственный кризис. Не помогают ни нефть, ни редкоземельные элементы. Большинство населения «лишние». Мы видим гиперболизацию нынешней «голландской болезни», которая еще усугубляется продлением жизни без поисков ее смысла. Автор показывает себя блестящим сатириком, описывая рекламу футуристических прокладок или ситуацию в будущем российском парламенте, где решения принимаются по результатам компьютерных игр – это образ, достойный сатирического пера Джонатана Свифта. Парламент в условиях беспартийного правительства и «общенародного президента», не имея возможности формировать кабинет министров и серьезно влиять на политический курс, эволюционирует от рукоприкладства к виртуальным сражениям. Так, в итоге одной из виртуальных игр (где лоббист в симуляции Второй мировой войны играет за де Голля и побеждает) парламент голосует за преференции некой корпорации РЭМИ в частном освоении космоса.

Как ученый автор «Гуманной пули» и «Последней башни Трои» поднимает проблему пренебрежения наукой в России. Пренебрежение Знанием нарастало в нашей стране, наверно, пропорционально количественным показателям уровню образования (при его качественной деградации), чтобы достичь рекордных показателей в профанации вузовской и академической системы, нищеты и внутренней и внешней эмиграции умных и талантливых ученых. И за это, по мысли автора, страна расплачивается сполна.

«Если бы нам дали работать» – рефреном проходят через роман сетования деда главного героя, обладателя светлой головы, чью лабораторию разогнали в период советского застоя партийные бюрократы. Это «если бы» оборачивается тем, что открытия, которые были уже сделаны в нашей стране, совершаются снова и внедряются десятилетие спустя на Западе, делая богатыми и сильными их, а не нас. России остается участь сырьевого придатка и получателя гумани-

тарной помощи (в романе – это медицинские технологии по продлению жизни). Однако разве в том, что дело так обернулось, виновны только партийные бонзы или демократические правители? «Не будем наивными! Вот современные социологические данные: около 90% россиян считают ненужным поддерживать науку, только 15% видят пользу от фундаментальной науки, лишь 5% ученых хотят, чтобы их дети тоже занимались наукой[7]. И подобных данных можно привести в изобилии. В стране, где правительство долгое время было «единственным европейцем», со временем «народ и партия стали едины». В частности, по отношению к ученым. Это они в едином порыве уничтожили советский научный потенциал и породили такой уникальный для современного мира феномен, как нищету квалифицированных кадров: инженеров, ученых, врачей, университетских профессоров. Наука, образование, педагогика, медицина – все, что давало нашей стране шанс на достойное будущее, губилось и губится под корень. Научная сверхдержава была уничтожена ради огромного вещевого рынка! И началось это вовсе не за столетие до времени действия романа, а задолго до «катастройки». Страна просто закрывалась для достойного будущего.

Подобные перспективы для России, отнюдь не фантастические, заставляют подозревать, что институты, перенесенные с Запада (связанные с политической демократией, научным развитием и т.д.), на нашей почве прижиться так и не смогли. И это несмотря на все усилия и жертвы! Догоняющая модернизация оказалась имитационной и неэффективной, Логос утонул в пучине отечественных мифов. Институты, не имеющие у нас собственной основы, приносили совсем не те плоды, на которые рассчитывали. С политикой все, кажется, ясно. А попытки догнать «по науке» Запад привели к трудностям в практическом внедрении научных результатов, к разрастанию гигантской и бесполезной научной бюрократии, имитацией научной жизни в диссертационных гонках, удушению тех, кто стремится к получению нового знания, то есть является настоящим ученым. И в политике, и в научной сфере возобладало *Ненастоящее*. Господствуют симулякры. Ростовский философ Оксана Туманова довольно удачно использовала возможности понятия Бодрийяра[8] для описания российской ситуации: «Симулякр модернизации россиянину близок и понятен. Сочетая элементы современности и архаику, он отвечает нашим подсознательным желаниям. В современной России нет препятствий для виртуализации и симуляции. Но есть ряд проблем, которые необходимо осмыслить:

Обращение к опыту симулятивного проекта модерна влечет за собой создание симулякра симулякра, следовательно, *проблемы, реально стоящие перед нашим обществом, решены не будут* (курсив мой. – В.К.).

Симуляция через систему коммуникаций усиливает возможность манипуляций, которые уже сейчас воспроизводят тотальные практики. Свойственная

симулякрам стандартная форма деиндивидуализирует человека. Реальная угроза – превратиться в некую колонию западной цивилизации»[9].

В «Последней башне Трои» хорошо показано, как наука и технологии превращаются во враждебную человеку силу, а ученые – во врагов общества. (А что ждать обществу при таком отношении к ученым? Примечательно, что где-то в середине прошлого десятилетия в одной из газет мне встретился проект создания искусственного острова, где интеллектуалы могли бы отгородиться от остального мира, жить и работать так, каким нравится.) Примерно то же самое мы читаем и в романе. Тайный орден ученых отбирает людей и делает выдающиеся изобретения, обретает власть над миром. Первоначально группа ученых хочет просто выжить, но потом тайный орден входит во вкус – замечательно, что ему ничего не нужно от мира, но все, кто мешает этим гениям, будут уничтожены. Подавляющее большинство людей рассматриваются просто как эволюционные шлаки. Не напоминает ли это еще один современный феномен: подавляющее большинство разнообразных трансакций развитые страны совершают между собой, третий мир им нужен все меньше, в перспективе на него вообще можно было бы совсем не обращать внимание, если бы не сырье и террористическая опасность.

О «Русской Системе» и российском политическом выборе

Разумеется, текст Захара Оскотского – это только литература, воспринимаемая, в зависимости от вкусов и убеждений, как утопия или антиутопия. Сколько-нибудь точный научный прогноз на таком отрезке – более полувека – попросту невозможен. Хотя это вовсе не значит, что ряд догадок, порождаемых, где логикой, а где интуицией, не имеет значения. Еще как имеет! Написав роман о будущем, автор фактически пишет о настоящем, при экстраполяции в грядущее нынешних тенденций получается замечательная карикатура на порядки в современной России и мире. Незаслуженное трудом потребление с паразитированием на экспорте природных ресурсов, безальтернативный президент, опирающийся на силовиков, парламент, низведенный до принятия решений уже по результатам компьютерных игр, разрушительное для культуры торжество пошлости, униженное положение интеллектуалов по сравнению с торгашами. Какой там 2085 год! Скорее все это читается как сатира на начало XXI в. России тогда фантастически повезло (с ценами на нефть, с раскладом глобальных сил, с тем, что она не развалилась при передаче власти от Ельцина). Но долго ли может продолжаться такое везение? Нельзя не видеть сейчас массу практических трудностей для выхода из имеющегося тупика.

Вопрос этот не дает покоя не только политически озабоченным фантастам, но и наиболее чутким из обществоведов. Отметим, что речь идет не об актуаль-

ной политической публицистике, горизонт которой ограничивается месяцами, а теоретическими обобщениями очень высокого уровня. Мы выступаем здесь против абсолютизации недемократического характера отечественного государства. Вернемся к концепции Русской Системы, разрабатываемой Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым, а в последнее время активно развиваемой и популяризуемой первым из них. Вот что писал Ю.С. Пивоваров в 2004 г.: «На наших глазах Россия пережила очередной в своей истории фундаментальный переворот, и ... (по сути) *ничего* не изменилось. Мы вернулись сами к себе (впрочем, на то он и *переворот*). Да, в конце XX столетия русский человек получил свободу, что есть *возможность самоосуществления*. Результат известен: постыдный и жалкий общественный порядок (точнее: социальный беспорядок). *Саморазрушение* страны, культуры, индивида... Мы показали и доказали – *бесповоротно* (курсив мой. – В.К.), – себе и всему миру: на Руси национализация и денационализация (приватизация) имеют один и тот же результат – ограбление народа. Точнее: самоограбление народа. Мы также показали и доказали: на Руси, по сути, не важно, какова форма собственности, каков *властный режим* (курсив мой. – В.К.), каковы господствующие духовные («антидуховные») и идейные ценности и пр. Суть русской жизни неизменна: презрение к личности, в том или ином варианте насилие над человеком и его – в конечном счете – закабаление, воровство (как в традиционном, так и русском, так и в современном смысле), умение самоорганизоваться лишь на злое дело....

Еще двадцать лет назад у русских была надежда: коммуно-мужицкая история не удалась, удастся демократическая, не-тоталитарная, с правами человека, частной собственностью и правовым государством... И что же? «Россия в обвале» – припечатал Солженицын»[10].

Однако так ли все бесповоротно. Если усилия элиты были направлены в сторону, противоположную созданию правового демократического государства, то откуда же оно могло взяться. Первая попытка перехода к демократии во многих странах кончается неуспехом. В России же между этими попытками прошло много лет (если считать демократизацией Февральскую революцию 1917 г.), и носителей либерального опыта попросту не сохранилось. Но после неудачи конкретной попытки политических реформ нам предлагают проверить в тщетность их в принципе.

В переводе на житейский язык это значит, что Россия в рамках такой системы так и должна оставаться в состоянии перманентной холодной гражданской войны «верхов и низов», со злоупотреблениями элиты, с нищетой населения, а правовое государство, либерализм и свободные выборы для нее не только недостижимы, но и противопоказаны в принципе. Далее, сравнение неудачного социалистического эксперимента с неудачными рыночно-демократическими реформами выглядит, на первый взгляд, остроумно, в духе черномырдинского

«получилось как всегда». Но это только на первый взгляд. Если не быть ленинистом-догматиком, то нельзя отрицать, что коммунистический идеал недостижим вообще, а настойчивое стремление к нему оборачивается концлагерями и повальной нищетой. Возможно, Ленин этого еще не знал (что сомнительно), но уж Пол Пот планировал наверняка. Между тем успешные переходы к демократии далеко не гарантированы, но возможны, и этому есть удачное подтверждение. Рай на земле в России создать не удалось, потому что это невозможно нигде, но независимый суд, свобода слова, честные и справедливые выборы и другие черты полиархии – это отнюдь не утопия.

Речь, повторяю, идет не о текущей, сиюминутной политической практике. С точки зрения демократических перспектив, она малоутешительна, но ведь и в 1985 г. средний советский человек не мог оказать никакого влияния на политическую практику, а через четыре года участвовал в выборах депутатов. Политический процесс в современных условиях разворачивается стремительно. Конечно, если элита заявленные реформы лишь *симулирует*, то провозглашенные цели оборачиваются своей противоположностью. Зато какой аргумент против реформ! Сейчас в Рунете на сотнях, тысячах страниц, посвященных политике, авторы с энтузиазмом предвосхищают «оранжевую революцию» в России. Элементы этой логики очень похожи: нам лично этот режим и его деятели, конечно, омерзительны, но *может быть еще хуже*.

Обществу предлагается лишь выбрать меньшее из зол – иначе катастрофа! Но куда уж хуже – ведь власть не предлагает обществу никакой позитивной стратегической программы, а делает лишь тактические шаги для своего самосохранения. Можно сказать, что основные претензии, которые предъявят вскоре сегодняшней российской власти (с маленькой буквы!), будут состоять не столько в том, что была выхолощена демократия и ликвидирован институт выборов (формально губернаторских, фактически – и на федеральном уровне), сколько в том, что выпавшая на долю нашей страны экономическая передышка не была использована ни для хорошего ремонта того, что осталось еще с советских времен, ни для создания новой современной экономики. Но без демократических механизмов, институализированного давления со стороны общества у «верхов» в РФ не было для этого стимулов. «Элита» в России просто паразитировала на нефтяных ценах, пугая население тем, что в случае ухода (этих паразитов) стране будет гораздо хуже. Так, закрепощая себя подобными ложными дилеммами, мы и будет пребывать в состоянии перманентного кризиса, выбирая между очень плохим и ужасным. Пока, минуя ряд потрясений, страна наша не прекратит своего несчастного существования.

Национальное и демократическое

Теперь о главном. По нашему убеждению, тупик этот связан с тем, что в России (еще в составе СССР) национальные, патриотические и демократические ценности изначально были противопоставлены друг другу, и это размежевание было роковым как для развития здесь демократии, так и отстаивании национальных приоритетов на международной арене, в отношениях с ближним и дальним зарубежьем. Споры, разъедали наиболее активные слои, участвующие в процесс «перестройки». Вспомним журнальные баталии, скажем, «Наш современник» и «Огонек» в эпоху «гласности поставили *патриотов* и *демократов* по разные стороны баррикад. Они начались с выплескивания цеховых обид (советской тогда еще) интеллигенции, а закончились тем, что государство лишилось патриотического содержания, а патриотам очень непросто полюбить Россию в том виде, в каком она существует сейчас. «Патриоты» были заклеймены в качестве реакционеров, а «демократы», прорвавшись к власти, упустили все, что можно упустить.

Обиднее всего, что нашей сверхдержаве демократию нельзя было навязать силой, извне, и вопреки ряду конспирологических измышлений[11], руководство СССР пошло на демократизацию режима по собственной инициативе. Хотя обращение за помощью к США водит в стандартный набор «советов демократизаторам»[12], предполагалось, что при этом худо-бедно будут соблюдены национальные интересы. Однако опять сработал пресловутый «человеческий фактор». В итоге, когда демократия отделяется от патриотизма, мы имеем либо непатриотичную демократию (прошлое десятилетие с разгулом компрадорского капитала и либеральных агентов влияния, что небезосновательно воспринималось как разновидность оккупации), либо «патриотизм» с демократией-ширмой, за которой скрывается иное содержание. Это приводит к отчуждению миллионов сограждан, не согласных с ликвидацией демократических свобод, но не способных *консолидироваться на основе демократии, выражающей национальные интересы*. Демократия за счет западных грантов – могла ли она устоять? В каком-нибудь из лимитрофов – возможно. Но не в центре бывшей великой империи[13].

Ничего не получится, пока демократия в России будет строиться на основе не патриотизма, а бесплодных имитаций западного опыта, не на любви к России, а на верноподданических инстинктах. В итоге «классовый» (в терминах марксизма) конфликт в современной России дополняется чувством национальной ущемленности. Дикие эксцессы в связи с деятельностью ряда националистических групп объясняются как раз слабостью, несформированностью и фактически «детскими болезнями» российской нации. Впрочем, как показывается в отдельных исследованиях, националистическая риторика (и пресловутый антисемитизм) выполняют ныне роль заменителя классового протеста, находяще-

го резонанс у загнанных в безвыходное положение широких слоев населения, лишенных доступа к культурному капиталу и материальным благам и страдающего от разнообразных форм доминирования над ними[14]. Поскольку нынешняя «стабильность» явно не рассчитана на длительную перспективу, ей на смену вполне может прийти какой-нибудь национал-большевизм. Вот типичная для ультрапатриотической публицистики филиппика: «На российской земле в тепличных условиях, создаваемых властью России, процветает все, что губит Россию»[15]. А разве не так?!

Первоначальному накоплению, как мы знаем из исторического опыта, весьма способствует практика колониального грабежа. Сейчас российское население оказалось в роли туземцев заморских территорий, ибо для группировок, имеющих сейчас власть и собственность «эта страна» – всего лишь место для извлечения сверхприбылей, уводимых за рубеж. Дворец, яхта, футбольный клуб, купленные Р.Абрамовичем – нужны ли более яркие иллюстрации последствий отношения «олигархов» с «аборигенами». Отсутствие национально-государственного единства приводит к тому, что элиты просто не видят смысла «делиться» с населением и разрушают даже те скудные остатки социального государства, которые остались с советских времен (пресловутый закон о монетизации льгот). Интересно, что наши так называемые демократы, поклоняющиеся всему американскому, игнорируют завет Авраама Линкольна, содержащийся в одной из его речей: ДОМ, В СЕБЕ РАЗДЕЛЕННЫЙ, НЕ УСТОИТ. В современной России фактически живут два народа и существуют две разные страны. Власть, заявив, что пересмотра итогов приватизации не будет и одновременно пустившись на маневры с «делом «ЮКОСа», законсервировала этот раскол (хотя в начале путинского правления был благоприятный момент для консолидации; имелись сопутствующие надежды населения), фактически сделав неизбежной социальную и политическую поляризацию.

Путинская стабилизация осуществилась благодаря нефтяным ценам, иных серьезных источников для удвоения ВВП не просматривается (если не считать расширение игорного бизнеса и легализацию проституции или разве что роста мобильной связи). Но наслаждаться сохранением статус-кво власти и новым русским не удалось – взрывы террористов не прекращаются. Попыткой объединения страны перед лицом терроризма стала бюрократическая унификация, state и government не разделяются.

Федеральные выборы, электоральный цикл 2003–2004 гг. ярко подтвердили тенденцию превращения России из электоральной демократии в зону «управляемой демократии», а потом и отмирание даже элементов этой последней. Россия сейчас – это конгломерат территорий, находящихся под неэффективным правлением коррумпированных бюрократий и/или этнических автократий, укрепившихся благодаря разжигаемому в 1990-е годы этнонационализму. И сей-

час вместо поддержки демократического единства и процесса складывания гражданской нации мы наблюдаем попытки скрыть региональные и этнические различия под бюрократической «штукатуркой». Построить федеративное государство на демократической и законной основе в России за последнее десятилетие не удалось, хотя существовал такой ПРОСТОЙ способ борьбы со злоупотреблениями местных и региональных властей, как преследовать тех, кто фальсифицировал выборы и брал взятки, по всей строгости закона. Увы, Центр вместо борьбы с коррупцией занялся борьбой с остатками электоральной демократии.

Мы солидарны с тем, что пишет, например, Валерий Соловей о национальных и политических проблемах «новой» России: «Негативный модус русской идентичности усугублялся и даже намеренно стимулировался специфической культурной и идеологической политикой, проходившей в первые годы существования независимой России под знаком целенаправленной дискредитации русского сознания, национальной истории и культуры. Русским агрессивно навязывались комплекс национальной неполноценности и чувство коллективной вины за демонизировавшуюся империю. Успех массового распространения антирусской мифологии в публичном пространстве был обеспечен благодаря контролю основных коммуникационных каналов и наиболее влиятельных СМИ со стороны либеральной элиты.

Дело в том, что структуры отечественного либерального и колониального дискурсов совпадают. Презумпция внутренней ущербности русского народа, периферийность русской цивилизации, неполноценность русской традиции, неадекватность ее ценностей современному (читай: западному) обществу — эта аксиология доморощенного либерализма с «железной необходимостью» продуцирует отношение к России и ее народу как колонизуемой территории с «неполноценным» населением. Сознательная или неосознанная стратегия негативизации русских и России по-прежнему доминирует в отечественных СМИ (особенно электронных), несмотря на смену высшего политического руководства страны и проведение так называемого «государственнического» курса в идеологии и культуре. Хотя конструирование негативного образа России и русского народа, продуцирование антирусской мифологии происходят теперь в более «мягких» и скрытых формах, суть самой этой политики остается неизменной»[16].

Вместе с тем в той же статье ставится проблема создания в России гражданской нации, для которой автор не видит перспектив: «Без обиняков можно сказать, что государственная стратегия идентичности в России увенчалась блистательным провалом: политическую, гражданскую нацию «россиян» создать не удалось и в обозримой перспективе не удастся ...укажу в данном случае лишь одно, но принципиальной важности обстоятельство: успех конструктивистских

стратегий в решающей степени зависит от фигуры конструктора, в нашем случае – государства.

Однако в глазах общественного мнения российское государство выглядит неэффективным, некомпетентным, коррумпированным и все более пугающим. (Происходившее с конца 1990-х годов повышение ценности государства как теоретического норматива, как идеи, не привело к валоризации актуального российского государства.) Соответственно, все исходящие от такого государства инициативы воспринимаются с позиции презумпции его враждебности и чуждости обществу»[17].

Наш вывод – дальнейшее существование *такого* государства несовместимо с перспективами России. Кроме того, если *это* государство не может породить нацию, то ее, возможно, породит именно *национализм* – примерно так, как это описывали Э. Геллнер и Э. Хобсбаум, – но в современных условиях это связано с рядом серьезных опасностей. Альтернатива – это просто распад нашей *кучи песка*, не скрепленной ни государственной ответственностью, ни общей идеей. Общее языковое или, например, телевизионное пространство – скрепы недостаточные, что и продемонстрировал катастрофический распад СССР.

РФ находится сейчас в еще худшем положении – раньше нас хотя бы боялись (но ведь многие и уважали как альтернативу американскому глобальному монстру). Сейчас нашим противником является уже не Америка. Кавказские криминальные вожди, прибалтийские и польские наци(онали)сты, трайбалисты из Нигерии – русского обидеть всякий может! И, вопреки «теории международных отношений», причины продолжающегося отступления России по всем направлениям вовсе не в балансе сил и не в экономической слабости. Без обретения нации-государства, что может предложить РФ другим странам и народам и какие ценности будет отстаивать Российская Федерация как субъект международных отношений?

Вполне объяснимо, что «демократия», ассоциировавшаяся в России с национальным унижением и региональной раздробленностью, потерпела неизбежное поражение. Но, с другой стороны, оценивая возможности демократизации этого режима, мы сейчас не видим внутренних ресурсов для этого. По аналогии с региональными автократиями в РФ в 1990-е годы возможность их разрушения имеется только в силу внешнего политического и/или экономического вмешательства, сопровождаемого возможным (или организованным) расколом элит. И это опять формирует перспективы, аналогичные тем, что существовали в 1990-е годы. Дурная бесконечность «неправильных» (по аристотелевской классификации) режимов, когда «олигархия» сменяется подобием «тирании», массовый актор используется лишь как ресурс, и ни власть, ни оппозиция не озабочены интересами населения и перспективами социума – эта тенденция представляется в нынешних обстоятельствах непреодолимой.

Одним из немногих реальных достоинств демократического устройства является открытая и свободная дискуссия, соревнование и реальность альтернатив могут помочь скорректировать курс, который ошибочен, который ведет в тупик. Но ведь альтернативы и в демократии не предлагаются большинством, они им поддерживаются (не всегда). Судя по реакции на отмену выборов и выхолащивание их содержания, наше большинство решило поддержать вообще отсутствие предлагаемых альтернатив. И униженность российских патриотов играет в этом немалую роль. Между тем попытка окрасить Россию в розовый или оранжевый цвет приведет к трагедии. Для защиты от этого карт-бланш будет дан не «консерваторам», а группировкам государственной бюрократии. Они поднимут знамя патриотизма, чтобы защитить свою возможность распоряжаться ресурсами страны без всякого контроля извне и со стороны населения. Этот вариант предполагает «закручивание гаек» в борьбе с «цветной» опасностью. Но не стоит удивляться, что от России уходят ее ближайшие соседи и союзники. Населению стран СНГ не нужна российская «управляемая демократия» и власть олигархов, у них в избытке было собственного авторитаризма и дельцов «бюрократического рынка». Если Российская Федерация не предлагает объединения на демократической основе, то вариант реставрации российского империализма мало кому интересен. Тот авторитарный, псевдоимперский стиль составляет угрозу не только для отчуждения от России постсоветского пространства, но и чреват дезинтеграцией самой РФ.

Недавний украинский опыт говорит не только о значении иностранного вмешательства. Российский сотрудник американского аналитического центра утверждает: «Либеральным силам в России надо хорошо уяснить секрет успеха украинских демократов. Этот секрет – в соединении либерального и национального. Это ущербная, уязвимая и абсолютно проигрышная позиция. Либералы с презрением отвергли национальное, которое было узурпировано российскими консерваторами – как «красными», так и «белыми». В итоге национальное оказалось подменено государственно-державным, практически исчезло»[18]. Возможно, наши «демократы» не смогут стать *российскими* демократами в силу каких-то очень важных причин. Но тогда что они делают в *российской* политике?

В России распоряжаться ее богатствами и избирать себе свою власть должна российская гражданская нация, а не деятели компрадорского капитализма и «политики», кормящиеся правозащитными грантами. Разумеется, альтернатива, состоящая в синтезе патриотизма и демократии, когда народовластие будет выстрадано нами самими, а не принесено очередной «волной демократизации». К сожалению, этот синтез патриотизма и демократии не состоялся как политический проект, потому что как проект интеллектуальный, он не пользовался особой популярностью, если угодно, он не успел вызреть. Хотя предпосылки этого были. Соответствующие идеи разрабатывались еще в начале XX в., до

революции. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, П.Б.Струве, писавшего об эпохе, когда происходит слияние или спайка между началом национальным и либеральным, и мечтавшего о том, что «русский либерализм станет национальным, не только фактически, но и сознательно опирающимся на русскую национальную стихию»[19]. Конечно, девяносто лет спустя многое изменилось, но суть идеи остается верной. Однако для того, чтобы она воплотилась, требуется не одно десятилетие и редкое сочетание благоприятных внешних и внутренних факторов. Российским патриотам-интеллектуалам надо обдумывать подобную возможность, иначе Россия вновь упустит свой шанс на демократическое правовое государство, как это уже случилось на рубеже 1980–1990-х годов.

Поддерживать нынешнюю «стабильность» – это торить себе дорогу к гибели, для нее вовсе не требуется конфликта, порожденного продлением жизни. Точно также гибельна враждебность интеллектуального класса и остального общества – она погубит и тех, и других. Но в нынешнем издании «Русской Системы» сама экономическая структура и стиль политической жизни отторгают независимых интеллектуалов, отвергают Науку, которая не сводится к прикладным изобретениям, дающим скорую прибыль. Существование нынешней политической и экономической системы и прогресс, с опорой не только на научно-техническое развитие, но и на гуманизацию, попросту несопоставимы. Нынешний дарвинизм и тупость бюрократического рынка попросту уничтожают на корню возможные альтернативы нашего развития и нашего спасения. Без подобных новаций Русская Система породит еще одно издание русской Смуты, которая станет, наверно, последним[20]. Уже в среднесрочной перспективе выживание и развитие России и продолжение существования Русской Системы несовместимы. Эта властно-центричная Система всегда была в нашей стране господином, ради власти без всяких сомнений уничтожались миллионы и миллионы людей. Первейший враг русских – это их государство, российская бюрократия. Впрочем, мы не очень согласны с тем, что это государство *наше*. Неоднократно, на протяжении последних столетий оно выступает именно в качестве *не нашего*. Валерий Соловей проницательно описал этот феномен в статье с характерным названием «Русские против империи»[21]. В «Русской Системе» нет никакой мистики, чуда «вечного возвращения» и т.п. Модернизация государства и экономики задержалась и принимает симулятивный характер, продолжают господствовать устаревшие, архаичные уже политические формы. По сути, это до сих пор не преодоленное наследие имперского прошлого. Вот как просто, без всякого фатализма описывает этот феномен зарубежный исследователь:

«Многие из сухопутных империй могут быть охарактеризованы как "аристократические". В них господствовал и их эксплуатировал класс, а не сообщество, и тем более не нация. Члены аристократической элиты имперского центра гораздо более отождествляли себя и вступали в союз со своими собратьями-

аристократами (особенно в рамках одной цивилизации), чем с плебеями из собственного этноса. Кроме того, такая империя зачастую более жестоко эксплуатировала низшие классы "центра", нежели низшие классы периферии, поскольку это было с точки зрения логистики гораздо проще и политически безопаснее. Хорошим примером здесь служит царская Россия, начиная с эпохи Петра I и до 1860-х годов. В этот период Россия представляла собой союз различных групп землевладельцев вокруг русского поместного дворянства, являвшегося центром системы. Элита этого общества подчас гораздо лучше говорила по-французски, чем по-русски, и воспринимала себя не только как членов правящего класса России, но также как часть европейской космополитической аристократии. Достаточно очевидно, что остзейские немцы-аристократы получали от этой империи гораздо больше благ, нежели обращенная в крепостное состояние масса великорусского населения»[22].

Времени для модернизации Российской империи после освобождения крестьян трагически не хватило, были допущены трагические ошибки, в частности, в национальном вопросе, в международных делах. Революционная смута обернулась советской псевдоимперией, номенклатура которой, до конца руководимая бредовыми идеями коммунистического интернационализма (Афганистан), вместо обустройства своей страны, говоря словами А.И. Солженицына, тратила ресурсы на помощь «дальним диким режимам». После неизбежного краха такой политики и перестроечной Смуты, возникла ситуация, для описания которой в цитате Д. Ливена достаточно заменить царских чиновников на коррумпированную бюрократию РФ, аристократов-помещиков – на сырьевых олигархов, французский язык – на английский, а крепостных – на ограбленных и потерявших работу российских трудящихся, и мы получим отличное описание современного состояния России.

* * *

Русская Система, с непреодоленными имперскими пережитками в отношении собственного населения всегда будет чревата Смутой. Так будет и дальше, до тех пор, пока в диалектике «господина и раба» роль господина будет оставаться за чуждым населению государством – без всяких вариантов. Без появления в России демократического национального государства (в смысле гражданской нации) так и будет. Но поскольку шансы на такое развитие событий не очень велики, то наши рассуждения – это почти голос побежденного, который победителями, что напишут будущую историю, вряд ли будет приниматься в расчет.

Однако кто будет побежден? В свое время победили и выгнали из страны «белых», срезали огромный и плодоносный слой отечественной культуры. Разве Россия выиграла от этого? Означает ли это по сути, что русскому народу

ближе и роднее социализм (обернувшийся новым изданием Русской Системы с ее барствующими и торжествующими хамами)? Но что делать тем, кто с этим не согласен и кто считает, например, что в России и ее регионах возможны и необходимы демократические выборы, кто верит в то, что Модерн в России – это не только незавершенный и неудавшийся проект, но он России необходим, несмотря на все недостатки модернизационных теорий и практик Современности. Главный порок теоретических построений разработчиков теории «Русской Системы» в их кажущейся безальтернативности. В этом «Русская Система» чем-то напоминает научный коммунизм. Только вместо предопределения «светлого будущего» для всего человечества РС сулит нам непробиваемый мрак. Да, в прошлом были Николай Романов и Гришка Распутин, сегодня есть Владимир Путин и Рома Абрамович. Но почему российское прошлое и российское настоящее нужно видеть только в серо-тёмной цветовой гамме. Символами нашего возрождения могут стать имена Дмитрия Менделеева и Сергея Рахманинова, если, конечно, мы пожелаем их по-настоящему вспомнить. Тогда, возможно, российское будущее станет все-таки предметом нашего выбора? Конечно, те, кто сейчас воссоздает новое издание «РС», на практике могут и победить, если те, кто считает иначе, будут исключены из российской жизни и встанут перед выбором: «валить из этой страны» или вновь прятаться во внутренней эмиграции.

Или мы все же сможем найти выход, посмотрев правде в глаза, отказавшись, с одной стороны от идеологических химер, а с другой – от представлений о фатальной предопределенности, запрограммированности нашей безрадостной жизни и скорого неизбежного конца.

Литература

1. По поводу судьбы этого проекта в самой Европе среди европейских интеллектуалов бытуют кардинально противоположные мнения. Достаточно посмотреть на названия работ, недавно у нас переведенных и изданных, что характерно, в одной и той же серии «Новая наука политики» издательства «Праксис». См.: Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003 и Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005.

2. См. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.А. Русская Система // Политическая наука. – М., 1997. – № 2–3.

3. Глебова И.И. Беспартийная Власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции. Ежегодник РАПН. – М., 2004. – С. 227.

4. Там же. – С. 227–228.

5. Оскотский З. Гуманная пуля. Книга о науке, политике, истории и будущем. – СПб., 2001. – С. 166–167.

6. Там же. – С. 156.

7. Юревич А.В. Полифункциональность науки и стратегии ее возрождения в современной России // Наука в России: Современное состояние и стратегии возрождения. – М., 2004. – С. 37.

8. См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.

9. Туманова О. Долго ли живут симулякры: Темпоральный регистр российской модернизации // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. – М., 2004. – № 5. – С. 200.

10. Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политии // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции. Ежегодник РАПН. – М., 2004. – С. 99–100.

11. Фроянов И. Погружение в бездну. – М., 2002.

12. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003. – С. 165.

13. Ряд других проблем российской демократизации мы уже подробно разбирали. См.: Ковалев В.А. Демократизация в России? К вопросу о причинах, обстоятельствах и перспективах политических изменений в СССР – Российской Федерации // Российская полития: Прошлое, настоящее, будущее. – Сыктывкар, 2002.

14. См.: Соколов М.М. Классовое как этническое // Политические исследования. – 2005. – № 2.

15. Миронов Б. Геноцид // Электронный журнал «Интернет протии телеэкрана. 2005, 28 февр. (www.contr-tv.ru)

16. Соловей В. Рождение нации. Исторический смысл нового русского национализма // Свободная мысль-XXI, 2005. – № 6.

17. Там же.

18. Тренин Дм. Внешнее вмешательство в события на Украине и российско-западные отношения // Брифинг Московского Центра Карнеги. – Т. 7. Вып. 2. 2005, февр. С. 6.

19. Струве П.Б. Национальное начало в либерализме // Биржевые ведомости. 1914, 7 дек. Цит. по: Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М., 2004. – С. 235.

20. В частности, такой прогноз дается в статье: Соловей В. Россия накануне Смуты // Свободная мысль XXI. 2004, № 12.

21. Соловей В. Русские против империи // Свободная мысль – XXI. 2002, № 12.

22. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Ab imperio. – Казань, 2005. – № 1. – С. 91.

А.М.Кулькин

ЗАЛОЖНИКИ ВЛАСТИ. НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ СЕГОДНЯ

Кулькин Анатолий Михайлович – доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН.

Отношение государства к науке – один из значимых критериев его соответствия цивилизованным потребностям общества. Это утверждение особо ярко высвечивает ту драматичную ситуацию, которая сложилась вокруг науки в России при переходе от плановой, социалистической экономики – к рыночной. Конфликт между властью в лице Министерства образования и науки и российским сообществом ученых назревал постепенно и обострился до предела после публикации 17 сентября 2004 г. в газете «Поиск» «Концепции участия Российской Федерации» в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки и образования (1). Противостояние между учеными и политиками в разумных пределах наблюдалось всегда и везде, но особенно жесткие формы оно приобрело в России. Вспомним, например, трагическую историю генетики и кибернетики в России советского периода, негативные последствия которой сказываются до сих пор.

Сложившаяся в настоящий момент в российской науке ситуация ставит ряд вопросов, ответы на которые необходимы для дальнейшего анализа заявленной темы. Во-первых, что собой представляет российское сообщество ученых и обладает ли оно социальной и политической силой; во-вторых, какова специфика творческого процесса и какие выводы из них можно и нужно сделать; в-третьих, нужны ли министерства науки и образования как раздельно существующие, так и объединенные в одно ведомство; в-четвертых, какова роль государственных научных центров в возрождении и обновлении российской промышленности.

Еще раз о специфике научной деятельности

Наука как составная часть общечеловеческой культуры обладает существенной особенностью, а именно: она интернациональна, для нее не существует национальных границ. Научные знания, постоянно воспроизводимый «научный капитал», представляют собой общечеловеческое достояние, эффективное использование которого в общественном производстве происходит в разных социальных и национальных формах.

Чтобы сохранить себя в качестве устойчивого социального формирования, сообщество ученых должно социально воспроизводиться. Этому процессу способствует то обстоятельство, что любая сфера человеческой деятельности в современном обществе связана с наукой, доступ к которой возможен только через систему образования. Высшая школа монополизировала все пути, ведущие на разные уровни социальной структуры общества. В условиях современного научно-технического прогресса знания, приобретаемые в процессе обучения, быстро стареют. Их обновление становится необходимым, потому что средний цикл обновления многих технологических процессов в производственной сфере стал меньше периода активной социальной деятельности человека. Человек не может теперь рассчитывать на трудоустройство, позволяющее оставаться узким специалистом всю жизнь. Он вынужден менять профессии, чтобы сохранить связь с социальной структурой – источником собственного существования, вынужден в той или иной форме обращаться для пополнения собственных знаний в институты, где эти знания хранятся и умножаются, и прежде всего в высшую школу.

Таким образом, современные учреждения системы образования, став фактором научно-технического прогресса, превратились в один из самых мощных, независимых и строго регламентированных институтов динамично развивающегося общества.

Реформы образования, осуществляемые в настоящее время в разных странах, в том числе и в России, прежде всего обусловлены объективными требованиями развития экономики, науки и техники. Для обеспечения успеха реформ необходимо соблюдение фундаментальных принципов. Во-первых, в каждой конкретной стране образование социокультурно детерминировано, поэтому любая реформа системы образования должна быть увязана с социальной структурой и культурными традициями страны. Во-вторых, содержание и конечные цели реформы должны совпадать с общенациональной политикой государства. В-третьих, реформы в сфере образования неизбежно воздействуют на разные уровни экономических и социальных отношений и вызывают в них соответствующие изменения, предвидеть которые и быть готовыми конструктивно встретить их – одна из важнейших функций государственных органов.

К сожалению, в России, с начала 60-х годов прошлого века, наблюдается непрерывное снижение качества образования как среднего, так и высшего. Эта тенденция прослеживается даже на примере ведущих вузов страны. Снижение качества образования по своим последствиям невосполнимо. Основная причина такого явления хорошо известна – это убогое финансирование. Российские правительства, сменяя друг друга в течение 15 лет, не принимают решительных мер, чтобы переломить наметившуюся негативную тенденцию, их бездеятельность ставит страну в исторической перспективе на грань катастрофы. Высказанные соображения о реформе образования в равной степени относятся и к реформированию системы научных исследований и реформам государственного управления. Ни один из вышеназванных фундаментальных принципов в нашем отечестве не соблюдается. Потому реформы в России проводятся долго и с неимоверными усилиями, а конечные их результаты малоэффективны. Прежде чем приступать к реформированию системы научных исследований в России, реформаторам следовало бы уяснить для себя специфику научной деятельности.

Труд ученого и труд производственника или коммерсанта различаются и по своему характеру, и по целевым установкам, и по мотивации. Не в меньшей, а, возможно, даже в большей степени, чем отдельные люди, отличаются коллективы, занятые в науке и производстве. У них разные правила поведения, взаимоотношений, разные основы иерархии, критерии авторитета и множество иных, зачастую трудно поддающихся четкому определению параметров. Кому-то, возможно, все эти факторы могут показаться не столь уж важными, незначительными. Однако на самом деле они играют внешне, может быть, не очень заметную, но при этом чрезвычайно важную, иной раз решающую для какой-то конкретной ситуации роль. А преодолевать конфликты либо препятствия в этой сфере гораздо сложнее, чем при решении юридических или организационных проблем; ибо просто сломать, отменить или, наоборот, ввести, декретировать что-либо здесь невозможно. Приходится искать иные, более тонкие и содержательные пути. Чаще всего плодотворным оказывается использование разного рода посреднических, связующих звеньев, как это бывает при создании экспертных вычислительных систем, когда между экспертом и программистом функционирует человек, специальностью которого является разработка математической модели, т.е. «перевод» знаний эксперта в понятную для программиста и поддающуюся программированию форму.

В отличие от наших современных реформаторов специфику научного творчества достаточно хорошо и глубоко понимали наиболее видные мыслители еще 200 лет назад. Например, в начале XIX в. один из виднейших представителей немецкого классического гуманизма В. Гумбольдт считал, что государство никогда не должно требовать от университетов ничего такого, что непосредственно служило бы его целям, оно должно исходить из убеждения, что уни-

верситеты, решая свои собственные задачи, тем самым будут служить и целям государства, причем наилучшим образом (2).

Академическая деятельность требует от ученого самоотречения, углубленности и сосредоточенности на предмете исследования, что нередко порождает своего рода «глухоту» ученых к окружающему их миру. Поэтому общество должно быть способным содержать ученых, занятых только поисками истины.

Весьма показателен в этом отношении опыт, приобретенный учеными США. Для того чтобы защитить сферу научных исследований от вмешательства представителей непрофессиональной общественности, сообщество ученых, а точнее его лидеры сформулировали концепцию академической свободы, основой которой был принцип свободы научных исследований. На практике принцип свободы научных исследований превратился в принцип элитарности в науке. Обеспечение его неприкосновенности определяет стратегию взаимоотношений сообщества ученых США с правительственными и деловыми кругами. Утверждение этого принципа в научной деятельности США привело к образованию небольшой группы университетов высшего разряда. Попытки изменить сложившуюся ситуацию – они предпринимались как со стороны законодательной и исполнительной власти, так и со стороны самих ученых – ни к чему не привели.

Кстати, в США, в годы правления Л. Джонсона, была предпринята попытка элитарный принцип в науке заменить эгалитарным. Конфликт между сообществом ученых и президентской властью развивался постепенно. Главная его причина – сокращение государственных средств на науку. Исполнительная власть, ссылаясь на войну во Вьетнаме, приостановила в 1963–1968 гг. рост федеральных средств на научные исследования и разработки. Научное сообщество за эту акцию подвергло президента суровой критике.

Президент Л. Джонсон, отвечая на резкую критику научной элиты в свой адрес, выступил против отстаиваемого ею принципа финансирования научных исследований, согласно которому средства направлялись прежде всего в научные центры (университеты), в которых сосредоточены наиболее крупные ученые, специалисты высшей квалификации; лидеры сообщества ученых считали, что только такой подход наиболее эффективен и в научном, и в финансовом отношениях.

Л. Джонсон понимал, что небольшое количество ведущих научных центров монополизировало научные исследования в стране. Он видел, что большинство помощников президента по науке и членов Президентского научно-консультативного комитета были выпускниками Гарвардского университета. 20 ведущих университетов получали половину федеральных субсидий, предназначенных для научных исследований в вузах страны. Ученые и инженеры, занимавшиеся прикладными исследованиями и разработками, были недовольны тем, что ученые, проводившие фундаментальные исследования, оттеснили их от государствен-

ных средств. Учитывая это, Л. Джонсон в политических интересах исполнительной власти использовал требование периферийных научных центров о «равномерном географическом распределении» федеральных субсидий на науку и в конце 1965 г. подписал соответствующую директиву.

Согласно распоряжению президента о равномерном распределении ассигнований на научные исследования Национальный научный фонд (ННФ) разработал программу развития науки, нацеленную на создание «ведущих научных центров» во второстепенных университетах. К реализации президентской директивы подключилось и министерство обороны, которое с 1967 г. начало осуществлять программу субсидирования научных исследований по военной тематике в университетах, не обремененных его контрактами. В рамках этой программы за три года было предоставлено 119 субсидий 78 учебным заведениям в 42 штатах на общую сумму 88 млн. долл. (3). В течение шести лет было затрачено 230 млн. долл. В 1971 г. программа была закрыта президентом Р. Никсоном (4).

И хотя результаты этого эксперимент были отрицательными, он сыграл впоследствии важнейшую роль в расширении фронта научных исследований в стране. Ученые, которые отстаивали элитарный принцип распределения финансовых средств на научные исследования, и политики пришли к пониманию: административными методами на базе второстепенных университетов нельзя создать «ведущие научные центры». Начался поиск новых более эффективных организационных структур научно-технической деятельности.

Какова позиция в этом вопросе российского сообщества? Оно давно обрело социальную силу, но не смогло проявить себя в качестве участника политического процесса, имеющего собственную гражданскую позицию. Однако к концу 2004 г. как будто наметилась обнадеживающая тенденция. В сентябре 2004 г. состоялось заседание правления Российского союза ректоров с участием не только первых лиц Министерства образования и науки РФ, но и представителей РАН, где обсуждались проекты концепций участия РФ в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере образования и в сфере науки. Российское сообщество ученых в лице вице-президента РАН А.Д. Некипелова и ректора МГУ В.А. Садовничего, он же президент Российского союза ректоров в противостоянии с чиновниками Министерства образования и науки РФ заняли достойную позицию. В конечном итоге они отстаивали принцип элитарности в науке и концепцию фундаментального образования.

Приведем некоторые положения из выступления А.Д. Некипелова: «В Академии Концепцию о науке восприняли как чудовищный документ. Многие недоумевают, зачем она вообще была нужна после того, как стратегические направления развития в этой области были определены в 2002 г. под руководством Президента РФ? Наверное, чтобы подверстать к тем подходам по реструктури-

зации бюджетного сектора, которые сейчас близки к обвальной апробации. В институтах тоже требуют объяснений – ведь после знакомства с концепциями не остается сомнений, что речь идет о ликвидации РАН. Из Академии, как изюм из булки, хотят выковырнуть несколько хороших институтов, включить их в число то ли двухсот, то ли сотни научных комплексов, хотя это полностью противоречит действующему законодательству. Оно предусматривает, что вопросы создания, ликвидации и реструктуризации институтов РАН являются прерогативой только РАН. Кстати, это противоречит и предложениям самого Министерства, касающимся Закона о науке. Это какое-то раздвоение мышления внутри ведомства...». Далее А.Д. Некипелов, чтобы пресечь некомпетентное, невежественное вмешательство в сферу научной деятельности, формулировал один из вариантов элитарного принципа в распределении финансовых средств на научные исследования. «Правительство, – подчеркнул он, – может в целом увеличивать или уменьшать финансирование Академии наук, но вопрос о финансировании отдельных институтов принадлежит РАН. И зовется финансированием "на расстоянии вытянутой руки" (из доклада Мирового банка), когда никто, кроме экспертов научного сообщества, не может определить, где более эффективно расходовать средства» (5).

Заслуживает пристального внимания оценка А.Д. Некипеловым проекта концепции о науке. «Многим кажется правильным, – продолжал он, – положение Концепции, что силы надо концентрировать только там, где уже достигнут мировой уровень», но это не так, потому что «...мы относимся к тем нескольким странам в мире, где есть комплексная фундаментальная наука, и это наш колоссальный потенциал при проведении определенного курса. Он позволяет в случае необходимости быстро сгруппировать ресурсы на тех направлениях, где намечается прорыв. Любому человеку понятно, что на мировом уровне во всей науке быть невозможно, и если решить, что на передовом уровне мы будем, скажем, финансировать математиков, а других вовсе не будем, то такого рода фундаментальная наука не позволит решать амбициозные задачи» (там же).

В.А. Садовничий, подводя итоги дискуссии, заявил: «При таком состоянии документа выносить вопрос о концепциях на заседание правительства нельзя, точки зрения по возможности надо совместить. Мы готовы с завтрашнего дня начать работу над документом, открыть постоянно действующий семинар. Мы обязаны найти решение, которое не приведет к митинговым разговорам, неоправданным эксцессам, а значит – к проигрышу...» (там же).

Выступления А.Д. Некипелова, В.А. Садовничего, ряда других участников заседания можно, на мой взгляд, расценить как свидетельство того, что российское сообщество ученых начало проявлять себя в качестве значимого участника политического процесса.

«Образование, которое мы можем потерять»[1]

Советская система образования считалась одной из лучших в мире. Это вынуждены были признать США и страны Западной Европы после запуска в СССР первого спутника Земли. США провели тщательное изучение причин впечатляющего успеха Советского Союза в освоении космоса и пришли к выводу, что они проиграли русским соревнование в космосе прежде всего «за школьной партой». Осознав свое поражение, США отреагировали решительно и быстро, выделив крупные финансовые ресурсы на улучшение всей «цепочки» – от средних школ до университетов и государственных научных центров. Тогда как политическое руководство СССР от успехов в космосе утратило чувство политической и экономической реальности; позднее последовал распад СССР, приведший к десятилетию великого разгула коррупции и криминала. Все эти годы российским правительствам было не до образования.

В течение последних приблизительно 40 лет наблюдался процесс снижения качества среднего образования. Средняя школа перестала не только давать знания, необходимые для продолжения образования в высших учебных заведениях, но и воспитывать необходимую для этого культуру мышления. Сегодня мы можем констатировать наличие в России кризиса среднего образования, принявшего угрожающие для страны размеры.

В чем состоит сущность этого кризиса? Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к идеям и выводам глубокого и тонкого знатока проблем образования Л.Д. Кудрявцева, которые содержатся в его книге «Среднее образование. Проблемы. Раздумья» (М.: МГУП, 2003). Придавая большое значение среднему образованию, мы исходим из посылки, что оно является основой всей системы образования, в том числе и высшего.

Итак, обратимся к основным положениям книги Льва Дмитриевича Кудрявцева.

1. Говоря о кризисе среднего образования в России, он подчеркивает, что речь идет об обычных средних школах, которых большинство. Есть еще школы элитные, в них пока удается сохранять лучшие традиции российского образования. Но поскольку их мало, они в принципе не могут определять общий уровень среднего образования в России, который продолжает снижаться.

2. Задачи образования, пишет Л.Д. Кудрявцев, четко сформулировал президент В. Путин в своем выступлении на заседании Государственного совета РФ 29 августа 2001 г.: «Убежден, нельзя относиться к образованию только как к накоплению знаний. В современных условиях это – прежде всего развитие аналитических способностей и критического мышления учеников. Это – умение учиться» (7).

---

1. Название сборника, вышедшего под редакцией академика В.А. Садовничего в 2002 г.

Но нельзя приобрести умение учиться, не учась. Нельзя и абстрактно развить аналитические способности, не используя – постоянно и последовательно – метод анализа, метод логического вывода. А это достигается только систематическим изучением предмета. Так называемая модернизация среднего образования, которую сегодня проводят, ликвидирует многие из его положительных сторон, сохранившихся с прошлых лет. Вместе с тем больше обсуждаются формы организации образования, чем его содержание.

Опубликованные в СМИ новые государственные стандарты и учебные планы для средней школы не только закрепляют сложившееся плачевное положение со средним образованием в России, но еще больше снижают его уровень. Совершенно не используется позитивный и не учитывается негативный опыт, накопленный в нашей стране за многие десятилетия. Бесплодные попытки реформировать среднее образование, руководствуясь идеологическим рвением и сиюминутными потребностями, были предприняты еще после Октябрьской революции (1917 г.). Они, как и многие другие несостоятельные попытки преобразования и так называемые реформы, были вызваны тогда и теперь сменой форм собственности со всеми вытекающими из этого последствиями. Такого рода прожекты заканчиваются крахом. Реформаторы того времени одумались лишь тогда, когда для индустриализации страны потребовались образованные люди. Они вынуждены были обратиться к богатому опыту постановки образования в дореволюционной России. За основу взяли систему, принятую в средних учебных заведениях (гимназиях, реальных и коммерческих училищах, кадетских корпусах). На этой базе была создана советская средняя школа 30–50-х годов. Когда одумаются современные реформаторы, покажут ближайшие годы.

3. В эти годы (1930–1950), если отвлечься от идеологической направленности образования, в естественнонаучных и математических дисциплинах был достигнут высокий уровень среднего образования. Школьник после обычной, а не какой-нибудь элитной, подчеркивает Л.Д. Кудрявцев, десятилетней школы получал знания и приобретал культуру мышления, необходимые как для поступления в высшие учебные заведения разных профилей, так и для успешного обучения в них. В результате высшие учебные заведения тех лет имели возможность готовить – и фактически готовили – высококвалифицированных профессионалов. Кстати, тогда никому не приходило в голову заниматься с репетиторами, чтобы поступить в вуз: вполне достаточно было просто хорошо успевать в школе. Репетиторы, конечно, существовали, но они занимались с теми, кому грозило второгодничество или исключение из школы за неуспеваемость.

4. В 60-х годах начались реформы образования, связанные с профессионализацией и политехнизацией средней школы. Реализация этой программы сопровождалась сокращением часов в неделю, отводимых на изучение математики, физики, русского языка и литературы. В результате в среднем образовании

России появились две очень опасные тенденции. Первая – замена изучения предметов знакомством с их содержанием. Это был прямой путь к воспитанию будущих дилетантов вместо будущих профессионалов. Конкретное проявление первой тенденции состоит в замене интенсивного метода обучения экстенсивным, что пагубно не только для будущих инженеров, врачей, специалистов в естественнонаучных областях знания, но и для гуманитариев.

Вторая опасная тенденция в образовании – как в среднем, так и высшем – проявляется в последовательном и систематическом снижении требований, предъявляемых к знаниям учащихся. Реализация провозглашенного из политических соображений лозунга о всеобщем среднем образовании повлекла за собой отказ от отчисления учащихся из школы за неуспеваемость и фактическое прекращение второгодничества.

К сожалению, заключает Л.Д. Кудрявцев, все реформы системы среднего образования, предпринятые за последние 50 лет в отношении изучения естественно-научных и математических дисциплин, а также русского языка, приводили к тому, что уровень среднего образования снижался. Это неминуемо влекло за собой снижение уровня образования в высших учебных заведениях.

Итак, из всего сказанного можно сделать только один вывод: необходимо переломить сложившуюся тенденцию снижения качества образования. Это хорошо понимают как сообщество школьных преподавателей, российское сообщество ученых, так и широкая общественность. Вызывает тревогу тот факт, что, несмотря на решительную поддержку образования Президентом РФ В.В. Путиным и фактически на прямое его указание, каким образом «переломить» эту негативную тенденцию, в выступлении на заседании Государственного совета 29 августа 2001 г., российское правительство до сих пор ничего не сделало. Приведем дословно его слова. «В мировой экономике, – говорил он, – образование занимает одно из ведущих мест. Оно уже давно стало дорогим и самым ценным товаром, а устойчивое развитие стран уже давно определяется не столько их ресурсами, сколько общим уровнем образования нации»... «Все реформы среднего образования будут обречены, если не будет меняться педагог, меняться условия его жизни. Престиж учителя – это не в последнюю очередь уровень заработной платы, материального содержания. Но не только это. Это прежде всего уважение к нему, идущее от его профессиональной компетентности. Лишь в этом случае у нас сложится такое учительское сословие, которое будет иметь высокий общественно значимый статус. Так было в России всегда. Лишь тогда мы сможем быть абсолютно уверены в успехе этого важнейшего государственного дела» (там же).

Прошли годы. До сих пор никакой реакции правительства на указания президента РФ, имеющие стратегическое значение для реформы среднего образования в России, нет.

Л.Д. Кудрявцев предлагает начать реорганизацию системы среднего образования в стране с проведения Всероссийского съезда школьных преподавателей. Совет дельный. От себя лишь добавим: чиновники Министерства образования и науки могут присутствовать на таком съезде только в качестве наблюдателей, не имея права голоса.

Мы оставляем за рамками нашего исследования вопрос о новых образовательных структурах – корпоративных университетах. За последние 15 лет их число в мире увеличилось с 400 до 2000 (8, с. 33). В России, по данным председателя Комиссии по образованию Московской городской думы Е. Бунимовича, действуют 25 корпоративных университетов (9, с. 11). Эта проблема заслуживает отдельного изучения.

Пределы ведомственного управления наукой

Говоря о необходимости создания в России национальной инновационной системы, министр образования и науки РФ заявил: «Я знаю, как строилось это в Германии, Японии, Америке...» (10, с. 4). Это блеф или глубокое заблуждение, непростительная переоценка собственных знаний. Министр, судя по материалам дискуссии, не понимает главного: назрела острая потребность проведения организационно-структурных инноваций внутри ведомства, которым он назначен руководить. По нашему мнению, министерству не помогут даже самые радикальные инновации организационного типа. Потому что оно так же, как и Министерство экономического развития и торговли РФ, «слеплено» из обломков архаичных организационно-управленческих структур советского периода.

Организационно-управленческая структура советского периода, как известно, была построена на принципе, основным содержанием которого является единоначалие, т.е. на принципе управления, при котором вся власть сосредоточена в руках одного лица. Такого рода ведомства свято соблюдают субординацию, систему строгого служебного подчинения младших чиновников старшим, круг обязанностей которых сводится к соблюдению правил служебной дисциплины. Ведомства с такой организационно-управленческой структурой в свое время были оправданы, поскольку большинство населения страны было безграмотным, а специалистов и образованных людей было чрезвычайно мало.

В настоящее время, когда население страны в большинстве своем является грамотным, а российское общество располагает необходимым числом специалистов-профессионалов во всех отраслях современного хозяйства, включая и систему государственного управления, использовать архаичные организационно-управленческие структуры просто опасно. Об этом свидетельствуют, повторим еще раз, недавно принятые концепции государственного управления наукой и образованием, которые ориентированы на сокращение числа университетов и

научно-исследовательских институтов. Так, по подсчетам А.И. Ракитова, на момент распада Советского Союза научно-кадровый потенциал России составлял примерно 1,5 млн. человек, в настоящее время он равен 900 тыс. человек. К 2008–2010 гг. он может сократиться, по расчетным данным, примерно до 150–120 тыс. человек (11). Практически это означает катастрофу в национальном масштабе. И такой эксперимент, вызывающий, мягко говоря, удивление, проводится государственным органом в то время, когда в передовых странах мира формируется совершенно новая организационно-управленческая культура, на основе которой создаются разнообразные современные управленческие структуры, отличающихся от возникших в прошлом веке децентрализованной ответственностью (множеством субъектов ответственности). В организациях с такой структурой (будь то ведомство, корпорация или научная организация) существует устойчивая и сильная мотивация к повышению квалификации сотрудников. Причем эта мотивация побуждает работника к приобретению широкой эрудиции, помогающей ему охватить не только его профессиональный участок работы, но и стратегическое планирование деятельности организации, в которой он работает. Воспитание у сотрудников вышеназванных качеств – довольно длительный процесс коллективной выработки правил сотрудничества. Но освоив эти правила, сотрудники тем самым резко повышают эффективность не только своей деятельности, но и организации в целом.

Напротив, ведомства с архаичной организационно-управленческой структурой обречены на обособление, на информационную изоляцию. Поэтому их внутриведомственная информация, как правило, ущербна, недостоверна, непрофессиональна. Документы (постановления, решения, приказы), подготовленные на базе такой информации, по определению малограмотны. Решения Министерства направляются во все нижестоящие организации для беспрекословного выполнения. А поскольку выполнить их невозможно, возникают конфликты.

Структура Минобрнауки должна быть адекватной сфере его деятельности – научным исследованиям и образованию, с которыми несовместимо единоначалие. Преобразования в этой сфере требуют иного принципа деятельности – административно-творческого. Нужны организационные структуры по управлению наукой и образованием нового поколения. Внутриминистерские перестройки, когда «управление» как структурное звено управленческого аппарата переименовывается в департамент, – это видимость кардинального преобразования.

Частая смена министров (ныне действующий седьмой – по счету) привела к тому, что министерство было парализовано. Оно на самом деле не работало. Создавалась видимость работы: в министерство из государственного бюджета поступали финансовые средства, а как они тратились, известно каждому, кто имел с ним дело, работая по договорам. Получили широкое распространение пресловутые предрешенные конкурсы.

Возникла нелепая ситуация: страна располагает мощным научным и образовательным потенциалом, а управляют им некомпетентные чиновники министерства. Возникает вопрос: нужны ли министерства науки и образования как раздельно существующие, так и объединенные в одно ведомство? Ответ напрашивается сам собою. В том виде, в каком Минобрнауки в настоящий момент функционирует, оно не нужно ни политическому руководству страны, ни российскому сообществу ученых.

Политическому руководству, и прежде всего президенту страны, необходима принципиально новая научно-организационная структура, которая обеспечивала бы: 1) координацию научно-исследовательской деятельности, финансируемой из федерального бюджета; 2) разработку государственной научно-технической политики, направленной на создание эффективной и динамичной системы государственной поддержки научно-технической деятельности; 3) подготовку для президента и правительственных ведомств экспертных рекомендаций по научно-техническим аспектам практически всех вопросов внутренней и внешней политики. Такой круг обязанностей Министерству образования и науки не по силам.

Где же выход из сложившейся ситуации? Первый шаг выхода из достаточно сложной ситуации сделан. 30 августа 2004 г. был подписан Указ Президента РФ, первый пункт которого гласит: «Преобразовать Совет при Президенте Российской Федерации по науке и технологиям в Совет при Президенте Российской Федерации по науке и технологиям и образованию» (12, с. 8). Принято Положение о Совете и утвержден его состав. Распоряжением президента сформирован президиум Совета. Все это хорошо, но далеко не достаточно. В качестве форума для обсуждения проблем российской науки и образования с высшим руководством страны, когда последнее сочтет это необходимым, такой Совет может быть полезен. Но он является чисто консультативным, а не управляющим органом, не располагает какими-либо ресурсами, и никакой прямой поддержки науке и образованию оказать не может. Его рекомендации и предложения эффективны лишь в той мере, в какой они реализуются законодательной и исполнительной властью в центре и на местах.

Нет другого выхода, кроме сформирования в ближайшей перспективе в аппарате исполнительной власти Президента РФ организационных структур по управлению наукой и образованием нового поколения. Речь идет о создании научно-консультативной службы при Президенте РФ, в структуру которой, кроме уже созданного Совета, войдут Управление по научной и технологической политике, Федеральный координационный совет по науке и технике, который, вероятно, придет на смену ныне действующей Межведомственной координационной комиссии по научно-технической политике, Комиссия по надзору за качеством образования. Не исключено, что в целях повышения эффективности

такой организационной структуры в целом придется учредить должность специального помощника президента. Весьма важно научно-консультативную службу президента РФ оформить законодательно.

Опыт США

Становление постиндустриального общества диктует совершенно новые принципы и формы управления сложными системами, в том числе и государственными. Россия, решая свои задачи научно-технического развития, могла бы использовать интересный и весьма поучительный опыт США. Первый шаг в этом направлении сделан. Создавая Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), российское правительство и Российская академия наук опирались на многолетний опыт зарубежных стран, где разного рода фонды, государственные и частные, успешно действуют на протяжении многих десятилетий. Основной моделью при этом послужил Национальный научный фонд (ННФ) США, созданный в 1950 г. и являющийся главным правительственным ведомством, отвечающим за развитие фундаментальной науки в стране. Закон о ННФ дебатировался в американском конгрессе и правительстве необычно долго – около пяти лет. Здесь мы рассмотрим только один, имеющий для нас принципиальное значение, вопрос: какой структурно-организационный принцип в конечном итоге был заложен в деятельность ННФ. Обсуждение закона о ННФ затянулось на пять лет, и это неслучайно. Потому что обязанности, которые предлагалось возложить на государство, были слишком новыми и ответственными, чтобы *поручить выполнять* их можно было какому-либо из *уже существующих специализированных правительственных ведомств*, пораженных, как и ведомства России, единоначалием. Речь шла о том, что правительство обязано не только помогать науке, но и быть ответственным за ее состояние, обеспечивать непрерывность получения ею новых результатов. Для того времени эти идеи были новыми и смелыми.

Наиболее сложной оказалась проблема разумного баланса интересов государства, с одной стороны, и сообщества ученых США, которое за годы Второй мировой войны стало одной из наиболее авторитетных сил в обществе, – с другой. Наметилось два подхода к решению этой проблемы. Государство, предоставляя деньги, бюджетные средства и будучи ответственным перед налогоплательщиками за рациональное расходование таких средств, претендовало на право контролировать работу Фонда путем назначения его директора, членов управляющего Совета, установления обязательной отчетности перед государственными финансовыми органами. В свою очередь, ученые стремились сохранить как можно больше независимости, особенно в определении направлений и тематики исследований, выборе подлежащих финансированию проектов, их

оценке и т.д., стремились создать такие условия, при которых они работали бы не по указке чиновников, а по собственному разумению, понимая при этом, что современная наука, превратившаяся в сложную и дорогостоящую «индустрию знаний» без государственного финансирования существовать не может.

Принятый в 1947 г. конгрессом закон отдавал руководство Фондом в руки Совета, сформированного в основном из ученых, которые должны были совмещать членство в данном органе со своей основной научной деятельностью. Предполагалось, что Совет будет назначать исполнительного директора Фонда, определять основы научной политики этой организации, контролировать распределение грантов. И директор, и исполнительный аппарат в целом в таком случае были бы ответственны только перед Советом, а не перед правительством. Функции последнего сводились к предоставлению денег.

Президент этот закон заблокировал своим вето, и потребовалось еще три года, чтобы окончательно отработать принципы взаимодействия. По конституции президент обязан контролировать расходование всех бюджетных средств, на какие бы цели они не предназначались. Поэтому в итоге назначение директора Фонда и 24 членов национального научного совета при нем стали прерогативой президента. Но члены Совета работают в нем по совместительству, оставаясь действующими учеными в университетах и их исследовательских центрах. Поскольку их, как и директора, назначает президент, они по статусу равны с последним, отношения с ним не являются прямым административным подчинением, так что высшим органом управления ННФ остается именно Совет. Его полномочий вполне достаточно, чтобы научное сообщество через своих представителей – членов Совета могло проводить решения, представляющиеся целесообразными и независимыми от политических пристрастий правительства.

За более чем 50-летнюю историю ННФ каких-либо крупных конфликтов между ним и исполнительной или законодательной властью не возникало. Напротив, бюджет Фонда постоянно возрастал, а функции его стали несколько шире, чем поддержка только фундаментальных исследований, хотя она и остается главной задачей. Это позволяет считать, что найденный в конце концов механизм доказал свою жизнеспособность. Фонд по своей структуре, функциям и стилю работы – уникален. В течение продолжительных дебатов и многочисленных компромиссов был выработан *административно-творческий принцип его деятельности.* Инициативы по всем вопросам компетенции Фонда исходят снизу (13, с. 94–97; 14, с. 276–294).

Подчеркнем еще раз: в России, к сожалению, сложилась иная традиция: правительственные ведомства, неважно какого они профиля, создавались и продолжают создаваться по административно-приказному принципу. Министерства могут называться как угодно: науки и технической политики, экономического развития, образования, здравоохранения и т.д., но у них один и тот же

структурно-организационный принцип, который определяет стиль руководства и деятельности этих ведомств. В современных условиях такие управленческие структуры неэффективны и обречены на отмирание.

Возможности самоорганизации и ярмо административного контроля

Почему российское сообщество ученых не нуждается в услугах Минобрнауки? Да потому, что изменилась сама действительность: появилось принципиально новое поколение управленческих структур. Сообщество ученых России в лице РАН, Российского союза ректоров, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда и ряда других научных общественных организаций располагает менее затратными и более эффективными организационно-управленческими структурами. Они просто несовместимы с Минобрнаукой.

В этом можно убедиться, рассмотрев, например, основные принципы деятельности Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Этот фонд как организатор государственной поддержки фундаментальной науки по всему ее спектру без исключений представляется оптимальным и необходимым звеном в системе управления наукой в России. Что касается основного критерия отбора проектов, то он может и должен быть общим для всех курируемых дисциплин, соответствуя названию организации, – это фундаментальный характер поддерживаемых работ. Как и многие другие разграничения в науке грань между фундаментальными и прикладными исследованиями не является четким, непроходимым барьером, и это в одинаковой мере относится как к естественным, так и к общественным или гуманитарным дисциплинам. В любом случае используются экспертные оценки, опирающиеся на содержательные критерии, учитывающие масштабность, новизну, значимость исследуемых явлений и закономерностей, прочие параметры, позволяющие отнести конкретную работу к категории фундаментальных. Среди оценочных параметров может фигурировать и уровень междисциплинарности, хотя в число фундаментальных обществоведческих проектов вполне могут попасть и те, что прямо такую задачу не ставят.

Хотя Фонд фундаментальных исследований официально является независимой организацией, фактически он тяготеет к РАН, поскольку последняя по своему профилю является родственной фонду научной организацией. В деятельности РФФИ, как и других подобных ему структур, есть целый ряд объективных преимуществ по сравнению с деятельностью учреждений типа министерства. В чем эти преимущества? Министерства работают в первую очередь с опекаемыми научными организациями разного масштаба и достоинства, а фон-

ды – непосредственно с учеными или группами ученых, подавших заявку на финансирование своего проекта. Поэтому первых заботит главным образом функционирование опекаемых им научных организаций, а последних – научные достоинства проекта. Отсюда уровень конкурсности в фондах гораздо выше, а конкурентоспособность является основным принципом поддержки проекта.

Принцип отбора лучших проектов объективно дает очень полезную информацию о том, «кто есть кто» в российской науке, помогает оценить институты, научные школы, научный статус регионов. Такого рода информация может быть чрезвычайно полезной для управленческих структур, занятых реформированием науки в РФ.

Очень важной является способность РФФИ поддержать новое, потенциально многообещающее и оригинальное направление, которому, как это всегда бывает и у нас, и повсюду, крайне трудно пробиться через заслоны устоявшихся взглядов, школ и учреждений. Фонды обладают гибкостью, невозможной для государственных бюрократических структур.

Финансирование исследовательских проектов – не единственное направление деятельности РФФИ. Он также поддерживает развитие экспериментальной базы, создание информационных систем, сетей и баз данных для научных работ, издательские проекты, организацию симпозиумов и конференций в России и участие российских ученых в аналогичных международных мероприятиях, проведение экспедиций и, наконец, создание электронных библиотек и центров коллективного пользования уникальными приборами и оборудованием.

В настоящий момент в России наблюдается интенсивный и весьма продуктивный процесс интеграции исследовательских институтов РАН и вузов страны. Происходит окончательная институционализация принципа «исследования для обучения и обучение для исследования». Этот процесс происходит в самых разнообразных формах (15, с. 7). И он несовместим с установкой руководства Минобрнауки на сохранение и поддержку 100–200 крупных научных комплексов, на сокращение вузов и научно-исследовательских институтов. Во всех современных развитых странах наблюдается обратная тенденция: университеты и другие научные центры являются одними из главных исполнителей не только федеральных, но и региональных программ, иногда – инициаторами некоторых из них, консультантами, но очень редко – источником денег. У большинства вузов свободных средств просто нет. У них есть другого рода капитал – интеллектуальный, который при наукоемком развитии экономики столь же важен, как капитал финансовый. Как правило, именно университет становится ядром, вокруг которого концентрируются наукоемкие предприятия, а от специализации университета нередко зависит и специализация региона.

Совсем непонятно негативное отношение Минобрнауки к небольшим научным организациям в России. Статистика передовых стран мира свидетельству-

ет, что роль малого бизнеса, в том числе и в сфере научной деятельности, особенно велика в развитии инновационных процессов (15, с. 4–19). В этом вопросе российское сообщество ученых и Минобрнауки находятся по разным сторонам баррикады. Между ними, по нашему прогнозу, сохранятся и противостояние, и возможность конфликтов. Министерство в этом противостоянии рано или поздно проиграет, потому что, повторим, в нынешнем виде оно обречено на отмирание.

России нужно не Министерство образования и науки, а ведомство, которое можно назвать Министерством среднего образования или Министерством просвещения. Основной и единственной задачей этого ведомства должно стать возрождение фундаментального характера среднего образования на базе современных информационных технологий. Возглавить его должен профессионал, учитель с солидным стажем работы в школе. Кадровый состав этого ведомства должен состоять в основном из профессионалов, учителей. Не случайно система образования сформировалась именно в 30–50-е годы прошлого века как одна из лучших в мире. В эти годы в ведомстве, которое отвечало за школьное образование, работали люди, обладавшие необходимыми знаниями и соответствующей культурой мышления. А ведомство называлось сначала Наркоматом просвещения, затем Министерством с тем же наименованием. Учреждение с таким названием обладало защитной аурой, которая оберегала его от вторжения честолюбивых чиновников высокого ранга.

О том, насколько необходима защитная аура, свидетельствует подготовка нынешним Министерством образования и науки очередной разрушительной акции – ликвидации государственных научных центров. Как известно, научная деятельность ГНЦ поддерживалась главным образом Федеральной целевой научно-технической программой «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники». В соответствии с этой программой, в 2004–2005 гг. ГНЦ должно было быть выделено 2 млрд. 242 млн. руб. Государственный заказ, рассчитанный на два года, получили научные коллективы, победившие в открытом конкурсе. Но в октябре 2004 г. правительство внесло изменения в Федеральную целевую научно-техническую программу и в начале 2005 г. приостановило финансирование наполовину уже выполненных проектов ГНЦ. Затраченные в 2004 г. бюджетные средства в размере 1 млрд. 121 млн. 300 руб. фактически выброшены на ветер. ГНЦ понесли не только материальный ущерб, но моральный, поскольку труд научных коллективов, а также выполненные на 50–60% работы оказались никому не нужны (16, с. 3).

Приведенные факты свидетельствуют либо о некомпетентности правительства в сфере науки, либо о его безответственности. Проблемы, возникшие в сфере научной деятельности, весьма сложны. Их решение в полном объеме связано с экономическим подъемом в стране. Правительство профессионалов

необходимо для России как воздух для нормальной жизнедеятельности человека. Только такое правительство способно грамотно определить цели и механизмы, необходимые для подъема российской экономики, основанной на новейших наукоемких технологиях.

Почему такое правительство отсутствует в стране? В одной из своих статей С. Сулакшин ключевой причиной называет «монополизацию и ограничение (сужение) пространства выбора властных решений» (17, с. 88). В управлении наукой складывается и усиливается «идейная монополия», которая «включает научно-экспертные центры, отраслевые институты и группировки, неформально связанные с властными центрами принятия решения о финансировании». В то же время Российская академия наук, различные научно-экспертные центры, в том числе связанные с региональной, отраслевой и иной тематикой, коррелирующей с интересами всех заинтересованных групп в стране, практически не имеют возможности участвовать в бюджетном заказе.

Идейно-организационная структура финансово-экономического блока правительства находится в значительной мере в сфере интересов олигархического бизнеса, транснациональных корпораций и мировых финансовых центров. Эти интересы направлены на разрушение государственности, поддержку и закрепление в России сырьевой ориентации, ослабление научно-технического и оборонного потенциала РФ. Объективно, подчеркивает С. Сулакшин, этому способствует политика «реформ ради реформ, отстранение государства от ответственности за управление и регулирование экономики» (18).

Соглашаясь с этим, со своей стороны подчеркнем: необходим отказ от безграмотного заклинания «государство должно уйти из экономики», государственное управление и регулирование экономики должны стать стратегическим фактором научно-технического и экономического развития страны, инвестиционного стимулирования экономического роста, активизации внутренних источников.

Своеобразие социально-политической ситуации в настоящий момент состоит в том, что потенциально Россия располагает соответствующими центрами, экспертами, разработками, программами, т.е. всем необходимым для обеспечения стремительного экономического роста и долгосрочного устойчивого развития. Нет только механизма их вовлечения в реальное государственное управление. Россия сейчас находится на распутье: быть или не быть ей одной из ведущих стран мира, – это зависит от политического руководства страны.

Литература

1. Концепция участия Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки (фрагменты проекта) //

Поиск. – М., 2004. – № 38 (800), 17 сент. 2004 г., с. 5–7; Концепция участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами государственных организаций, осуществляющих деятельность в сфере науки // Там же, № 43 (805), 22 окт., с. 5–8; Концепция участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами государственных организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования // Поиск. – М., 2004. – № 44 (806), 29 окт., с. 5–10.

2. См.: Nisbet R. Max Weber and the roots of academic freedom // Controversies and decision. The social science and public policy / Ed. by Frankel Ch. – N.Y., 1976. – P. 108.

3. Katz J.E. Presidential politics and science policy / Forew. by Horowitz I.L. – N.Y., 1978. – P. 154–155.

4. Drew D.E. Science development: An evolution study. – Wash., 1975. – P. 111.

5. Понарина Е. Связанные новоязом // Поиск. – М., 2004. – № 40 (802), 1 окт. 2004. – С. 3–4.

6. Моргунова Е. Разгрому подобно // Там же. – № 40 (802), 1 окт. 2004. – С. 3.

7. http//www.kremlin/text/appears/2001/08/28612.shtml

8. Животовская И.Г. Глобализация и образование: Институциональный и экономический аспекты / Глобализация и образование. Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2001.

9. Поиск, № 17 (831), 29 апреля 2005 г.

10. Понарина Е. Связанные новоязом // Поиск. – М., 2004 г. – № 40 (802), 1 окт. 2004.

11. Ракитов А.И. Регулятивный мир: Знание и общество, основанное на знаниях // Вопр. философии. – М., 2005. – № 5. – С. 82–94.

12. См.: Поиск, 2004. – № 36 (798), 3 сент. 2004.

13. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Власть, наука, общество. Система государственной поддержки научно-технической деятельности: Опыт США. – М., 1994.

14. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Структура и динамика научно-технического потенциала России. – М., 1996.

15. Подробно об этом см.: В.Козлов. Эффект взаимодействия (доклад на совместном заседании Общего собрания РАН и Ученого совета МГУ им. М.В.Ломоносова) // Поиск. – М., 2004, – № 51 (813), 17 дек. 2004.

16. Моргунова Е. На самом интересном месте прервалось финансирование исследований в ГНЦ // Там же. – 2005. – № 13 (877) – 1 апр.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: 101 ГОД СПУСТЯ

А.Б.Зубов

ПОЧЕМУ НЕ ВОПЛОТИЛИСЬ «БЕССМЫСЛЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ» (Манифест 17 октября 1905 г.)

Зубов Андрей Борисович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

I

«Так вы-таки были большим либералом? – с любезною улыбкою спросил Верига. – Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции.... Конечно, ваше превосходительство, – признался Передонов, – в университете и я...» – Федор Сологуб, закончив «Мелкого беса» летом 1902 г., сохранил для нас эту примечательную картинку общественных настроений начала XX в.

Все ждали конституции – «увенчания земства Государственной думой». По крайней мере, все почти представители образованных, интеллигентных сословий. Рабочие и крестьяне ждали иного: крестьяне – черного передела, безвозмездного распределения между ними казенных и помещичьих земель; рабочие – более справедливого распределения прибылей между ними и работодателями. Но даже в эти, низшие и плохо образованные слои русского народа стали к концу XIX столетия проникать убеждения, что без народоправства, без конституции ни земли, ни справедливого распределения прибылей народу не видать. Очень многие ждали конституции, парламента как когда-то иудеи ждали мессию. А другие, немногие, также с религиозным фанатизмом клеймили парламентаризм и конституционализм «великой ложью нашего времени» (К.П. Победоносцев). Что это было – массовый политический психоз, самообман или полуинтуитивное – полурациональное виденье спасительного для России пути?

Чтобы понять настроения конца XIX столетия, нам следует обратиться в прошлое России и Европы.

Абсолютная самодержавная монархия, существовавшая в России до Манифеста 17 октября 1905 г., вовсе не была извечным политическим институтом, как сейчас полагают очень многие монархисты и республиканцы-либералы. Она

утвердилась в России только с Петром I, придя на смену соборному правлению, а до того – вечевому, уходящему корнями в доисторическую арийскую социальность. Не случайно ведь слово «вече» восходит к праиндоевропейскому глаголу «вач» – священная речь. Народное собрание – самхита, сабха древних ариев избирало воинского и гражданского предводителя – князя, раджу и следило, чтобы он исполнял извечный священный закон – дхарму. Высшим авторитетом в сфере дхармы являлись священнослужители – брахманы, не вмешивавшиеся в государственное управление. В эпоху деградации арийского сообщества (примерно I тыс. до Р.Х. – I тыс. по Р.Х.) вече, тинг стали и народным собранием, и высшим судом, но после христианизации европейских народов в конце I – начале II тысячелетия функции высшего нравственного авторитета возвращаются к духовной власти, к «освященному собору» и органично соединяются с идущим из Византии принципом симфонии духовной и императорской власти.

Когда после смут и нашествий Европа восстанавливает государственные институты, повсюду почти возникают и национальные представительные учреждения. В Леоне и Кастилии в 1188 г., в Германии – в 1237 г., в Португалии – в 1254 г., в Англии – в 1265 г., во Франции – в 1302 г., в Швеции – в 1435 г. До того, в эпоху раздробленности, существовали провинциальные парламенты и сеймы отдельных областей. Первый общерусский собор после татарского ига был созван в 1549 г. Но есть летописные известия о созыве собора князем Всеволодом Юрьевичем в 1211 г., и прекрасно известны русские провинциальные и городские собрания – Новгородское, Псковское, Смоленское, Киевское. Последний русский собор действует с 18 декабря 1683 по 8 марта 1684 г. и обсуждает условия вечного мира с Польшей. Сведения секретаря австрийского (цесарского) посольства в Москву И.Г. Корба о соборе 1698 г., созванного Петром, большинство историков подвергают сомнению. Но, как бы то ни было, с Петра парламентаризм на Руси прекращается. Петр I становится первым русским самовластным монархом. «Его Величество есть Государь самовластный, никому на свете за свои дела ответ давать не должный, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять», – впервые объявляет об абсолютной власти русского Царя, сохранявший силу до начала XX века Военный регламент 1716 года (гл. 3, ст. 20). Чуть раньше, в конце XVII в. к абсолютизму переходят многие парламентские страны Европы – Франция, Австрия, Пруссия. Политические права у всех сословий отбираются в пользу короны. «Править для блага народа, но без народа» – вот принцип абсолютизма XVII–XVIII вв.

С легкой руки Ричарда Пайпса в нашем обществе утвердилось мнение, что отличие русского абсолютизма от западноевропейского состояло в отсутствии среди русских понятия частной собственности. – «В России само понятие имущества... отсутствовало до введения его Екатериной II, немкой по происхожде-

нию. Московская Русь управлялась словно частное владение, ее население, территории со всем содержимым считались имуществом трона»[1]. Формально это отчасти верно, но фактически – неверно совсем. Вотчины вовсе не считались государевым имуществом. Иная земля *de jure* была государевой, но *de facto*, и это зафиксировано в бесчисленных земельных частных документах – закладных, духовных, дарственных, купчих; и помещичья, и церковная, и крестьянская, и мещанская земля понималась как частновладельческая. Иная же собственность и вовсе не ставилась под вопрос – ее частновладельческий характер тщательно оберегается нормами, например, X главы Соборного уложения 1649 г.

Своеобразие же России XVIII в., ее отличие от Пруссии и Австрии состояло в ином. Русские императоры нимало не заботились о благе народа, не распространяли среди него грамотность и здравоохранение, как императрица Мария-Терезия или король Фридрих Великий, но расширяли права и преимущества только дворянства и, отчасти, купечества. Жизнь же крестьян, особенно крестьян частновладельческих, становилась все более тягостной. Вторая особенность России в том, что после Французской революции абсолютистские монархии Центральной Европы быстро преобразуются опять в парламентские, низшие сословия освобождаются от крепостной зависимости и их гражданские права приближаются к правам сословий высших. Абсолютизм сменяется конституционализмом. Этот процесс завершается к середине XIX столетия.

Иначе в России. Здесь процесс освобождения крестьян только начинается с Манифеста 19 февраля 1861 г. И крестьяне вплоть до начала XX в. не обретают ни прав на землю (они ее выкупают у помещиков), ни полной гражданской дееспособности. Образование и здравоохранение среди низших сословий начинают распространяться только с возникновением земства, то есть после 1864 г. и, главным образом, благодаря тому же земству. Что же касается возвращения гражданских и политических прав, отнятых у русского народа Петром I и его преемниками на императорском престоле, то весь XIX век Россия оставалась последней в христианской Европе абсолютной монархией. Конституционные проекты разрабатывались по почину Александра I (так называемая Государственная грамота Новосильцева) и Александра II, но оба проекта так и не воплотились. Александр I не решился создавать представительские учреждения в обществе, где половина населения – рабы, а отменить крепостное право он не мог – на это категорически не соглашались тогда дворяне, да и крестьяне, уже деградировавшие после эпохи векового рабства, вряд ли могли стать в одночасье ответственными гражданами. Александр II погиб от бомбы террориста как раз тогда, когда намеревался подписать указ о созыве законосовещательной Думы.

---

1. Пайпс Р. Русская революция. – М., 2005. – Т. 1 – С. 76.

А между тем десятилетия после Великих Реформ преобразили русское общество. Земство, гласный суд, гражданская свобода низших сословий, постепенное превращение крестьян в собственников и своего труда, и своей земли, наконец, рост грамотности – все это создавало благоприятные условия для возвращения от абсолютизма к «соборной» представительной монархии. «После освобождения (крестьян) неограниченное самодержавие стало невозможно, – писал Н.Е. Врангель. – Мыслящая Русь это понимала, народ это инстинктивно чувствовал. Но сами самодержцы этого не поняли или понять не хотели. Видоизменяя во многом склад жизни своего народа, они своими личными правами, своими прерогативами поступиться не хотели, в неограниченном самодержавии продолжали видеть святая святых, в неприкосновенности его – главную задачу своего царствования»[2].

В отличие от своего старшего брата Александра, мечтавшего в юности создать в России республику, Николай I был категорическим противником перехода от абсолютизма к парламентаризму. Александр III, ненавидя и презирая сластолюбивого отца, заодно, под влиянием Победоносцева, поставил крест и на либеральных начинаниях Александра II. Николай II, взойдя на престол, первым делом подтвердил отеческие принципы. 17 января 1895 г., принимая представителей дворянства, земств и городов, молодой царь объявил им: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Напротив, общество русское, как бы со стороны наблюдая усилия царской администрации в управлении страной, полагало, что о благе народном самодержцы всероссийские пекутся плохо и мало. Сравнение со странами Западной и Центральной Европы было явно не в пользу России. И благосостояние, и культура соседних с Россией народов был несравненно выше, чем народа русского. Шлагбаум пограничного Вержболово разделял не два политических субъекта – Россию и Германию – а два мира, один из которых был безнадежно отсталым в сравнении с другим. Германия в 1911 г. тратила на одного гражданина 59 руб. бюджета в год, Россия – только 15. В Германии на 100 кв. км. приходилось 11,6 км железных дорог, в России – 0,3 км. В Германии на 1 тыс. жителей приходилось 150 учеников народных школ, в России – 41. Неграмотных новобранцев, поступивших в войска, в Германии было 0,02%, а в России – 61,7%. Экспорт на душу населения составлял в Германии 54 руб. золотом, в России –

2. Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. – М., 2003. – С. 322.

10, импорт – 64 и 7 руб. В Германии житель посылал в год в среднем 140 почтовых отправлений, в России – только 10.

Поскольку с конца XVII столетия все слои русского общества были лишены какой-либо возможности влиять на управление, вся вина за неблагополучие России возлагалась русскими на «бюрократию», безраздельно взявшую управление страной в свои руки. «Все образованные и так называемые интеллигентные люди, за самыми малыми исключениями, требовали переворота, т.е. объявили войну бюрократии, а когда их спрашивали, что они подразумевают под бюрократией, то они отвечали: Неограниченную верховную власть»[3], т.е. абсолютную монархию.

Официальная идеология оправдывала абсолютизм тремя видами доводов.

Первый довод был богословским. Самодержавная власть «от Бога», так как царем человек становится не по выбору людей, а по рождению в царской семье, т.е. по милости Божией. А от Бога не может быть ничего дурного и неполезного. Использование этого аргумента, между тем, было очень опасно. Так как все видели великие изъяны и несправедливости в русском государстве, а Церковь, как это было принято во всех абсолютистских монархиях, всецело была подчинена трону и оправдывала все его действия, то думающие люди все чаще стали отходить от Церкви, а то и от веры как таковой. Те же, кто сохранял веру и углублял ее, резонно замечали, что «всяк человек – ложь» [Пс. 115, 2] и что история и России, и всего человечества, в том числе и священная история древнего Израиля дает такое изобилие примеров жестоких, жадных, глупых царей, совершенно равнодушных к благу народа, что полагать их всех даром Божьим никак не возможно.

Иногда к первому богословскому аргументу прилагался и второй – как один Бог на небе, всем самодержавно управляющий, так и один правитель в стране. Когда-то в седьмом слове «Просветителя» об этом писал, с массой осторожных оговорок, преподобный Иосиф Волоцкий, подчеркивавший, что Бог и царь все же очень разные сущности и если Богу надо повиноваться беспрекословно, то царю – с рассуждением: «Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи... такой царь не Божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель... И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству...»[4]. Но так рассуждали в конце XV столетия. В середине XIX столетия православные иерархи писали уже намного определенней: «Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства – Царя Самодер-

3. Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллинн; Москва, 1994. – Т. 2. – С. 308.
4. Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель. – М., 1993. – С. 188–189.

жавного; по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – Царя наследственного»[5]. Владыка Филарет, мистик и богослов, делает и здесь необходимые, хотя и малозаметные непосвященным, оговорки. Но в повседневной жизни оговорки исчезали вовсе. «Бога бойтесь, царя чтите» и точка. Между тем параллелизм между всемогуществом Бога и царским абсолютизмом – явная и грубая богословская ошибка. Бог является вседержителем и абсолютным владыкой мира – ибо Он сотворил его из ничего. Природа Бога и природа созданного Им мира различна. И низшее подвластно высшему, тварное – Творцу. Царь же не творит своих подданных, он даже не рождает их, как отец – детей. И царь и его подданные имеют одну и ту же природу. А между однопри-родными сущностями, как явлено нам в отношениях Святой Троицы, присутствуют взаимная жертва и любовь, добровольность и свобода, а отнюдь не рабское повиновение Сына и Духа Отцу. Подвиг Христа – подвиг *вольный*. Иконой Святой Троицы являются и Церковь, где соборное начало твердо установлено еще апостольскими правилами (ст. 34), и семья, которая, как явствует из чинопоследования таинства Брака, создается только добровольно. Если уж христианскому государству и искать свою священную икону, свой первообраз, то им может быть отношение лиц во Святой Троице, отношение епископов друг ко другу и народа к ним в церкви и, наконец, отношения мужа, жены и детей в хорошей семье, где царствуют «совет да любовь». Перенесение же отношений между Богом и человеком на отношения царя с его подданными глубоко искажало сознание и властвующих и подвластных, превращая царя в идола, а от народа требуя не боголюбия, но идолопоклонства.

Кроме того, все христиане – «царственное священство», все – «народ Божий», все имеют помазание Духом Святым, и потому они могут сами управлять собой или, по крайней мере, участвовать в управлении, которое осуществляет «помазанник Божий». Христианский народ и может и должен контролировать действия власти. Ссылки на то, что полезней подчиняться, нежели управлять, опровергаются доводом, что в аскетике подчинение старцу или настоятелю монастыря всегда дело добровольное. Каждый подвижник свободно избирает монашество, свободно ищет старца. Если бы монарх также свободно избирался народом – иной разговор, но в России была абсолютная монархия, где подданный может только присягать и повиноваться, где он – по рождению раб. А это противоречит христианскому достоинству человека. Так что богословские доводы в пользу абсолютизма больше соблазняли, ожесточали и отводили от веры народ, чем укрепляли власть.

---

5. Святитель Филарет (Дроздов). Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича (1851 г.) // Избранные труды, письма, воспоминания. – М., 2003. – С. 456.

Второй аргумент – такая громадная империя как Российская может сохранять могущество и целостность только под самодержавным правителем. Аргумент этот также был чисто умозрительным. За океаном все более укреплялось Северо-Американское союзное государство, практически столь же обширное, как и Россия, но при этом республиканское, с широко развитой системой местного самоуправления. Почему большие пространства обязательно требуют абсолютной власти, никто объяснить разумно не мог. Тем более что развитие систем транспорта и связи – железные дороги, почты, телеграф – делали управление намного более быстрым и удобным.

Да и сама империя – столь ли безусловна это ценность? Империя создается для благополучия и безопасности своих граждан, но граждане России в большинстве своем оставались бедными и вряд ли неуязвимыми от внешних врагов. Дело в том, что экономическая и военная отсталость России, наглядно проявившаяся, например, в Крымскую войну 1854–1857 гг., приводила и к поражениям, и к неоправданно высоким потерям в личном составе. Скорее наоборот, огромная империя требовала для своего поддержания огромных усилий и жертв от русского народа и, вызывая зависть соседей, порождала все новые военные конфликты, приводящие к гибели все новых и новых русских граждан. Слова Александра III, которые очень любят современные патриоты, что у России есть только два верных союзника – ее армия и флот – на самом деле горькое признание. Национальная безопасность становится очень уязвимой, когда опирается не на дипломатическое искусство, но на одну грубую силу полевой и корабельной артиллерии.

Но если от громадной империи народ русский не получал никакой пользы и только клал на ее поддержание и расширение свои силы и жизни, то значит нужна эта империя не народу, а все той же бюрократии, самодержцам всероссийским, кичившимся громадностью своих владений перед иными монархами Европы. Империя оказывалась не необходимейшей частью жизни, но идеологическим фантомом.

Третий аргумент – многонациональность. В многонациональности сущность империи. Прекрасно, когда многие народы и племена соединяются добровольно в империю ради лучшей организации своей жизни. В таком объединении присутствует отблеск христианской соборности, оно – икона церкви. Но как раз многонациональность – самый убедительный аргумент против абсолютизма. Если империя – добровольный союз многих народов, то он, естественно и должен строиться как союз самоуправляющихся сообществ, передающих центральной власти только те обязанности, которые нельзя хорошо реализовать порознь. Тогда абсолютная власть монарха совершенно не нужна. Если же империя – не добровольный союз, но результат завоевания имперским народом иных племен, то тогда для инородцев абсолютная власть может быть и необходима, чтобы

держать их в повиновении. Так, по крайней мере, полагали многие в России, например С.Ю. Витте. В стране, где 35% инородцы, абсолютизм необходим, писал он[6]. Однако такая империя далека от христианских идеалов братства и любви и совсем не прочна – чуть пошатнется власть монарха, народы начнут разбегаться из-под его тяжелой длани. К сожалению, Российская империя принадлежала к империям недобровольным, как, впрочем, и иные современные ей колониальные империи – Британская, Португальская или Французская. Но в этих европейских империях свободен был, по крайней мере, народ метрополии. Ни англичанин, ни француз не ощущали себя рабами. В России же сам русский народ порабощен был, пожалуй, еще жестче, чем инородцы, большинство которых и крепостного права не знали и какие-то начатки самоуправления имели. И, сравнивая свое положение с положением финнов, татар или армян, русские вполне могли считать, что абсолютная царская власть вовсе не держит в повиновении инородцев ради их, русских, блага, но держит в повиновении и русских, и инородцев ради блага разноплеменной дворянской элиты. Даже самый примитивный русский национализм не мог оправдать русского абсолютизма и потому, кстати, очень слабо развивался в русском народе в эпоху империи.

По всем выше указанным причинам идеология абсолютизма не воспринималась образованной частью общества, а простой и неграмотный народ сохранял веру в царя, как в отца народа, в царя-батюшку, отделяя его от хорошо известных ему дворян-помещиков и купцов-капиталистов, которых он не любил и на имущества которых претендовал. Но доверие к царю в народе вовсе не было иррациональным или мистически мотивированным. Вовсе нет, скорее это было доверие патриархальное. Доверие детей к отцу. Прочна семья, в которой отец оправдывает такое доверие. Но если дети, подрастая, обнаруживают, что отец вовсе не о них печется, не ради них живет, а превращает их только в средство для достижения своих целей или бросает их на произвол судьбы для осуществления собственных прихотей – горе такому отцу. Он будет отвергнут и проклят детьми. И чем сильней была когда-то любовь, тем пуще разгорается темное пламя ненависти.

Как мог доказать царь свою отеческую любовь? По мнению крестьян – очень просто – переделить землю, отобрать ее у купцов и помещиков и отдать ее тем, кто трудится на ней. До поры до времени крестьяне думали, что царь просто не ведает об их нуждах, что помещики его обманывают. Но все больше проникала в их среду социалистическая и либеральная пропаганда. Разночинцы, сами вышедшие из низов, да и совестливая молодежь из высших сословий не уставали объяснять простым людям, что царь вовсе и не хочет помогать им, что

6. *Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллинн; Москва, 1994. – Т. 2. – С. 290.*

он сам первый помещик России. После начала студенческих волнений в 1899 г. по пустяковым причинам и репрессий власти против учащихся, поток таких агитаторов и в деревню, и рабочие районы городов резко усилился. Тогда усилились и репрессии. Ответом на них стал революционный террор.

Первой жертвой возобновившегося террора пал в феврале 1901 г. как раз министр народного образования – профессор Н.П. Боголепов. За ним – министр внутренних дел Сипягин, потом уфимский губернатор Богданович, финляндский генерал-губернатор Бобриков... Маховик противостояния раскручивался неумолимо. Террористические акты революционеров вызывали в обществе не возмущение, но одобрение. «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и фон Плеве не мелодраматические капризы и не случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отжившего самодержавия, – объявлял в «Освобождении» П.Б. Струве. – Русское самодержавие в лице двух последних императоров и их министров упорно отрезывало и отрезывает стране все пути к законному и постепенному политическому развитию... создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодования и возмущения... рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим»[7]. «В свое время все мы радовались убийству Плеве, многие радовались убийству Сипягина», вспоминал уже в изгнании известный «либерал» В.А. Маклаков в переписке с Е.В. Саблиным (письмо от 22.12.1934).

А тут еще крайне непопулярная и крайне неудачная война с Японией, «война, которой в России никто не сочувствовал, которую народная масса совсем не понимала, а еще менее понимала эту войну наша армия, а ведь она должна была нести большие жертвы, не известно за что и на что»[8]. «Японцы казались нашим союзником против самодержавия, и на их нападение либеральное общество ответило почти сплошным пораженчеством», – признавался позднее В.А. Маклаков[9].

В 1904 г. в Петербурге с 6–9 ноября собирается большой земский съезд, который впервые открыто и публично требует от верховной власти народного представительства «Насущнейшей потребностью переживаемого времени является правильная постановка законодательной деятельности и предоставление участия в ней народному представительству», – декларирует съезд[10]. За это решение проголосовало 60 его депутатов. Против – только 38. На различных банкетах и публичных открытых собраниях осенью 1904 г. требования консти-

---

7. «Освобождение». – Штутгарт, 19 июля 1904, № 52.

8. Епанчин Н.А. На службе трех императоров: Воспоминания. – М., 1996. – С. 308.

9. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1. – Париж, [1936]. – С. 234.

10. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – С. 241.

туции звучат все решительней и порой начинает выдвигаться и значительно более радикальное требование созыва Всероссийского учредительного собрания, которое должно не дополнить государственную систему Российской империи парламентом, но заново учредить государство, скорее всего на республиканских основаниях.

Мудрый государственный деятель князь Петр Святополк-Мирский писал государю 24 августа 1904 г.: «Положение вещей так обострилось, что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих. И тогда что?»[11]. Понятно, что тогда – русский бунт. В октябре 1905 г., когда революция была в разгаре, С.Ю.Витте откровенно и прозорливо писал императору: «Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания, – ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма – они будут неудачны, но они будут несомненно, – разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права»[12]. Страшные слова, которым место в книгах пророков.

Но был ли шанс на примирение?

II

В 1904 г. шанс на примирение еще, несомненно, был. Возмущалась и требовала конституции небольшая образованная часть общества. Она была крайне радикально настроена как раз из-за того, что находилась в политическом безвоздушном пространстве, порожденном запретом на какую либо свободную политическую жизнь, и потому действовала исходя из умозрительных схем, из абстрактных представлений о справедливости. Она вела войну с правительством за права русского общества и пыталась разбудить простых людей, сделать их своими союзниками, так как без них сил было явно маловато, даже самопожертвование бомбистов не помогало. Но о действительных политических настроениях и чаяниях разных частей народа интеллигенты знали очень немного. «Атмосфера навязанной конспирации и запретов вынуждала членов политичес-

11. Исторические Записки. – М., 1965, № 77. – С. 241.
12. Красный Архив. – М., 1925. – Т. 11–12. – С. 55–56.

ких партий акцентировать внимание на теоретических дискуссиях, а не решать конкретные политические проблемы. Они не столько желали понять подлинные стремления народа, сколько использовать его недовольство для успешного воплощения в жизнь собственных программ», – совершенно справедливо констатирует проф. Г.В. Вернадский[13].

В 1901–1904 гг. просыпается и священноначалие Русской Православной церкви. С тревогой замечая повсеместное в народе охлаждение веры, епископы, профессора духовных школ, верующие образованные миряне и священники объясняют это охлаждение тем, что Русская Церковь уже двести лет связана синодальной системой, поставлена в невыносимое положение служанки абсолютистского государства, лишена достоинства и свободы, присущей Церкви Христовой. Церковь лишена законного возглавления – с 1700 г. в ней нет Патриарха, главный орган церковного управления – поместный Собор, который по церковным канонам должен собираться не реже двух раз в год, не созывался уже 200 лет. Всем в церкви заправляет государственный чиновник – обер-прокурор и архиереи бессильны без его санкции. Немедленный созыв поместного Собора, избрание им (а не назначение царем) патриарха – единодушное желание русского епископата. «Не следует ли предоставить православной Церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководиться главным образом церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов, и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства?» – писал императору в январе 1905 г. первенствующий в Синоде Санкт-Петербургский митрополит Антоний Вадковский. Церковь русская, как и гражданское общество, желала свободного и ответственного служения Богу и отечеству.

Для стабилизации общественной жизни, для придания политическому процессу созидательности, императорская администрация должна была не столько сдерживать все группы населения России в их стремлении самим достигать своих целей и решать собственные проблемы, сколько позволить им самоорганизоваться и вступить друг с другом в институционально оформленный политический диалог. То есть, как раз и создать парламентскую площадку, встав, по крайней мере, на первых порах над ней, сохраняя за собой важнейшую роль арбитра, определяющего правила политического процесса и предлагающего неожиданные решения, когда спор общественных групп между собой переходит в клинч. Позднее эту модель почти безукоризненно создал Столыпин, но после его гибели и отставки графа Коковцова императорская власть вновь соскольз-

13. Вернадский Г.В. Русская История. Учебник. – М., 2001 – С. 265.

нула в проигрышную позицию политической силы, противостоящей практически всему обществу.

В конце 1904 г., несмотря на большие неудачи на театре Дальневосточной войны (поражение под Ляояном, капитуляция Порт-Артура) крестьяне, рабочие и солдаты еще оставались спокойными. Земские съезды казались им «барскими затеями», тем более не уместными в условиях тяжелой войны. О церковных инициативах они просто ничего не знали. Крестьяне порой выдавали агитаторов-социалистов полиции, рабочие охотно вступали в разрешенные «зубатовские» и «гапоновские» профсоюзы и устраивали лояльные монархические манифестации, если работодатели шли им на уступки по экономическим вопросам. «Революционного народа в России еще нет», – утверждал П.Б. Струве на страницах «Освобождения» в первом номере за 1905 г.[14].

В парламенте, сформированном на куриальной основе (как впоследствии и была сформирована Дума), рабочие вступили бы в диалог с предпринимателями по вопросам рабочего законодательства, крестьяне – с помещиками-земцами по земельным вопросам, нерусские народности – с русским большинством, православные – с иноверцами. Как показал позднейший опыт «третьеиюньской монархии», правильно отрегулированный избирательный закон 1907 г. смог обеспечить России стабильность и исключительно быстрое и экономическое и гражданское развитие, несмотря на то, что действовал он в существенно менее благоприятных обстоятельствах, чем те, что были в 1904 г.

Не только справедливость, но и спасительность для империи предложений большого земского съезда прекрасно понимали многие государственные люди. Получив от Д.Н. Шипова отчет о решениях съезда, министр внутренних дел князь Святополк-Мирский предлагает трем талантливым и лояльным русским людям – ректору Московского университета князю С.Н. Трубецкому, статс-секретарю С.Е. Крыжановскому и начальнику полицейского управления генералу А.А. Лопухину подготовить для государя проект конституционной реформы. К началу декабря 1904 г. проект был готов, но Николай II по совету великого князя Сергея Александровича и С.Ю. Витте (который, скорее всего был недоволен тем, что проект разрабатывался без его участия) убрал в нем все, имеющее отношение к парламентаризму. 11 декабря 1904 г. император повторил фактически дословно то, что сказал десятью годами ранее, в январе 1895, земцам: «Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа»[15]. Опубликованный на следующий день указ «О предначертаниях к усовершенствованию госу-

14. «Освобождение», 7 янв. 1905, № 63.
15. Витте С.Ю. Воспоминания. – Таллинн; Москва, 1994. – Т. 2. – С. 319.

дарственного порядка» не содержал ни единого упоминания о политических реформах.

Это перетягивание каната между общественностью и царем могло еще продолжаться довольно долго, если бы не роковой день 9 января. Расстрел мирной рабочей демонстрации, которая, подражая господам земцам, хотела вручить свое прошение о нуждах рабочих «батюшке-царю», имел катастрофические последствия. Абсолютно не важно, готовились ли социалистами провокации, были ли террористические акты во время этого мирного шествия и при возможной встрече рабочих с Царем, стреляли ли первыми солдаты, или эсеры в солдат из-за спин манифестантов. Важно другое – царь рабочих не принял, даже бумагу от них не велел брать. В четверг вечером, когда о готовящейся на воскресение манифестации уже было известно, он торопливо уехал в Царское Село, а само воскресное шествие было встречено пулями. 200 убитых, 800 раненых. Таков, по официальным данным, итог этого страшного дня. Отец так с детьми никогда не поступает, даже если они ошиблись, он их вразумляет, но не расстреливает в упор. «Нет у нас больше Бога! Нет у нас Царя!» – закричал между залпами толпе рабочих Гапон. И это были тоже пророческие слова. Царя, царя-отца не стало для русского простонародья в этот воскресный день. Навсегда.

«Была ли необходимость открыть огонь? – спросил я (двух боевых генералов, очевидцев события). – Безусловно, – сказал один, – а то толпа смела бы войско. – Ни малейшей – сказал другой. Разберитесь после этого в удельном весе свидетельских показаний... Одно мне кажется несомненным: выйди государь на балкон, выслушай он так или иначе народ, ничего бы не было, разве то, что царь стал бы более популярен, чем был. Но, как оказалось, во все свое царствование благоприятными обстоятельствами он пользоваться не умел... Расстрел на Дворцовой площади еще более отдалил народ от царя... теперь его уже начали не уважать: «не только править не умеет, но и своего народа боится», – говорили во всеуслышанье», – так оценил случившееся барон Н.Е. Врангель[16]. И не один он.

После 9 января по всей России прошла волна стачек, демонстраций, забастовок и на заводах, и в учебных заведениях. 13 января во время столкновения с войсками в Риге погибли 70 человек, на следующий день в Варшаве – 93 человека. В январе бастовало более 400 тыс. рабочих. Весной начались беспорядки в деревне. После Цусимской катастрофы беспорядки усилились. В эти месяцы были сожжены сотни усадеб, уничтожено множество ценного инвентаря, многие тысячи голов скота. Но, что еще страшнее, начались осквернения церк-

16. Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков... – С. 314–315.

вей, кощунства в отношении духовенства. Разуверившись в царе, простой народ охладел и к Богу, милостью которого правил император всероссийский. «Вся Россия была в огне, – вспоминал шурин царя великий князь Александр Михайлович. – В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства, и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Рабочие бастовали. В Черноморском флоте произошел мятеж, чуть не принявший широкие размеры... Латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей – балтийских баронов... Полиция на местах была в панике... Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору»[17]. Революционный народ, которого не было, после 9 января в России появился – и в каких масштабах! «Новая Пугачевщина» – эти слова теперь были у всех на устах.

Здравомыслящие государственные и общественные деятели продолжали убеждать государя, что только созыв народного представительства, открыв публичный обмен мнениями различных частей общества, снимет фронтальное и гибельное противостояние практически всего общества с государственной властью. В конце января записку о необходимости созыва Земского собора представил государю министр земледелия и государственных имуществ Алексей Ермолов – опытный и мудрый сановник. Его записка, по всей видимости, легла в основу рескрипта от 18 февраля министру внутренних дел Александру Булыгину о необходимости «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». Впервые за весь период русского абсолютизма конституционные «бессмысленные мечтания» обрели форму государственного акта. И пусть пока речь шла о законосовещательном собрании. Самим фактом избрания «от населения» депутаты обретали те необходимые силу и авторитет, которые открывали им возможность независимого от государственной власти действия – источник их легитимации был не от царя, но от народа. «Подписал рескрипт на имя Булыгина... Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспеяние», – записал тем же вечером в дневник государь.

Другим документом, подписанным императором в тот же день, являлось приглашение ко всем подданным подавать «предположения» «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустроения». В Петербург хлынул поток петиций от земств, городов, профессиональных союзов, крестьянских сходов. До 6 августа, когда в связи с провозглашением правил выборов в

17. *Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. – М., 1999. – С. 215.*

законосовещательную Думу (так называемую Булыгинскую) прием петиций был прекращен, их было прислано более 60 тыс. Во многих из них выдвигалось требование законодательного парламента, в других даже Учредительного собрания, в крестьянских прошениях повсеместны были желания прекратить выкупные платежи и получить помещичью и казенную землю. На фоне горящих помещичьих усадеб, солдатских и матросских мятежей, забастовок и рабочих, и студентов, и земских служащих, включая врачей и учителей, решительные требования петиций звучали особенно зловеще. За дворцовыми канцеляризмами принятой в обращении к монарху речи, петиции являли иное – кровь 9 января, широко разлившись по России, разделила царя и общество. Государь из отца и почти небожителя стал для одних врагом, для других – помехой, для третьих, правых – союзником в политической игре.

6 июня, на Духов день государь принял в Царском Селе депутацию, избранную союзом земств, городов и дворянских собраний. Говоривший от имени депутации князь Сергей Трубецкой, ректор Московского университета, убеждал царя созвать народное представительство, вернуться к соборному правлению, как управляли страной его далекие предки – первые Романовы. Ответ царя был тверд и решителен: «Отбросьте ваши сомнения. Моя воля, – воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом... Я твердо верю, что Россия выйдет обновленной из постигшего ее испытания. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всей Русью, между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, что вы будете содействовать мне в этой работе». Увы, столь же твердо и решительно за полгода до этой встречи царь объявлял, что представительный образ правления вреден для вверенного ему Богом народа, а в начале своего царствования называл любые планы созыва нового Земского собора «бессмысленными мечтаниями». Все это помнили, все это знали и не верили царю.

В те же летние дни 1905 г. царь обещает созвать поместный православный церковный Собор. Чуть позже, в начале 1906 г. он даже распорядится создать Предсоборное совещание, которое было создано. Однако Собор царь так и не созвал; он уже самочинно собрался после отречения государя.

Политический кризис между тем нарастал. Портсмутский мир с Японией еще более подорвал престиж государственной власти. Всем стало ясно, что царь проиграл войну тем, кого он сам, не стесняясь, называл «макаками». Японцам отдали и залитый кровью Порт-Артур, и половину Сахалина. Расстреливает мирные манифестации своих подданных, а врага, которого обещали шапками закидать, победить не может и расплачивается с ним русской землей. Против абсолютизма теперь были практически все – от митрополитов и министров до

саратовских мужиков и лодзинских рабочих. Но Николай II своей властью делиться не желал, как и прежде. Если уж так хочет народ Думу созвать, то пусть эта Дума будет строго совещательной «для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Государственный совет».

В конце сентября 1905 г. вновь начался рост забастовочного движения на фоне все разрастающихся крестьянских волнений. Интеллигенция, организовавшаяся к этому времени в «Союз (профессиональных) союзов», была всецело на стороне взбунтовавшегося простонародья. Во второй декаде октября вся Россия объявила забастовку. Остановились железные дороги, бездействовал телеграф, прекратилась торговля. Забастовкой в городах, восстаниями в армии и погромами усадеб руководили профессиональные революционеры, антироссийски, антигосударственно настроенные люди, но они бы не получили никакого авторитета в крестьянской и рабочей массе, если бы сохранялось среди народа доверие к царю и страх Божий. Но оба эти величайших устоя общественной жизни были разрушены самой императорской властью. И не за месяцы, а за те же 200 лет абсолютизма. Разрушение их только проявилось и завершилось после 9 января, Цусимы и Портсмутского мира.

Всеобщая забастовка середины октября 1905 г. сделала жизнь страны совершенно невозможной. Министры не могли прибыть на доклад к государю из Петербурга в Петергоф иначе как на боевом миноносце. А на Английской набережной, где ждал их «Дозорный» или «Разведчик», разъяренная толпа била окна дворцовых карет и грозила министрам судом Линча. «Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками... Пугачевщина!.. До чего мы дошли. Убытки – десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб. Шайки вполне организованы... Все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновке осквернен был храм, в котором зарезали корову и испражнялись на Николая Чудотворца», – пишет жене в эти дни саратовский губернатор, вскоре ставший премьер-министром России Петр Столыпин[18].

В такой обстановке С.Ю. Витте 9 октября представил государю два возможных выхода из революционного кризиса – или немедленное дарование конституции с гарантиями гражданских прав и свобод, с законодательным парламентом, сформированным на основе широкого избирательного права, или введение жестокой военной диктатуры и подавление революции силой оружия. Сам Витте был всецело за конституционный вариант, но не исключал, что он ошибается.

«Государство не может жить и развиваться только потому, что оно существует, – писал Витте, объясняя царю свою мировоззренческую позицию. –

18. *Столыпин П.А. Переписка. – М., 2004. – С. 597, 600.*

Оно оправдывается и внутренне заложенной в его существо идеей... государство живет во имя чего-нибудь. Эта идея или цель государства коренится в обеспечении благ жизни, моральных и реальных. Благо моральное состоит в поступательном развитии свободного по природе человеческого духа. Блага реальные слагаются из совокупности экономических условий существования... Так во имя свободы создается право, определяющее пределы этой свободы. Во имя права – государство, с его основными элементами: властью, населением и территорией... Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный – к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой»[19]. В настоящий же момент все видят противодействие власти этому стремлению к свободе и потому «в обществе воспиталась и растет с каждым днем злоба против правительства. Его не уважают, ему не верят». «Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели... Лозунг «свобода» должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет, – твердо высказывает свое мнение Витте государю[20]. «Наступил момент кризиса. Долг верноподданного обязывает сказать это честно и открыто. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ним наступит дикий разгул низменных человеческих страстей»[21]. – Так заканчивает он свою записку.

Государь не сразу ответил. Он несколько дней совещался, выяснял, какие войска имеются в наличии, достаточно ли они надежны для подавления беспорядков. Наконец, 13 октября в Петергоф был срочно вызван великий князь Николай Николаевич. Начальник канцелярии министерства Императорского двора генерал-лейтенант Александр Мосолов так передает рассказ министра двора барона Фредерикса о встрече великого князя с государем: «Его приезда ждали, чтобы назначить диктатором. Великий князь будучи в каком-то неестественном возбуждении, выхватил револьвер и закричал: "Если государь не примет программы Витте и не захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера"»[22]. Второго 9 января в безмерно больших размерах, да еще по его приказу, великий князь категорически не желал. Этот исторический (или истерический?) жест великого князя решил судьбу России. После долгого совещания с Витте и Николаем Николаевичем государь принял решение даровать народу свободу и конституцию. Абсолютис-

19. Красный Архив. – М., 1925. – Т. 11–12. – С. 51–52.
20. Там же. – С. 55.
21. Там же. – С. 61.
22. Мосолов А.А. При дворе последнего Императора. – СПб., 1992. – С. 57.

тское государство, просуществовав в России два века, закончилось именно 17 октября 1905 г. Сам Император описал этот день в характерном для него стиле: «17 октября. Понедельник. Годовщина крушения (царского поезда в Борках – А.З.). В 10 часов поехали в казармы Сводно-Гвардейского батальона. По случаю его праздника о. Иоанн отслужил молебен в столовой. Завтракали Николаша и Стана. Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова стала тяжелой, и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, усмири Россию»[23].

Его подданные восприняли Манифест менее буднично.

«Вечером 17 октября по улицам (Петербурга – А.З.) мчался автомобиль. В нем стоял неизвестный, махал шляпой. "Конституция! Царь подписал конституцию!" – задыхаясь от волнения кричал он. Проходящий полицейский офицер остановился, снял шапку и перекрестился... Для меня лично, – продолжает барон Врангель, – 17 октября 1905 года был самым светлым днём моей жизни. То, о чем я мечтал с ранней юности, свершилось... Появилась арена, на которой стала возможной легальная борьба. Казалось, что будущее людей впервые оказалось в их собственных руках»[24].

«Выбор лежал между удовлетворением всех требований революционеров или же объявлением им беспощадной войны. – Размышлял другой современник 17 октября, шурин государя великий князь Александр Михайлович. – Было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлет императорского штандарта... Николай II отказался удовлетворить силы революции – крестьян и рабочих, но перестал быть самодержцем, который поклялся в свое время в Успенском соборе свято соблюдать права и обычаи предков. Интеллигенция получила, наконец, долгожданный парламент, а русский царь стал пародией на английского короля. ... Сын Императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и тайных агентов департамента полиции. Это был конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!»[25]

Таковы мнения двух людей, принадлежавших к высшему слою старой России. Объективной же слабостью манифеста была форма его принятия. Он, как достаточно ясно заявлялось в его преамбуле, был вырван у императора «неслыханной смутой и волнениями в столицах и во многих местностях империи нашей». Он не был дарован по доброй воле, по долгом и трезвом размышлении

23. Дневник Императора Николая II. – М., 1991. – С 239.
24. Врангель Н.Е. Воспоминания... – С. 322–323.
25. Александр Михайлович, Великий князь. Воспоминания. – М., 1999. – С. 216–217.

о нуждах страны и благе народа. Он тем более не сопровождался ни одним вздохом покаяния за все те тяготы и несчастия, которые и в последнее царствование и в предшествующие были совершены абсолютной монаршей властью, от ее имени. Напротив, до последней минуты император Николай Александрович колебался – устроить ли своим «детям» небывалое кровопускание или позволить им из рабов-малолеток превратиться в совершеннолетних граждан. И только мужество и порядочность «Николаши» (великого князя Николая Николаевича) окончательно склонили весы монаршей воли к дарованию манифеста. Именно поэтому, а не по своему содержанию Манифест 17 октября был «от начала порочен». Он был вырван силой, а проявивший безволие и бессилие монарх потерял последние остатки доверия в русском народе.

«Хотя правительство всегда уступало напору критических требований, но по собственной инициативе оно никогда не предпринимало шагов в этом направлении. Его нерешительность оказалась главным фактором, обеспечившим успех революционных организаций», – точно указывал Георгий Вернадский[26]. «Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели»... – как ясно это понимал Витте!

Надо, однако, специально подчеркнуть, что Николай II не желал расставаться с абсолютной властью не из-за маниакальной любви к власти как таковой. Царским венцом он тяготился, вряд ли меньше своего «благословенного» двоюродного деда, но считал несение шапки Мономаха своим долгом перед Господом, отечеством и предками. А с момента рождения долгожданного сына Алексея не переставал мечтать видеть его своим преемником на престоле самодержцев всероссийских, облеченным всею полнотой монаршей власти. Абсолютная монархическая власть была для Николая Александровича ценностью и святыней сама по себе. Что это было – плод ошибочного воспитания отцом и Победоносцевым? Или природная склонность души? Или что-то иное? Но как бы то ни было, именно глубокая убежденность в святости царского абсолютизма погубила и честного ее рыцаря императора Николая, и всю императорскую Россию.

Поскольку непопулярный царь оставался на престоле и поскольку Манифест 17 октября вырван был у него силой, народ не успокоился, и революционеры продолжали давить на власть – вдруг еще что-нибудь да упадет в руки. «Ну што ж! Если царь нам не поможет, то солдаты изделают забастовку: придут к царю, побросают ружья у кучу и скажут: Ваше Императорство! Возьмите ваш струмент. Вы об нас не заботитесь, так и мы Вам больше служить не хочем», –

26. Вернадский Г.В. Русская История. Учебник. – М., 2001. – С. 267.

вспоминал историк Сергей Пушкарев разговор с крестьянином Старооскольского уезда[27].

В тот момент надо было бы покаяться в пролитой в январе крови, в ошибочном понимании своего царского долга – держать великую страну в безгласном повиновении. Покаяться и уйти с престола, оставив императором новорожденного сына при регенте брате Михаиле Александровиче или дяде Николае Николаевиче. Одновременно следовало созвать Церковный собор и восстановить патриаршество, о чем просили Царя и клирики, и просвещенные миряне. Регент объявил бы конституцию, соборно избранный Патриарх, свободный от обер-прокурорской опеки стал бы средоточием религиозных чаяний народа. Такой ценой, по всей видимости, еще можно было тогда восстановить «единение Царя со всей Русью». После 9 января, после «Артура и Цусимы» народ разочаровался в Николае II, но не в основах государственного строя, не в самой российской государственности как таковой. Привычки к революции еще не было, была, пожалуй, только усталость от нее. Усталость и растерянность. Новое лицо во главе страны, новое положение Церкви сравнительно легко переключили внимание народа, и началось бы умиротворение.

Но царь с престола не ушел, он даже и не думал о такой возможности, даже и не объявил, что сделает это после всеобщего успокоения. Царь остался, и презрение к нему народа осталось. Отныне, до самого конца монархии он стал в головах своих подданных (разве что за исключением нескольких недель в начале мировой войны, когда всеобщий подъем патриотических чувств вновь сделал Царя вождем народа) «мальчиком для битья», двуличным бесталанным правителем, помехой государственного развития, фигурой умолчания. И это неверие в высшую и священную власть быстро разъедало и религиозное, и гражданское чувство самого народа, лишало его высших нравственных устремлений.

«Может быть, именно теперь самая пора приниматься за дело – рассуждает профессиональный революционер эсдек Малицын в написанной Федором Сологубом в годы Великой войны повести «Заклинательница змей» [83], рассказывающей о предшествующих мирных годах. – Государство наше великое Всероссийское давно уж в воздухе висит, только само за себя и держится. Истинно самодержавие. Толкнуть хорошенько, все развалится, все в тартарары полетит». «Идея Царя была мертва... Празднование 300-летия династии Романовых больше походило не на торжество, а на поминки», – вспоминал уже не литературный герой, а непосредственный участник «юбилейных мероприятий» митрополит Вениамин Федченков[28].

---

27. Пушкарев С.Г. Самоуправление и свобода в России. – Франкфурт-на-Майне, 1985. – С. 82.

28. Вениамин (Федченков), Митрополит. На рубеже двух эпох. – М., 1994. – С. 131.

Но политическая система, сформировавшаяся благодаря Манифесту 17 октября, обнаружила при этом исключительную прочность и эффективность. Великий Петр Столыпин получив пост председателя Совета министров широкими реформами, в сотрудничестве с Думой смог умирить Россию и создать правовую рамку для грандиозных преобразований культурной, общественной и хозяйственной жизни. После третьеиюньского переворота началось плодотворное сотрудничество общества и государственной власти, продолжавшееся до 1915 г. Политические партии, ориентируясь на электорат, от революционной риторики переходили к государственному строительству. Русские люди, обретя свободу гражданскую и политическую, преображали Россию с поразительной быстротой. «Во всех проявлениях своей внутренней жизни Россия чувствует, как усиленно бьется ее пульс, насколько велики результаты, достигнутые за последние 6–7 лет в ее экономическом развитии», – писал в ноябре 1913 г. преемник и друг Столыпина Владимир Коковцов[29].

В это время быстрых преобразований России более всего нужен был монарх, чистый от грехов абсолютистского прошлого, ответственный, волевой, не ревнующий успехам своих министров, но радующийся тому, что государственные вопросы решаются ими успешно. Он должен был стать символом будущей Великой России, а не символом «проклятого прошлого». И рядом с ним должен был быть соборно избранный старец Патриарх, пекущийся о душе больного и во многом расхристанного народа, а не лжестарец Григорий, своими выходками и записочками окончательно отвращавший людей от монарха.

Сергей Витте, Петр Столыпин, великий князь Николай Николаевич, митрополит Антоний, князь Сергей Трубецкой, князь Петр Святополк-Мирский и множество иных замечательных русских людей всех званий, сословий и состояний, духовных и светских, военных и гражданских трудились над созиданием грядущей России. Но в лице государя Николая Александровича они встретились со старой, двухсотлетней абсолютистской Россией, для которой великими были Петр и Екатерина, безгласная церковь и верноподданный народ. Самостоятельные, ответственные министры, независимый от царя Патриарх были Николаю II не нужны и даже очень опасны. Мы можем только догадываться о судьбе Столыпина, если бы пуля Богрова не оборвала его жизнь в сентябре 1911 г. Но Витте и Коковцова царь уволил безжалостно. Потом, в 1914–1916 гг. были изгнаны почти все деятельные министры – Кривошеин, Сазонов, Самарин, князь Щербатов, генерал Поливанов. В 1915 г. снят с поста верховного главнокомандующего великий князь Николай Николаевич. Церковного собора царь так и не созвал, патриаршество не восстановил, а слишком активных архи-

29. Коковцов В.Н. Воспоминания. – М., 1991. – С. 276.

ереев – священномученика митрополита Владимира, своего духовника архиепископа Феофана ссылал куда подальше – с глаз долой из сердца вон. И через 12 урочных лет пресеклась царская власть, рухнула тысячелетняя Россия.

«Отчего рухнуло царское самодержавие в России?», – вопрошал на заседании религиозно-философского общества 15 апреля 1917 г. брат князя Сергея – князь Евгений Трубецкой. И сам отвечал на свой вопрос: «Оттого, что оно стало идолом для русского самодержца. Он поставил свою власть выше Церкви, и в этом было и самопревознесение, и тяжкое оскорбление святыни. Он безгранично верил в субъективное откровение, сообщающееся ему – помазаннику Божию – или непосредственно, или через посланных ему Богом людей, слепо верил в себя как в орудие Провидения. И оттого он оставался слеп и глух к тому, что все видели и слышали. Отсюда эта армия темных сил, погубивших его престол, и вся та мерзость хлыстовщины, которая вторглась в Церковь и государство. Повреждение первоисточника духовной жизни – вот основная причина этого падения. В крушении старого порядка, которое было этим вызвано, выразился суд Божий не над личностью несчастного царя, а над тем кумиром, которому он поклонялся»[30].

Как это ни больно сознавать, но не мог спасти Россию Манифест 17 октября не из-за своих изъянов и несовершенств, а из-за противодействия ему даровавшего его государя и тех многих поколений его предков, дела и убеждения которых были Николаю II камнем на шее и гирей на ногах. Дух Манифеста 17 октября так и не превозмог духа абсолютизма и погиб вместе с ним в страшном 1917 г. И в этой великой неудаче урок для нас, трудящихся над возрождением исторической России.

30. Трубецкой Е.Н. О Христианском отношении к современным событиям // Новый мир. М., 1990, № 7. – С. 220.

Г.З.Головков

1905–1907. ВЕХИ ОБОЮДНОГО НАСИЛИЯ ВЛАСТИ И РЕВОЛЮЦИИ

Головков Геннадий Зиновьевич – главный библиотекарь ИНИОН РАН.

В прошлом году исполнилось 100 лет с начала Первой русской революции. Традиционно, и на это есть весомые основания, начало революции датируется 9 января 1905 г., когда правительственные войска расстреляли в Петербурге мирную демонстрацию рабочих. Этот день, вошедший в историю под названием Кровавое воскресенье, явился началом отсчета многих роковых и кровавых событий, произошедших в России в последующие годы. Возглавил эту расстрелянную демонстрацию рабочих священник Георгий Аполлонович Гапон.

Литература о Гапоне достаточно обширна, и мнения мемуаристов и исследователей об этой личности различны и часто противоречивы. Интерес к Гапону не исчезает и в наши дни. Кто он? Революционер? Вождь? Авантюрист? Провокатор от полиции? Или кто-то еще? Настоящая известность пришла к Гапону лишь в декабре 1904 г. О нем в это время начали писать газеты, о нем говорили в Петербурге и в Москве. Он стал бесспорным признанным лидером рабочих Петербурга. Незадолго до этого министр внутренних дел В.К. Плеве утвердил проект устава созданной Гапоном рабочей организации, получившей название «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга».

Устав ставил для «Собрания» довольно невинные цели: борьба за трезвый образ жизни, укрепление национального самосознания, покупка книг и открытие библиотек, организация лекций и вечеров и т.д. Деятельности Гапона по организации рабочих покровительствовали петербургские градоначальники – сначала генерал-лейтенант Н.В. Клейгельс, затем также градоначальник жандармский генерал И.А. Фуллон. И, конечно, рабочим движением очень интересовалась полиция. Гапон в самом начале организационных процессов был вызван для беседы в департамент полиции на Фонтанку, 16, и представлен заведующему Особым отделом ДП надворному советнику Сергею Васильевичу Зубатову, который был переведен на эту должность из Москвы, где он возглавлял Московское охранное отделение. К этому времени Зубатов прославился не только как опытный руководитель политического сыска, но в большей степени и как

создатель подконтрольных правительству легальных рабочих профсоюзов, систему которых сам Зубатов назвал «полицейским социализмом». Зубатов разглядел в Гапоне черты рабочего лидера и одобрил его деятельность.

Гапон понимал, что общение с политической полицией в лице Зубатова не может дать ему моральной выгоды. С одной стороны, Гапон страстно желал облегчить участь рабочих, но, с другой стороны, он прекрасно понимал, что без поддержки сильных мира сего он, простой священник, ничего не может сделать. И «после долгих колебаний я решил, несмотря на испытываемое мною отвращение, принять участие в начальной организации и попытаться, пользуясь Зубатовым как орудием, постепенно забрать контроль в свои руки. Сделав вид, что я согласен помогать этим слугам самодержавия, я получу свободу сношения с рабочими и избавлюсь от необходимости постоянно прятаться от полицейских сыщиков. Мне было очевидно, что настоящие революционеры имели мало влияния на народные массы, потому что могли действовать только тайно и в ограниченных кругах рабочих, так как остальная масса была им недоступна. Как священник, я имел еще и то преимущество, что мог входить в тесное общение с народом. Я полагал, что, начав организацию рабочих для взаимной помощи под покровительством властей, я могу одновременно организовывать и тайные общества из лучших рабочих, избранных для этой цели, которых я воспитаю и которыми я буду пользоваться как миссионерами, и, таким образом, мало-помалу направлю всю организацию к желаемой цели. Когда мои собственные люди заменят назначенных по указанию полиции лиц и заслужат уважение и доверие всех рабочих, у меня будет группа помощников, готовых руководить народом в нужный момент»[1].

Организация созданная Гапоном, быстро набирала вес и влияние, сам же он стал вождем петербургских рабочих. Но мирное сосуществование не могло долго продолжаться. Обстановка в стране и неудачи на фронтах русско-японской войны усиливали в обществе антиправительственные настроения. Гапон не мог оставаться в стороне от этих событий. Он предложил руководству отделов «Собрания» в конце 1904 г. выработать петицию для подачи царю. Кто писал эту петицию? Или сам Гапон? Или, может, близкий к нему пролетарский писатель М. Горький? Этот вопрос остается открытым. Петиция содержала в себе основные программные требования революционных партий: всеобщие равные и тайные выборы в Учредительное собрание, передача земли крестьянам, прекращение войны, свобода слова, печати и совести, 8-часовой рабочий день и т.д.

Теперь был нужен удобный момент для подачи петиции, и он настал в декабре 1904 г., когда с крупнейшего в стране Путиловского завода администрация уволила четырех рабочих, членов «Собрания». Переговоры об их восстановлении на работе окончились с нулевым результатом. И тогда с 3 января по предложению Гапона на заводе, изготовляющем вооружение для российской

армии, началась забастовка. Вслед за Путиловским встали Франко-русский судостроительный и Семянниковский заводы. Гапон выступает на митингах рабочих, агитируя их обратиться с петицией к царю, чтобы добиться справедливости. 5 января на митинге он познакомился и подружился с Петром (Пинхусом) Моисеевичем Рутенбергом, инженером Путиловского завода и членом партии социалистов-революционеров, человеком, сыгравшим в жизни Гапона столь зловещую роль. Переговоры с правительственной администрацией не принесли результатов, а забастовка парализовала жизнь Петербурга.

День шествия рабочих для подачи петиции назначили на 9 января, а накануне градоначальник Фуллон расклеил по городу объявления о запрете сборищ и шествий. Войскам роздали боевые патроны. Настроение рабочих, идущих с петицией к царю (их по некоторым источникам насчитывалось до 300 тыс.), было в эти дни достаточно противоречивым. С одной стороны, на митингах все готовы были и клялись умереть, а с другой – никто не верил, что войска будут стрелять в народ.

Страшный итог событий хорошо известен. «Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных общеполицейских мер и даже атакам кавалерии, – сообщал директор Департамента полиции А.А. Лопухин министру внутренних дел Святополку-Мирскому, – упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали сами нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием»[2]. Всего, по официальным данным, погибло от пуль девяносто шесть человек (в их числе околоточный надзиратель) и ранено более трехсот, из которых тридцать четыре человека вскоре скончались[3]. Сам Гапон едва не погиб – его спас шедший рядом с ним Рутенберг.

Разыскиваемый полицией Гапон изменил внешность и перешел на нелегальное положение. В своих посланиях к рабочим и солдатам он проклял царя и правительство, призвав рабочих к вооруженному восстанию. При помощи эсеров Гапон с фальшивым паспортом скрылся за границу, в конце января 1905 г. он уже был в Женеве. Правительство тем временем закрыло все отделы гапоновского «Собрания». Петербургские события эхом отозвались не только в России (забастовки, митинги, беспорядки), но и по всему миру. Гапон становится популярной фигурой в мире. Его слава за границей растет. Эмигрантские революционные круги (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, лидеры партии социалистов-революционеров) ищут сближения с ним. Революционные партии хотят видеть его в своих рядах. Он же, опьяненный политическим успехом, никак не может определиться в смысле партийной принадлежности.

Сначала он объявляет себя социал-демократом с легкой руки Плеханова, потом становится эсером. По просьбе Ленина Гапон встречается с лидером

большевиков. И, как вспоминала Н.К. Крупская, «Гапон был живым куском нараставшей в России революции, и Ильич волновался этой встречей»[4]. Гапон же, плохо относящийся к интеллигенции, пытается поставить себя выше различных партийных интересов. Он активно участвует в организации конференции по объединению всех социалистов, которая состоялась в Женеве с 20 марта по 2 апреля. На конференции преобладали в основном социалисты-революционеры. Быстро разобравшись в этом, лидер большевиков Ленин покинул ее, да и сам Гапон, видя, что его идеи (целостность Российской империи, нежелание передачи земли крестьянам) не находят поддержки, сложил с себя полномочия председателя конференции.

Необходимо пояснить, что в объединении социалистических партий, могущих выступить единым фронтом против правительства, была крайне заинтересована Япония, находившаяся с Россией в состоянии войны и, естественно, желавшая ослабления России любым способом. Японская разведка в России ассигновала на это «объединение» 100 тыс. иен. Деньги получали руководители партии социалистов-революционеров, Финляндской партии активного сопротивления и Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Беспартийный Гапон (он стал формально эсером лишь после конференции), но крайне популярный в массах священник служил лишь ширмой для объединения с помощью японских денег. Также его использовали и при закупке оружия за границей на вооруженное восстание на японские деньги. Мероприятие с доставкой этого оружия на пароходе «Джон Крафтон» закончилось неудачей – пароход сел на мель, и большая часть оружия была захвачена полицией.

После манифеста об амнистии в октябре 1905 г. Гапон политически достаточно неожиданно правеет – он категорически против вооруженного восстания, критикует деятельность революционных партий. С такими настроениями он возвращается в Российскую империю, правда, сначала в Финляндию. Правительству С.Ю. Витте и полиции выгодно перетянуть на свою сторону такую крупную фигуру революции, как Гапон. В Петербурге возобновляют свою деятельность отделы гапоновского «Собрания». С Гапоном пожелал встретиться вице-директор Департамента полиции П.И. Рачковский, профессионал политического сыска. Гапон начинает вести рискованную двойную игру, лавируя между товарищами по партии – эсерами и тайной полицией. Рачковский требовал от Гапона выдачи планов Боевой организации эсеров и, в частности, выдачи Рутенберга, которому Гапон непременно сообщал о содержании своих встреч с Рачковским.

Эсеры же задумали, используя связь Гапона с полицией, одновременно убить и П.И. Рачковского, и начальника Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова. Рутенберг сделал вид, что он согласен сотрудничать с полицией за 25 тыс. рублей за каждое дело, как предлагал Рачковский. Но хитрый и

осторожный Рачковский не дал себя убить. Тогда эсеры решают убить за «измену» Гапона. Для этой цели сняли дачу в Озерках под Петербургом, где состоялся последний разговор Гапона с Рутенбергом. Кроме Рутенберга, для убийства была приглашена группа «рабочих» эсеров, из которых известен в настоящее время лишь интеллигент А.А. Дикгоф-Деренталь, имена остальных остались неизвестны. Гапона задушили и повесили на железном крюке. Считается, что основную роковую роль в предательском убийстве Гапона сыграл пресловутый Е. Азеф.

Убийство Гапона было обычной эсеровской расправой, но не за преступление, а всего лишь за намерение к таковому, и относится к типичному эпизоду в серии революционных убийств, когда партия решает, кому жить, а кому не жить, когда исполнители убийства уверены, что им все позволено. Якобинец П. Верньо, осужденный на казнь, сказал: «Революция, подобно Сатурну, пожирает своих собственных детей»[5]. Гапон был и дитя, и отец первой русской революции. И, безжалостно и хладнокровно убитый революционерами, он оказался жертвой той революции, которую сам развязал.

На Юге России революционные партии готовили всеобщее восстание, которое, по словам большевика Х. Раковского, «должно охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот. Овладев приморскими крепостями, русская революция приобрела бы неприступную базу для дальнейших завоеваний. Бомбардируя побережье, организуя высадку войск, она могла бы поднять весь Юг, а отсюда распространиться на остальную часть обширного государства. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров»[6]. Если бы этот дьявольский план осуществился, то выстрелами мощной корабельной артиллерии было бы разрушено много южных городов и погибла бы масса людей.

К счастью, этот план помешал осуществить броненосец «Князь Потемкин Таврический», на котором 12 июня 1905 г. неожиданно произошел матросский бунт. Один из самых боеспособных и мощных кораблей российского флота броненосец «Потемкин» никак не намечался в авангарде в плане всеобщего восстания. Наоборот, его команда считалась реакционной и политически отсталой, и учитывалась вероятность того, что «Потемкин» повернет пушки против восставших. Бунт на броненосце возник спонтанно и оказался сюрпризом для небольшой группы социал-демократов под руководством Г.Н. Вакуленчука, нелегально функционировавшей на судне.

Корабль вышел из Севастополя на учения в Тендеровский залив недалеко от Одессы. Погода была жаркая. В мешках на палубе было развешено мясо, купленное в Одессе. Среди команды распространился слух, что мясо кишит червями. Команда отказалась есть борщ с этим мясом. Офицеры во главе с капитаном пытались навести порядок, но вышедшие из повиновения матросы

под руководством квартирмейстера А.М. Матюшенко оказали вооруженное сопротивление. В результате почти все офицеры броненосца были перебиты, но в перестрелке был убит Вакуленчук.

Восставший корабль двинулся в Одессу, где происходили забастовки и беспорядки. Судовая комиссия под руководством Матюшенко, партийная ориентация которого была неопределенна, разграбила корабельную кассу и офицерское имущество. В Одессе тело Вакуленчука было помещено на набережной под навесом – на груди покойного поместили воззвание команды в адрес одесситов. Прибытие «Потемкина» на рейд города и тело убитого революционного матроса на набережной еще больше взбудоражили Одессу. Там революция приобретает форму погромов, грабежей, сопровождаемых пьянством, что привело к грандиозному пожару в порту с многочисленными жертвами.

Но факт восстания на «Потемкине» не привел к восстанию Черноморского флота и перехода гарнизона на сторону потемкинцев – армия осталась верна правительству. И в случае высадки с броненосца десанта на берег, он был бы немедленно уничтожен войсками. Понимая это, потемкинцы символически бомбардировали Одессу – было сделано три холостых и два боевых выстрела, что являлось лишь показной демонстрацией силы. После подхода к Одессе эскадры кораблей, верных правительству, «Потемкин» отплыл 19 июня в Румынию, где, став на якорь в порту Констанца, пытался купить уголь и продовольствие. Румыны отказали в просьбе и предложили команде сдаться.

Но команда решила отплыть в Феодосию 20 июня, где путем угроз и насилия «Потемкин» получил уголь и продовольствие. Приобретя все типичные черты пиратского судна, броненосец вновь двинулся в Румынию. Команда утратила боевой революционный дух, полностью отсутствовала дисциплина, корабль был изрядно запущен, котлы не чищены. В Констанце команда сдалась румынским властям. Многое из корабельного имущества матросы унесли с собой и распродали на берегу. А то, что оставалось, разграбили румыны. Когда прибыла за «Потемкиным» русская эскадра, он представлял из себя ужасающее зрелище: трюмы залиты водой (румыны из-за неумения посадили корабль на мель), все, что можно было отодрать и унести, было унесено. Из команды броненосца 650 человек остались в Румынии, в Россию вернулись 117 человек.

С окончанием потемкинского бунта не закончилась революция на Черноморском флоте. В Севастополе после объявления царского манифеста в октябре 1905 г., гарантирующего гражданам России основные права и свободы, начались митинги и демонстрации, был создан Совет народных депутатов, куда входили представители революционно настроенных воинских частей и флотских экипажей, а также портовых рабочих. В Совет вошли представители партий меньшевиков и эсеров. Членом Совета стал лейтенант П.П. Шмидт, успевший сразу же приобрести популярность своими яркими выступлениями на митингах.

Командование Черноморского флота в лице адмирала Г.П. Чухнина не могло одобрить участие морского офицера в политической деятельности. 21 октября его арестовывают и содержат на эскадренном броненосце «Три святителя». Шмидт был уверен, что он осужден за политическое преступление, но 3 ноября его освободили. Оказалось, что основное обвинение касалось не политической деятельности, а состояло в том, что Шмидт до всех этих событий потерял казенные деньги, но когда нужная сумма была им уплачена, лейтенанта освободили. Адмирал Чухнин послал телеграмму военному министру А.А. Бирилеву: «Мною наложено дисциплинарное взыскание лишь за небрежное хранение казенных денег»[7]. Но так как Шмидт продолжал выступать на митингах, нарушая воинскую дисциплину, то Чухнин все-таки уволил лейтенанта со службы 11 ноября. Этот день считается началом Севастопольского восстания.

Восстание началось на берегу и на морских военных судах. Началось достаточно стихийно. На берегу собирались матросы и солдаты, обсуждая на собраниях свое тяжелое положение. На крейсере «Очаков» некоторые низшие чины выказывали признаки неповиновения. Как это ни парадоксально, в авангарде севастопольских событий оказался вновь хорошо известный броненосец «Князь Потемкин Таврический», носивший теперь имя «Святой Пантелеймон». Но по приказу командующего флотом Чухнина с корабля увезли ударники от боевых орудий, превратив тем самым броненосец в плавучий железный ящик.

Основной центр восстания сосредоточился на крейсере «Очаков», куда 14 ноября прибыл отставной лейтенант Шмидт, призванный Советом для руководства восстанием. К «Очакову» примкнули и несколько других мелких военных судов. 15 ноября Шмидт без согласования с Советом послал Николаю II телеграмму: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и прекращает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом Шмидт. Севастополь»[8].

Верные правительству войска и корабли подвергли «Очаков» и другие мятежные суда жесточайшему обстрелу. Многочисленные жертвы восстания так и не были точно подсчитаны. Сам Шмидт пытался в числе первых скрыться с горящего «Очакова», но был задержан и предан суду вместе с другими руководителями восстания. Еще на стадии следствия встал вопрос о психической вменяемости Шмидта, что могло бы спасти лейтенанта от казни. Но он отказался от роли психически больного человека. Он писал из тюрьмы: «Если только кто-нибудь из вас будет говорить или писать, что я больной, то я отвечу таким вызывающим поведением на суде, что вы пожалеете сами»[9]. Шмидт и трое других руководителей восстания (Н. Антоненко, А. Гладков и С. Частник), приговоренные к смертной казни, были расстреляны и захоронены на острове Березань в Черном море.

Первая русская революция породила оппозиционные царскому режиму объединения, известные в исторической литературе под устоявшимся термином «Советы». В конце 1917 г. советы получили всю полноту власти в России, да сама власть стала называться «советской», хотя фактически при диктатуре коммунистической партии эти же самые советы, с которых начиналась советская власть, оказались совершенно безвластными и служили лишь ширмой для прикрытия власти тоталитарного коммунистического режима.

Самый значительный по роли, сыгранной в первой революции, «Совет» образовался в Петербурге 14 октября 1905 г. Названный первоначально «комитетом», он был призван руководить стачечной борьбой рабочих, но в дальнейшем быстро перерос эту задачу и образовал при существующем правительстве «вторую власть», создав прецедент двоевластия. На первом заседании Совета председательствовал одесский мещанин М.С. Зборовский.

Уже со второго заседания Совета председателем становится довольно случайный для революции человек присяжный поверенный Георгий Степанович Хрусталев-Носарь. Деятель большевизма Г. Зиновьев в своей «Истории первой русской революции» отметил по этому поводу: «9 января и дальнейшие события выдвинули, как известно, несколько случайных беспартийных фигур. Это факт вполне понятный, и объясняется он тем, что партия (имеются в виду, конечно, большевики. – Авт.) была тогда в подполье и не могла связаться как следует с поднимавшейся рабочей массой. Среди этих случайных фигур были Гапон, Хрусталев и лейтенант Шмидт, – люди, сильно отличавшиеся друг от друга, но все трое совершенно новые для революции»[10].

Премьер-министр российского правительства граф С.Ю. Витте, рассматривающий революцию как глубокий внутренний процесс, схожий с болезнью, характеризовал Петербургский совет как «прыщ», образовавшийся в результате болезни. Деятельность Совета мешала правительству и была опасна для существования всей империи, но из-за неуверенности в своих собственных силах правительство арестовало Хрусталева-Носаря лишь 26 ноября. После ареста Носаря ведущую роль в руководстве Совета играл Л. Троцкий, а после ареста последнего Советом, уже в подполье, пытался руководить А.Л. Парвус (Гельфанд). Надо отметить, что лидер большевизма В.И. Ленин, вопреки утверждениям советских историков, не играл никакой роли в деятельности петербургского совета и даже там не появлялся.

В Москве также был создан под влиянием Петербурга Совет, где руководящую роль играли меньшевики. Руководил им студент И. Круглов (подлинная фамилия А.С. Орлов), меньшевик из Московского союза печатников. Деятельность этого Совета не оставила такого яркого следа в истории, как деятельность Совета в Петербурге. Но он имел прямое отношение к декабрьскому вооруженному восстанию 1905 г. в Москве. Никакого плана этого восстания не существо-

вало, но намерения к этому были. «Известия Московского совета рабочих депутатов» в № 1 от 1 декабря напечатали резолюцию о забастовке и о переводе ее в вооруженное восстание. Как это сделать, никто толком не знал. Забастовка, однако, началась. Днем собрались представители РСДРП и партии социалистов-революционеров, так называемый федеративный комитет, чтобы обсудить вопрос о восстании. Вечером того же дня они были арестованы. Восстание началось без партийного руководства. Группы революционных боевиков грабили оружейные магазины, убивая зачастую плохо вооруженных полицейских и городовых. Москва покрылась баррикадами. Бороться с восстанием выпало на долю генерал-губернатору Москвы Ф.В. Дубасову, проявившему твердость и жестокость в подавлении восстания.

Партизанская война шла по всей Москве – гибли не только солдаты и казаки, городовые, полицейские, ночные сторожа и даже дворники, но в большей степени мирные обыватели. Войска применяли артиллерию, безжалостно обстреливая дома, откуда вели огонь засевшие там боевики. К 14 декабря Дубасову удалось навести порядок в центре Москвы, где были разобраны баррикады и почти прекратилась стрельба. В эти дни сопротивление переместилось в район Пресни, который считался политически отсталым. Восстанием там руководили эсеры.

Сопротивление Пресни правительственным войскам в исторической литературе сделало этот район знаменитым. Возглавил борьбу на Пресне большевик Зиновий Яковлевич Литвин-Седой, присланный туда Московским комитетом РСДРП. Был создан штаб восстания, куда входили большевики, меньшевики и эсеры. Вооружение боевиков было неплохое. Оружием революционеры запаслись заранее. Особенно хорошо была вооружена дружина с мебельной фабрики Н.П. Шмита. Фабрикант вооружил боевиков на свои средства. У пресненского правительства существовали свои разведывательные органы, революционный трибунал. Были даже «политическое розыскное управление» и группа, ведающая обысками, арестами и расстрелами.

Однако боевики Пресни не могли противостоять регулярным войскам, использующим для очистки этого района артиллерию. Литвин-Седой в ночь на 17 декабря отдал приказ разобрать баррикады и разойтись. Как штаб обороны Пресни во главе с Литвиным-Седым, так и большинство боевиков благополучно скрылись с поля боя. Тех, кого поймали, наскоро судили и расстреляли здесь же на Пресне. Некоторых рабочих подвергли порке. Результаты декабрьского вооруженного восстания таковы: всего погибли 174 человека и 885 были ранены. Боевиков погибли 12 человек[11]. Эти цифры показывают, что в основном гибли мирные жители. Кроме этого, погибли в общей сложности солдат, жандармов и полицейских около 40 человек.

Когда в конце августа 1905 г. в Портсмуте (Североамериканские Соединенные Штаты) был подписан мирный договор о прекращении военных дей-

ствий между Россией и Японией, левые партии остались очень недовольны миром – им нужна была война до конца, до полного истощения России. И они направили свою агитацию на Восток, где скопилась огромная армия (до 1,5 млн. солдат, матросов и офицеров), которую даже в спокойной, не в революционной обстановке трудно было бы переправить в центр России. Во многих городах скопились солдаты и матросы, прошедшие фронт и по одной этой причине склонные к насилию. В октябре 1905 г. вспыхнул бунт во Владивостоке. Солдаты и матросы грабили и разрушали все, что попадалось им на пути. Пьяные погромщики убивали офицеров и обывателей, поджигали здания, насиловали женщин и детей.

Тогда как в Центральной России наступило некоторое затишье, с Дальнего Востока и Сибири нахлынули вновь волны революции. На пути эшелонов с войсками их встречали агитаторы, призывающие присоединиться к революции, забастовки железнодорожников мешали продвижению поездов с запасными, возвращавшимися из действующей армии. По пути движения войск создавались различные революционные республики, например, Читинская и Красноярская. Для подавления мятежей правительство послало два карательных отряда под руководством генералов А.Н. Меллера-Закомельского и П.К. Ренненкампфа. В своем докладе царю Меллер-Закомельский писал о поведении в пути военнослужащих, уволенных в запас, отправка которых домой носила неорганизованный характер: им сразу отдали все деньги, которые они пропили в начале отправки и «продолжали путь совершенно озверевшие и потерявшие не только воинский, но и человеческий вид от беспробудного пьянства»[12].

Меллер-Закомельский и Ренненкампф беспощадно подавляли всякие вспышки насилия и неповиновения правительству, но революция переместилась с Востока на Запад и в центр России. Почти одновременно в июле 1906 г. вспыхнули два восстания: в Свеаборге и Кронштадте. Начало восстаний связано с роспуском 8 июля 1906 г. Первой государственной думы, чрезвычайно популярного учреждения в стране абсолютной монархии. Большинство депутатов, не согласившись с роспуском Думы и собравшись в Выборге, выпустили воззвание, содержащее призыв к борьбе с правительством.

Первым отозвалась на призыв депутатов крепость Свеаборг, состоящая из тринадцати укрепленных островов (фортов), полукругом защищающих столицу Финляндии Гельсингфорс (Хельсинки). Руководил восстанием (17–20 июля) артиллерийский штабс-капитан С.А. Цион, уроженец Финляндии. Он пользовался большой популярностью среди солдат крепости. Практическую часть восстания в фортах осуществляли молодые артиллерийские офицеры – подпоручики А.П. Емельянов и Е.Л. Коханский. Хотя у восставших было бесспорное преимущество в артиллерии и живой силе, оно было жестоко подавлено верными правительству силами в армии и на кораблях. Емельянов и Коханский по

приговору военного суда были казнены. Цион скрылся. Уже после подавления бунта в Свеаборге восстал Кронштадт – с 19 на 20 июля. Там бунт был быстро подавлен. Хотя оба восстания не имели четкого партийного руководства, но все-таки в среде восставших преобладало эсеровское влияние.

Смута революции обострила и до этого непростые национальные отношения в России, что привело к погромам на национальной почве. В феврале 1905 г. в Баку при попустительстве местных властей началось избиение армян «татарами» (этот собирательный термин объединял в себе для того времени теперешних азербайджанцев, лезгин, черкесов, персов и другие национальности, исповедующие ислам). Погромы, переместившиеся из Баку в другие регионы Закавказья, длились в течение целого года, то затихая, то разгораясь с новой силой. Сопровождаясь невероятными жестокостями и грабежом, погромы нанесли огромный материальный ущерб всему Закавказью. Считается, что за этот год погибло около 10 тыс. человек и, конечно, не только одной армянской национальности[13].

Неотъемлемая часть первой русской революции – кровавые еврейские погромы. Особенно зверскую форму они приобрели после Манифеста в октябре 1905 г. Самые заметные погромы по числу жертв и материальных разрушений прокатились в Киеве и Одессе. Традиционно считается, что власти на местах не только попустительствовали еврейским погромам, но часто сами их организовывали. На самом же деле администрация на местах была просто ошарашена манифестом, провозгласившим основные права и свободы для граждан России, и не могла сразу же организовать подавление погромов и грабежей. Частью эти погромы происходили стихийно, когда любители пограбить и другие отбросы общества, почувствовав слабость власти и желание последней обвинить во всех неурядицах евреев, грабили дома и магазины евреев, убивая их владельцев. Полностью антиеврейские погромы затихли лишь в середине 1906 г. Большинство погромщиков было арестовано и осуждено. Суммируя жертвы октябрьских погромов, можно отметить, что погибло 1622 человека и ранено 3544 человека. Среди них: убитых евреев – 711, раненых – 1207. Остальные жертвы относятся к людям других национальностей[14].

В годы революции погромы приобрели самые различные формы: монархически настроенная полиция и обыватели избивали студентов, учащихся и интеллигенцию, считая их основными виновниками в создании революционной смуты. Но, надо отметить, что учащиеся и гимназисты также, не оставаясь в долгу, громили гимназии и другие учебные заведения, поднимали всюду красные флаги и даже стреляли в полицию. Погромам со стороны обывателей подвергались административные учреждения (тюрьмы, органы самоуправления, медицинские учреждения и пр.). Было много погромов ничем не мотивированных, просто на почве хулиганства и предвкушаемого мародерства. И почему-то особенно яростно громили дома терпимости.

Вся первая русская революция проходила на фоне аграрных погромов. Они были особенно разрушительны. Крестьяне считали, что царский манифест обделил их, и они должны взять то, что им принадлежит по закону, силой. Громились, грабились и поджигались усадьбы помещиков и крупных землевладельцев, сжигались дворянские замки. Все это нередко сопровождалось варварским уничтожением культурных ценностей (библиотек, произведений скульптуры и живописи), накопленных многими поколениями. Погромы и грабежи сопровождались многочисленными жертвами. До сих пор не подсчитано, во что обошлась стране эта аграрная революция. По самым скромным оценкам только за один 1905 год было разгромлено до 2 тыс. усадеб.

Годы революции 1905–1907 гг. – это годы невиданного по масштабам в истории человечества революционного терроризма. Это годы массовых террористических убийств, мотивированных как политическими, так и псевдополитическими целями. К террору причастны все политические партии этого периода. Из наиболее крупных террористических актов можно назвать убийство 2 февраля 1905 г. в Москве эсеровским боевиком И.П. Каляевым великого князя Сергея Александровича. В этом же году 28 июня убит московский градоначальник граф П.П. Шувалов. Убийство совершил эсер П.А. Куликовский. 7 августа 1905 г. в Ростове-на-Дону боевики РСДРП зверски убили начальника Ростовского отделения Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог подполковника И.В. Иванова. 22 ноября в Саратове эсерка А.А. Биценко в упор застрелила генерала В.В. Сахарова.

Одно из самых громких убийств 1906 г. – это убийство 16 января советника Тамбовского губернского правления Г.Н. Луженовского на станции Борисоглебск. Советника застрелила в упор эсерка М.А. Спиридонова. Дело приобрело широчайшую известность после того, как Спиридонова после ареста подверглась истязаниям со стороны помощника пристава Борисоглебска Т.С. Жданова и казачьего офицера П.Ф. Аврамова. Материал об этих истязаниях Спиридонова сама передала в российские газеты.

В этот же день в центре Тифлиса грузинский меньшевик А.П. Джорджияшвили (Джиошвили) бросил бомбу в коляску начальника Закавказского генерального штаба Ф.Ф. Грязнова. Генерал от сильных ранений погиб на месте. 25 марта эсер В.В. Чекальдин бросил бомбу в экипаж тверского губернатора П.А. Слепцова. Губернатор был разорван на куски. 1 июля в Петергофе был застрелен эсерами генерал-майор С.В. Козлов. Его убили, приняв за петербургского градоначальника Д.Ф. Трепова. 7 августа эсеры-максималисты совершили взрыв на служебной даче премьера Столыпина. Столыпин не пострадал, но погибло 30 человек, в том числе посетители, среди них дети, старики и одна беременная женщина. 21 декабря эсеры убили петербургского градоначальника

В.Ф. фон-дер-Лауница, когда он присутствовал на открытии клиники накожных болезней.

25 января 1907 г. в театре отравленными пулями из револьвера убит пензенский губернатор Н.В. Александровский. Убийцей оказался некий Гитерман. 18 мая был убит пензенский архимандрит о. Николай Орлов. Убийца скрылся.

Очень часто убийства сопровождались банальными грабежами или, на языке того времени, экспроприациями. К грабежам причастны также все революционные партии. Партии «кормились» за счет благотворительности, вымогательства, мошенничества, но основные деньги шли от грабежей. Грабились банки, почтовые вагоны, пароходы, различные лавочки и магазины и просто частные лица. С тем, кто пытался им помешать, грабители не церемонились, безжалостно их убивая.

Многочисленные жертвы терроризма и грабежей точно не подсчитаны до сих пор. В основном гибли плохо вооруженные городовые, полицейские и сторожа. В источниках о количестве жертв можно встретить разные цифры. По некоторым сведениям, только правительственных служащих погибло до 5 тыс. человек[15].

Очень важный и трудно поддающийся исследованию вопрос – об участии иностранных денег в финансировании русской революции. Это были не только деньги японцев; очень значительные суммы собирались в разных странах (Германии, Англии, Америке и др.) на закупку оружия для революционных боевиков. «Японские иены, финские марки, австрийские кроны, английские стерлинги: какие из этих монет не звучали в ваших карманах, когда вы продавали родину»[16], – так писал наш знаменитый соотечественник В.В. Розанов социалисту А. Пешехонову в 1910 г.

Первый удар по революционному хаосу, терроризму и грабежам нанес премьер-министр России П.А. Столыпин. 19 августа 1906 г. Николай II по его представлению подписал указ о военно-полевых судах. Все дела, связанные с террористическими актами, разбоем, нападениями на полицию и т.п., рассматривались в течение 24 часов с момента совершения преступления при закрытых дверях без адвокатов. Приговоры судов не подлежали обжалованию и приводились в исполнение также в течение 24 часов. Закон о военно-полевых судах был принят в тот момент, когда Первая дума была разогнана, а Вторая дума еще не была избрана. Приговоры судов с широким применением смертной казни значительно снизили революционный накал в стране. Со второй половины 1906 г. революция пошла на убыль.

Окончательный удар по революции Столыпин нанес 3 июня 1907 г., распустив Вторую государственную думу, совершив так называемый третьеиюньский переворот. Поводом для роспуска неугодной правительству Думы стала заговорщическая деятельность военной организации РСДРП. В Думе заседала вполне

легальная фракция РСДРП. Что касается военной организации РСДРП, она действовала нелегально, подчиняясь ЦК партии, как и фракция в Думе.

В военной организации при участии некоторых депутатов было составлено обращение (наказ) к думским социал-демократам от имени представителей военных. Наказ содержал явные призывы к восстанию и переходу армии на сторону народа. Полиции через партийных провокаторов Е. Шорникову и Б. Бродского было известно все об этом наказе и даже имелась его копия. Воспользовавшись несомненным фактом связи социал-демократических депутатов с заговорщиками, Столыпин через судебные органы потребовал у Думы лишить 55 социал-демократических депутатов депутатских полномочий и немедленного ареста 16 из них. Дума отказалась выполнить это требование и была распущена.

Утром 3 июня, когда депутаты явились к зданию Таврического дворца, то наткнулись на закрытые ворота, на которых был вывешен текст высочайшего указа о роспуске Думы. Депутаты почему-то думали, что народ за них заступится, не даст их в обиду перед правительством. «А город молчал! Спокойным, обычным путем, – вспоминает депутат В.Е. Мандельберг, – шла его жизнь, точно ничего особенного не случилось, точно не совершено грубое насилие над народным представительством, над всем народом...»[17]. День роспуска Думы считается днем окончания первой русской революции.

Дело о думском заговоре фракции социал-демократов, куда были включены и члены Военной организации, рассматривалось в Особом присутствии Сената с 22 ноября по 1 декабря 1907 г. Всего перед судом предстали 49 человек. К каторжным работам были приговорены 26 человек, к ссылке на поселение – 12 человек и 11 обвиняемых были оправданы. Далеко не все участники этого заговора попали под суд, многие скрылись. Из 55 депутатов, обвиненных в заговоре, перед судом предстали лишь 37 человек.

Какие основные выводы можно сделать, исследуя события 1905–1907 гг.? Во-первых, несомненная кровопролитность и жестокость этой революции, имеющей все признаки гражданской войны (выступления некоторой части армии и партизанская борьба отрядов вооруженных боевиков и террористов против правительства), отрицательный опыт которой после 1917 г. был использован как красными, так и белыми в годы Гражданской войны. Во-вторых, дестабилизация жизни (забастовки, бойкоты, митинги, демонстрации и пр.) и прямые материальные разрушения, особенно аграрные погромы, несомненно отбросили назад экономику страны. В-третьих, в стране традиционной абсолютной монархии была предпринята попытка создать конституционную монархию – учреждение Государственной думы. В-четвертых, революция породила органы народного самоуправления – Советы, сыгравшие, правда, при советской власти довольно одиозную роль. В-пятых, первая русская революция, безусловно, проложила

(прорубила) дорогу последующим русским революциям, приведшим страну к страшным последствиям.

Известный германский социал-демократ А. Бебель, посвятивший этой русской революции специальную брошюру, не без восторга писал: «Возможно, что солнце свободы на этот раз взойдет на Востоке, и Запад станет страной не дающей, а приемлющей дары...»[18] К этому можно добавить только то, что Запад был вынужден позднее долгое время принимать «дары свободы» с Востока, из России. И что солнце, как всегда, взошло на Востоке, но в России это было солнце не живых, это было «солнце мертвых».

Литература

1. Гапон Г. История моей жизни. – М., 1990. – С. 21.

2. Лопухин А.А. Доклад министру внутренних дел о событиях 9 января // 1905 год. – Харьков, 1925. – Вып. 1. – С. 106.

3. Там же. – С. 106.

4. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине //Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – М., 1968. – Т. 1. – С. 291.

5. Карлейль Т. Французская революция. – М., 1991. – С. 479.

6. Цит. по: Березовский А.П. (Кирилл). Одиннадцать дней в Одессе. – СПб., 1906. – С. 7.

7. Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. – М., 1955. – Ч. 1. – С. 850.

8. Цит. по: Платонов А.П. Восстание в Черноморском флоте в 1905 году в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе. – Л., 1925. – С. 237.

9. Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. – М., 1957. – С. 505.

10. Зиновьев Г. История первой русской революции. – Гомель, 1925. – С. 64.

11. На баррикадах Москвы. – М., 1975. – С. 336.

12. Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг.: Документы и материалы. – М.; Л., 1932. – С. 188.

13. Уратадзе Г.Воспоминания грузинского социал-демократа. – Stanford, 1968. – С. 130.

14. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). – М., 1992. – С. 56–57.

15. Кожинов В. Загадочные страницы истории XX века. – М., 1995. – С. 71.

16. Контекст 1978. – М., 1978. – С. 324.

17. Тернии без роз. – Женева, 1908. – С. 29.

18. Бебель А. О русской революции. – М., 1906. – С. 10.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

И.Я.Левяш

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИСКУРС ДОСТОЕВСКИЙ - НИЦШЕ

Левяш Илья Яковлевич – доктор философских наук, профессор Белорусского государственного педагогического университета.

«...сторож! сколько ночи?... Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь»
(Исайя 21: 11)

Пока не бесспорно, что «закат Европы» необратимо позади, но очевидно, что основное содержание начала XXI столетия уже неотделимо от тенденции к возрождению исторической **субъектности** Европы. В свою очередь, ее перспектива обусловлена судьбоносным выбором в дилемме: ***расширение*** или ***единение*** Европы? Первая модель – по преимуществу ***культуртрегерская*** – как последнее издание вестернизации Европы. Эта модель обречена на вторичность и, в конечном счете, срыв панъевропейского проекта. Иное дело – концептуальная и практическая самоидентификация Европы на основе обновления ее ***культуротворческой*** *«европейскости»* (см.: 24, с. 341).

В реализации такой перспективы – вероятность кардинального переворота, неразрывно связанного с поиском смысловых опор Европы, увы, в далеко не прекрасном, но уже – в глобальном мире. Однако идея Большой Европы, или «европейская мечта», малопродуктивна до тех пор, пока она не обретет «лица необщее выраженье» в «великом возвращении» творящих ее мудрецов, героев и мучеников. Большая Европа, как культуротворческий проект, остро нуждается в ценностно-смысловых вершинах. Инновационный характер и беспрецедентный масштаб этой проблематики императивно взыскуют ***гения***, его мировоззренческой глубины и ментального простора. По аналогии со становлением христианского «ни еллина, ни иудея» в окраинной провинции Римской империи, гений адекватен «славянской безмерности и безгранности» (1, с. 149). На вершинах единого культурного мира – Федор Достоевский и Фридрих Ницше. Общепризнана уникальная высота их дискурса. По Бердяеву, «...имя Достоевского должно быть поставлено рядом с именем Ницше... Достоевский... знал не меньше, чем знал Ницше, но он знал и то, что Ницше не знал...» (2, Т. 2, с. 41).

Однако «несть пророка в своем отечестве»: более столетия Россия жила вопреки пророчествам русского Екклесиаста, а в нацистской Германии его книги были преданы огню. Напротив, в 1934 г. Гитлер посетил «Архив Ницше»: «реконструированный» нацизмом, Ницше оказался в фаворе. Это во многом объясняет жестокий жребий, который выпал на долю его наследия в Европе. «Карантин ницшевской философии – плачевнейший факт европейской культуры – частично длится по сей день...» (20, с. 39).

Но проблема не сводится к табу: «Нельзя допускать до Ницше». Предельная сложность мировидения Достоевского и Ницше, беспощадное обнажение ими «последних оснований» человека провоцируют в современной Европе (включая и Россию) охранительный страх конформистского сознания к их творчеству как «четвертому искушению Христа». О них можно сказать: «Nur für Schwindelfreie» (нем. «Только для не боящихся головокружения»). Тем больше резона согласиться с Н. Бердяевым: «Нельзя не допускать до Ницше, – нужно пережить и преодолеть Ницше изнутри» (2, Т. 1, с. 300).

Основная задача этой статьи более скромная – «одолеть», освоить дискурс Достоевский-Ницше, как ***метаповествование*** прежде всего европейской проблематики. Это по-своему необъятный космос. Его постижение предполагает метод «бритвы Оккама»[1], и он позволяет вычленить структурную триаду: славянский гений как культурный предтеча единения Европы; страсти по наследию Европы; от «всечеловека» – к «русскому европейцу»; от «сверхчеловека» к «доброму европейцу».

I. Славянский гений - культурный предтеча единения Европы

«Бесконечная притягательная сила России...»
(Кафка. – 8, с. 545)

С позиций «текущего момента» название этого раздела может показаться и не к европейскому «двору», и не ко времени вступления в ЕС группы государств славянского ареала и ожидания другой его группы «у парадного подъезда» Брюсселя. В принципе провидя такую возможность, Достоевский предупреждал, что в кризисные времена «все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими форма-

1. Английский философ XIV в. У. Оккам, прозванный Doctor invincibilis – Непобедимый, впервые сформулировал принцип «экономии мышления»: «Не следует умножать сущности без необходимости».

ми...» (9а, с. 95). Но в этом нет никакой славянской специфики: угроза утраты идентичности, «заражения» неорганичными «формами», ныне по-своему реальна для ЕС и России. Главное – не болезнь, а потенциал и творческая способность ее преодоления, и в этом смысле первостепенны думы Достоевского о славянской идее как «третьей мировой идее» (3, Т. 15, с. 409). В своей драматической эволюции она порождала бесплодные и преходящие плевелы «крови и почвы», но и плодоносно и непреходяще дышала «почвой и судьбой» (в духе М. Цветаевой русского гения «мавра» Пушкина). В таком ключе славянские корни биографий и творчества Достоевского и Ницше в равной мере как не самодостаточны, так и значимы, и от таких корней невозможно абстрагироваться. Тем более, что мыслители постоянно интерпретировали их в смысловом контексте.

Польско-белорусские истоки рода Ф.М. Достоевского известны. По происхождению он был из разорившейся белорусско-польской шляхты, которая оказалась между «двух смертельных ненавистей» – вначале в составе Речи Посполитой, а затем – Российской империи. Европа для Достоевских не была «заграницей». Это подтверждается пристальным вниманием Федора Михайловича к «польскому вопросу». Он был не только пробным камнем общеевропейской борьбы «за нашу и вашу свободу», но и личной болью мыслителя (см.: 9).

Однако зов предков у Достоевского и Ницше – тождествен по существу, но не одинаков по тональности. Если у первого он прослушивается скорее имплицитно, то у второго – настойчиво акцентирован. Характерно, что Ницше – этнический метис (отец – поляк, мать – немка) – не остается ментальным кентавром, а свободно избирает свои смысложизненные ориентации. Они отнюдь не a priori антинемецкие. Однако, как противник германской Империи и в этом смысле ***«антиполитический*** немец», Ницше – «чуждый в своих глубочайших инстинктах всему немецкому... По-немецки думать, по-немецки чувствовать – я могу все, но *это* свыше моих сил» (14, Т. 2, с. 335–336, 353, 363).

Такое раздвоение не оставляет места трафаретному имиджу мыслителя как «немецкого философа». «Немецкая душа, – пишет он, – прежде всего, многообразна, разнородного происхождения» (14, Т. 2, с. 279). Еще Гегель писал о Бранденбурге и Мекленбурге, населенных «германизированными славянами». «Пруссия с ее преимущественно славянским населением...еще век назад вообще не считалась немецким государством... На конгрессе в Вене Пруссия была зарегистрирована как «славянское королевство» (14, Т. 2, с. 62).

Является ли Ницше славянизированным немцем или германизированным славянином – похоже, не вопрос «яйца и курицы». Его «...предки были польские дворяне (Ницки)... Когда я думаю о том, как часто обращаются ко мне...как к поляку, даже поляки, как редко меня принимают за немца, может показаться, что я был только ***пристегнут*** к немцам». Он видел преимущество в том, что его отец был польским шляхтичем и немецким аристократом. Ницше не нужно

напряжения, чтобы «вступить в мир высоких и тонких вещей... я там дома» (14, Т. 2, с. 336–337).

Этот мотив – высоты и утонченности наследия – заслуживает внимания с позиций потенциала и престижа польской культуры в европейском контексте. «Недаром, – пишет Ницше, – поляков зовут французами среди славян». Хотя он и считал, что «у ***артиста*** в Европе нет отечества, кроме Парижа», но подчеркивал, что «...сам все еще достаточно поляк, чтобы за Шопена отдать всю остальную музыку» (14, Т. 2, с. 355, 716). Бердяев также отмечал, что «Ницше не от германского духа, в нем много славянского...» (2, Т. 1, с. 304–305). Сам Ницше полагает «одаренность славян...более высокой, чем одаренность немцев», и он «...даже думал, что немцы вошли в ряд одаренных наций лишь благодаря сильной примеси славянской крови» (20, с. 42).

Во многом от многомерности Ницше – панъевропейский духовный горизонт Ницше и вместе с тем амбивалентное отношение к своим предкам – не только ***преемственность***, но и ***отрицание***. Уже его «...происхождение позволяет ...проникать взором по ту сторону всех обусловленных только местностью, только национальностью перспектив». Его идентичность – ***всеевропейская***, и ему «не стоит никакого труда быть "хорошим европейцем"» (14, Т. 2, с. 335). Иное дело – сама Европа, которая еще «в себе», не сознает своей культурной панъевропейской идентичности и отвергает своих пророков.

Символично, что в поисках смысла и ориентиров европейской перспективы Ницше обращается к России. В ракурсе нашего предмета особенно значимо веяние духа Достоевского в Германии. Ей принадлежит честь открытия Достоевского в Европе. Уже в год появления в печати его первого романа «Бедные люди» (1846) в газете «Sankt-Peterburgische Zeitung» появилась большая статья, в которой подчеркнута «гениальность» автора. В 1865 г. на немецкий язык были переведены «Записки из Мертвого дома». Первые переводы «Братьев Карамазовых» появились в восьмидесятые годы – в начале в Германии (1884), а затем во Франции (1889). Немецкий русист А. Лютер в книге «Geschichte der russischen Literatur» (1924) писал, что никто «...не пользовался такой любовью, как Достоевский. Никто не умел с таким искусством находить божественную искру даже в самых заброшенных созданиях, не было такого красноречивого защитника униженных и оскорбленных. Именно здесь наиболее сильно и убедительно проявляется его дар ясновидения» (10, с. 143–144). Писатель воспринимается как провозвестник грядущего заката Европы. В книге Г. Гессе «Blick ins Chaos» (Bern, 1921) очерк о нем носит название «"Братья Карамазовы", или крушение Европы» (3, Т. 15, с. 514).

В свою очередь, «Происхождение трагедии» – первый труд, давший известность Ницше, был опубликован в 1872 г., «Заратустру» он заканчивает в 1883 г., «По ту сторону добра и зла» – в 1886 г. Его сестра Е. Фёрстер-Ницше пишет, что еще в 1883 г. он говорил, что намерен написать «главное теоретико-фило-

софское сочинение». И лишь в 1886 г. «перед братом с ясностью обрисовывается весь план будущего произведения» – «Воли к власти» (15, с. 344).

Заметная вторичность творческого хроноса Ницше в сравнении с Достоевским – в принципе еще не довод для констатации их смысловой преемственности. Однако Ницше – крайне скупой в признании своих предтеч – неожиданно и благодарно щедр на высочайшую оценку идейного воздействия интеллектуальной жизни в России. Уже в начале 70-х годов он «познакомился с большим кругом интересных людей..., в сущности, почти всем, что растет между Парижем и Петербургом» (20, с. 6). Похоже, Ницше задолго до нас понял, что в России литература – больше, чем литература, и через нее проникся уважением и симпатией к «мужикам родины» Достоевского и Толстого. «В своей практической жизни они более философы, они проявляют больше мужества в своем преодолении необходимости...» (15, с. 200).

Ницше видел «глубокий смысл» в том, что мужество русского человека – это «...не всегда есть только мужество к смерти, но и сохранение жизни при самых опасных для жизни обстоятельствах... преимущество в жизни сравнительно с нами, западными народами» (14, Т. 2, с. 66, 340). Для мыслителя «чувства русских нигилистов» кажутся «в большей степени склонными к величию, чем чувства английских утилитаристов». Праздным становится вопрос «что первично» – знакомая «европейская тоска» или готовность обменять «...все счастье Запада на русский лад быть печальным» (20, с. 42, 43).

Ницше жаждал сопричастности к ***такому*** народу. Достаточно прозрачна смысловая «прописка» его вызывающей реплики о Европе, которой «...придется открыть еще одну Сибирь, чтобы сослать туда виновника этой затеи с переоценкой всех ценностей» (20, с. 15). «Выдает» Ницше и постоянная у него тема «странника» (по Достоевскому, русский человек – «странник, хотя и в почтенном смысле») (см.: 16, с. 487). Но «поразительная параллель, которой суждено было дойти до самого конца, до... туринской катастрофы, где сумасшествие напало на «убийцу Бога» раскольниковским сном наяву. Выйдя из дому, он увидел старую, изнуренную клячу, засеченную до полусмерти кучером. Захлебываясь от слез, он бросился ей на помощь, обнял ее за шею и упал» (20, с. 17).

Наконец, открытым текстом: «Для задачи, стоящей перед нами, большое значение имеет свидетельство Достоевского – этого единственного психолога, ... от которого я многому научился...» (14, Т. 1, с. 408). Такое заявление «дорогого стоит», и оно в русле прочной европейской традиции. Известно высочайшее суждение З. Фрейда о русском Екклесиасте (22, с. 407). Для Ф. Кафки«бесконечная притягательная сила России» воплощена прежде всего в авторе, который создал неведомое ранее мироощущение, «особый метод мышления. Оно пронизано чувствами. Все, даже самое неопределенное, воспринимается как мысль (Достоевский)» (8, с. 495, 545). По оценке Ч. Милоша, русская литература по-

влияла на него «мировоззренчески», и «в особенности... Достоевский» (НГ. 12.07.2001). А. Вайда после постановки им «Бесов» в московском «Современнике» заметил: «Для нас, поляков, Достоевский – религиозный писатель... скорее западного мира».

В этом достойном ряду имя Ницше занимает особое место. Известна почти метафора: для перевода Мицкевича потребовался Пушкин. И нужен был Ницше, чтобы проникнуть в бездну космоса Достоевского. Ницше принадлежит честь глубинного постижения русского гения, как «своего другого». Их можно рассматривать не только как ***смысловых*** «близнецов», но и усматривать в Ницше пассионарную Еву XIX в., вышедшую из ребра Адама-Достоевского. Оба принадлежали к той редчайшей породе гениев, которым в равной мере доступно «...постижение сущности, проникновение в мудрость и *водительское служение...*» (5, с. 20). При всем различии интерпретаций русским Екклесиастом и новым Сократом человека в мире, их ***тождество*** – в выработке новой смыслообразующей формулы «культура – цивилизация – варваризация», как ключевого концепта прозрений апокалиптической трансформации Европы (см. подробнее: 12, с. 99–101).

II. Страсти по наследию Европы

«– Он придет, и имя ему человекобог. –
Богочеловек? – Человекобог, в этом разница»
(Достоевский. – 3, Т. 10, с. 189).

Эвристическая мощь и непреходящий смысл единой для Достоевского и Ницше триадичной формулы императивно выявились в современных страстях pro и contra манифестации ***христианского*** характера Большой Европы в ее Конституции. Это свидетельствует о неотвратимости решения **дилеммы**: является ли она лишь одним из нескольких динамичных суперрегионов мира, «гигантским супермаркетом» (Зидентроп) или уникальным наследником своих предтеч, и прежде всего – христианской цивилизации и культуры?

Содержание концепта **Европа** как целостного культурно-цивилизационного комплекса в трудах Достоевского предстает в динамике ее становления и эволюции, распада и обновления «связи времен». Ab ovo (лат. «от яйца») Европы – это ветхозаветная мудрость (см.: 3, Т. 13, с. 172–173; Т. 14, с. 265). Вместе с тем мыслитель отмечает, что европейский генотип многим обязан античному гению. «Тут запомнило свою колыбель европейское человечество... Чудный сон...» (3, Т. 13, с. 375). Этот «сон» обладает таким признаком достоверности, что медиатор писательского кредо заявляет, что он «скорее древний язычник, как великий Гете или как древний грек» (3, Т. 10, с. 33).

Что у Достоевского недвусмысленно, так это определение смысложизненных ориентиров путем апелляции именно к Древней Греции: «...у нас чуть не афинские вечера..., мечты всечеловеческого обновления, идея вечной красоты» (3, Т. 10, с. 25). Хорошо известно, почему эти искания проафинские, а не проримские. Достоевский был в оппозиции католической Церкви за политическое обмирщение Церкви, ее имперско-«римские» притязания (уже у Данте: «Христос в своем наместнике пленен»). С точки зрения мыслителя, католицизм – это «...просто римская армия для будущего всемирного земного царства» (3, Т. 14, с. 237). Миссионерский смысл католицизма сфокусирован в образе Великого Инквизитора. Такая оценка католической Церкви имела значительный резонанс в русской мысли.

Означает ли это апологию Достоевским православия и его противопоставление католичеству? Неявная христианско-экуменическая интенция Достоевского обнаруживается в том, что, в отличие от трансцендентного и доктринерского католичества и православия, Бог Достоевского – имманентный народный sacrum, «...синтетическая личность всего народа». «Искание бога» – это дух жизни, «реки воды живой» (3, Т. 10, с. 198). Именно поэтому Раскольников – не просто фамилия, а носитель и символ Великого раскола, который – по сути синхронно – потряс как католицизм в лютеранской революции, так и Россию во внутрицерковном Расколе (см. предметно: 11, с. 71–78; 12, с. 269–272). В таком ключе Карамазов подчеркивает, что он не в Бога не верует, а «мира его» не принимает. Отсюда и выразительное признание героини Достоевского: «Что? Священника? ... Не надо... Бог и без того должен простить» (3, Т. 6, с. 333).

Искомая Достоевским истина решения «мировых вопросов» *выше* ее конфессиональных ипостасей. Он подчеркивает, что «...полная свобода вероисповеданий и свобода совести есть дух настоящего христианства. Уверуй свободно – вот наша формула... Не сошел Господь с креста, чтоб *насильно* уверить внешним чудом, а хотел именно свободы совести. Вот дух народа и христианства!» (3, Т. 27, с. 80–81). Мир победит Инквизитора, и Европа становится ареной такого противостояния. «Теперь в Европе все поднялось одновременно, все мировые вопросы разом, а вместе с тем и все мировые противуречия» (3, Т. 15, с. 459).

Здесь необходимо предметное уточнение смысловой оптики и вектора суждений и оценок Достоевского (и далее – Ницше) о «мировых вопросах» и противоречиях. Они были пророками декаданса ***европейского*** Модерна как «неоконченного Проекта». Декаданс не сводим к своей словарной транслитерации (фр. decadence – упадок, разложение). Во многом это «...*ночное время*, когда "обнажается бездна", с ее "страхами и мглами", и когда отпадают преграды между нами и ею» (5, с. 196, 197). По сути ***декаданс*** – состояние на разломе эпох, деградация традиционных ценностей и смыслов, их системное несоответствие изменившейся социокультурной реальности и вместе с тем – глубокая и

плодотворная рефлексия смысла и роли ценностей субъектов культуры, поиск их альтернатив. И в этом смысле декаданс – всегда мост в будущее. «В кризисе культуры есть апокалипсическая устремленность. Она есть у Ницше и есть в высшей степени у Достоевского» (2, Т. 2, с. 148).

Достоевский исходил из того, что глубинный исток всех европейских противоречий – в тотальном кризисе царства Инквизитора как *образа жизни*, начиная от доктринерской формализации общественных отношений и институтов и заканчивая радикальным протестом против них. С точки зрения мыслителя, господствующее в Европе «условно-демократическое» устройство извращает подлинный смысл христианских ценностей и во имя формального римского права не останавливается перед тем, чтобы дискредитировать Христа. Секуляризация довела до того, что «в английском парламенте, в прошлом столетии, нарочно назначена была комиссия из юристов, чтобы рассмотреть весь процесс Христа перед первосвященником и Пилатом, ... единственно, чтобы узнать, как теперь это будет по нашим законам... и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговор» (3, Т. 13, с. 222).

Исток антихристианства – в процессе секуляризации, явном или завуалированном атеизме, который на место Богочеловека поставил человекобога с его принципом господства путем превращения «камней в хлебы». Если Христос взыскует истины, то Великий Инквизитор – пользы. Его цивилизация, пишет Достоевский, «решила наконец вопрос аршинами и меру благосостояния государства меряет числом, мерой и весом... Дикое определение, жалкое и ничтожное, тогда как единое на потребу – нравственные основания. С ними и аршины бы... явились, если их надо». «Нравственная сила прежде экономической» (3, Т. 11, с. 173, 193).

Предупреждая возможный упрек в приписывании Достоевскому идеализма, обратим внимание на его действительные приоритеты. Мыслитель писал, что «...чем более в обществе устроенных частных дел..., тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело» (3, Т. 6, с. 116). В этом смысле деньги есть «чеканенная свобода», символ самоутверждения личности. Почему же и обладающие собственностью люди «гибнут за металл», и чем объяснить, что людей «...такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели» (3, Т. 8, с. 137)? А тем, что «...деньги – это единственный путь, который приводит на *первое место* даже ничтожество... мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом... сознание силы!» (3, Т. 13, с. 74).

Ценностные приоритеты современной цивилизации во многом объясняют, почему и поныне «...самый главный князь – Ротшильд» (3, Т. 3, с. 238). В этом мире «никогда люди никакой наукою и никакой выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга» (3, Т. 14, с. 275).

Поэтому «без труда и без законной, нормальной собственности человек не может жить, развращается, обращается в зверя» (3, Т. 4, с. 16).

Здесь не только печально подтвержденный прогноз XX в и достоверно – начала XXI столетия, но и критический для Достоевского смысловой узел – перерождения цивилизации «Ротшильдов» в варваризацию, по-библейски – в ***бесовщину***, и он делит историю «...на две части: от гориллы до уничтожения бога и от уничтожения бога до... – До гориллы?» (3, Т. 10, с. 94).

В таком ключе Ницше – исторически и логически «честное зерцало» Достоевского. Самопознание Европы начинается с постижения ее культурно-цивилизационных оснований, как ветхозаветных, так и эллинских. Изначально жестко оппозиционный к Ветхому Завету, Ницше в своей «коренной переоценке ценностей», в конечном счете, пришел к заключению, которое по духу близко к оценке Достоевского: «Полное уважение Ветхому Завету! ... Ветхий Завет есть пробный камень по отношению к "великому" и "малому"» (14, Т. 2, с. 130, 197).

Не менее емкий и выразительный ракурс – отношение Ницше к античному наследию. Характерна его всесторонняя и бережная реконструкция, столь далекая от модной постмодернистской деконструкции «Автора» (по Ницше, «обращаются с римлянами запанибрата»). Такое пристальное внимание – свидетельство глубокого понимания роли античности в самопознании европейским духом исходного и существенного в его генокоде. По Ницше, в целом «...культурная цепь, которая соединяет нас теперь с просвещением греко-римской древности, осталась непорванной» (16, с. 449). Но, верный своей негативной оценке варваризации позднего Рима, он призывает «крепче держаться греков, наших лучезарных проводников» (16, с. 152).

В чем же непреходящая ценность древних греков как поводырей современной Европы? «Вот символ для каждого из нас: он должен организовывать в себе хаос путем продуманного возвращения к своим истинным потребностям» (16, с. 232). Но философ согласился бы с риторическим вопросом польского философа З. Кубяка в книге «Красота и горечь Европы»: «Кто может сегодня... сказать, что он любит Римскую империю?» (цит. по: 17, с. 69). Хотя Ницше был противником «панибратского» отношения к Риму, ему претит его культ volo, плебейское неуважение к наследию греческого гения (см.: 16, с. 560).

Беспамятство и высокомерие – кентавр «мирового города», имперского Космополиса, о котором по-разному грезили Цезарь, Аврелий Антонин и Цицерон. «Римлянин императорского периода, зная, что к его услугам целый мир, перестал быть римлянином и среди нахлынувшего на него потока чуждых ему элементов утратил способность быть самим собой и выродился под влиянием космополитического карнавала религий, нравов и искусств» (16, с. 187–188). Этот грех оказался для Рима смертным. Он заплатил за него девальвацией и «падением» своей культуры. Исчезла «почва», и судьба «вечного города» решена: римляне и варвары поменялись ролями.

В таком же ключе оценивает Ницше наследие Средневековья. Вселенские претензии католической Церкви (лат. catoli – повсюду) обернулись отпадением вначале православия, а затем и протестантизма. Лютеровский принцип «каждый сам себе священник» привел в движение маятник – от вселенских притязаний «наместников Христа» к самодостаточному индивидуализму. Уже Возрождение, пишет Ницше, показало, что «..."царство индивида"» может быть лишь краткосрочным» (15, с. 80). Индивидуализм привел к распаду культурной идентичности Respublica Christiana. Она не выдерживает вызова секулярного Модерна, и «этот город погибели... видится нам потрясенным до самих оснований... Мы, европейцы, присутствуем при зрелище чудовищного мира развалин...» (16, с. 680).

Вердикт Ницше, его «*общий приговор*... над *достигнутой* цивилизацией» основан на том, что «высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают... *От чего я предостерегаю?* От смешения... средств цивилизации *с культурой*» (15, с. 29, 97). Индустриальная цивилизация «человека-машины» подчинена утилитарной цели. Общество «...не стремится стать веком достигших законченности и зрелости, гармонически развитых личностей, а... испытывает удовлетворение, обладая надежным, готовым *орудием*». В итоге «наша цивилизация переходит в новое варварство» (16, с. 204, 632).

По Ницше, либеральная теория и практика – это антипод подлинной свободы, потому что «...всякого рода *деловые люди* и стяжатели, – словом, все, что должно давать в кредит и брать в кредит, *вынуждено* стоять за одинаковый характер и одинаковое основание ценности: мировая *торговля* и мировой *обмен* всякого рода завоевывают силой и, так сказать, *покупают* для себя добродетель» (15, с. 133–134). Понятно, что в такой среде все равны, но «стяжатели» равнее, и «...где начинается рынок, там начинается также шум великих актеров». В согласии с критикой Достоевским «Ротшильдов» Ницше пишет, что «индустриальные магнаты» и «вульгарные фабриканты» – это «неинтересные личности», которые сознательно утилизуют «закон нужды». Сравним с Достоевским: «князь предполагает, но лавочник – располагает!» (14, Т. 1, с. 144).

Ницше ясно видит нисходящий вектор эволюции Европы и пророчески пишет: «Вся наша европейская культура... движется в какой-то пытке напряжения... и как бы направляется к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто; подобно потоку, стремящемуся к своему *исходу*, не задумываясь, боясь задуматься» (15, с. 33). Однако, вопреки высокому вероятию европейской катастрофы, он указывает и на «*возможность прогресса*... люди могут *сознательно* решиться развивать в себе новую культуру... они могут создать теперь лучшие условия... новая, сознательная культура уничтожает старую, которая... вела бессознательную животную или растительную жизнь... прогресс *возможен*... почти

бессмысленно верить, что прогресс должен наступить необходимо; но как можно отрицать, что он возможен?» (16, с. 256).

Мыслитель обнаруживает такую проницательность в диагнозе европейского кризиса и рецептах исцеления, которая вызывает искушение усмотреть в его «преждевременных мыслях» нашего буквального современника.

Прежде всего акцентируем далеко не очевидную для времени Ницше идею *«нового варварства»*, которая ныне стала напряженно актуальной. «Современная подвижность, – пишет он, – все более прогрессирует к Западу», и люди «жужжат и суетятся... Эта подвижность так велика, что высшая культура не может уже пожинать своих плодов... наша цивилизация переходит в новое варварство» (16, с. 391). Кому адресована такая суровая оценка?

Ф.Фукуяма преувеличивает, подчеркивая: «Ницше больше всего боялся, что "американский образ жизни" победит...» (23, с. 485), но культурный «отбор» мыслителя действительно был не в пользу Америки. Он «схватил» в ней – тогда еще провинции мира – нечто большее и *иное*. Здесь «...на передний план выступает... нынешняя вера американцев, которая все больше хочет сделаться верою и европейцев, ... когда "актеры" являются... господами... Вымирает... вера в то, что человек лишь имеет ценность и смысл, поскольку он оказывается *камнем в каком-то великом строении*...Прежде всего не – актером!» (16, с. 676).

Однако у этого прогноза есть и оборотная сторона. Ницше усматривал в Америке новый Вавилон, полигон для апробации мультикультуральной модели. Под таким углом зрения современной Европе полезно прислушаться к предупреждению об угрозе ориентации на «...культуру, не имеющую никакого твердого, священного, коренного устоя, но осужденную на то, чтобы... скудно питаться всеми культурами...» (16, с. 675, 676). Такой образ жизни отлично уживается с варварством, т.е. отсутствием стиля или хаотическим смешением всех стилей.

У ненавистника законченных «систем» Ницше нет панацеи позитивного исхода, но есть никогда не «преждевременные мысли». Самым важным философ считает не изобретения механической цивилизации. Она разъединяет человека и природу, отчуждает от нее. «Действительное изобретение» культуры по смыслу восходит к латинскому *lig-are* – связывать, которое лежит в основе античного понятия «религия». Лат. термин *religate* – объединять – по первосмыслу означает восстановление связей распавшегося, разъединенного. Ницше высоко оценивает изобретение творцов «осевых» религий. Оно «...сводится, во-первых, к тому, чтобы установить определенный образ жизни..., действующий как disciplina voluntatis...; во-вторых, дать *интерпретацию* этой жизни, благодаря которой она предстает в свете высшей ценности и становится отныне неким благом, за которое борются, а при случае и отдают жизнь» (16, с. 670–671).

В таком контексте становится понятной одна из магистральных и созвучных «исканию Бога» Достоевским идей «ниспровергателя Христа»: «В мире еще недостаточно религии даже для того, чтобы только разрушать религии». По Ницше, умер *не вообще* Бог, а обмирщенный Церковью. Но «мы..., "свободные умы", чувствуем себя при вести о том, что "старый Бог умер", как бы осиянными новой утренней зарею; ... нам снова открыт горизонт...». Проблема в том, есть ли «...*мудрое человечество*. Солнце нового Евангелия бросает свой первый луч на высочайшие вершины... все... *объемлется потоком*, который движется к единой цели...» (16, с. 299, 310, 660, 824).

Предельно ясная манифестация Ницше исторического оптимизма конкретизируется уже не возможностью, а логосом общей христианской перспективы Европы: «Мы... – наследники Европы... тысячелетий европейского духа:.. мы вышли из-под опеки христианства и чужды ему, именно потому, что мы выросли из него и что наши предки были самыми беспощадно честными христианами христианства. Мы делаем то же. Но во имя чего? Во имя нашего неверия?... Скрытое *да* в нас сильнее, чем любые *нет* и *может быть*, которыми вы больны вместе с вашим веком; и когда вам придется пуститься по морям, ... то и вас вынудит к этому *вера*!» (16, с. 701).

Чтобы убедиться в прозорливости Ницше, нет необходимости перемещаться в «машине времени» в Европу наших дней. Тексты философа убедительно звучат как резюме глубинной причины провала брюссельской Конституции – ее «фигуры умолчания» относительно христианского наследия и характера Европы. В авторитетных комментариях этот фактор отмечается *наряду* с другими (экономическими, социальными, геополитическими). Но все эти дороги ведут в Рим, последний император которого произнес: «Ты победил, Галилеянин!». Эти факторы могут если не исчезнуть, то быть минимизированы при одном, но интегральном условии – земному, секулярному Евросоюзу пора усмотреть в сакральной, христианской Европе не **своего** антагониста, а великого Предтечу и достойного протагониста.

Если Европа стремится к возрождению как уникальный культурно-цивилизационный комплекс, то кардинальное условие процесса – это воспроизводство и творческое обновление его ***христианского*** характера, недоктринерски освоенного христианского образа жизни и его ценностей. Проблема в том, что ***цивилизационные*** компоненты этого комплекса, становятся самодовлеющими и даже приоритетными, постепенно утрачивают европейское «лица необщее выражение» и провоцируют «ревущего быка» варваризации (Ницше). В этом – угроза утраты культурной уникальности Европы и решающее испытание Евросоюза как «моста» к ее исторической перспективе.

III. От «всечеловека» - к «русского европейцу». От «сверхчеловека» - к «доброму европейцу»

«...я, как русский европеец...»
(Достоевский. – 3, Т. 13, с. 375).
*«Мы и являемся **добрыми Европейцами**,*
наследниками самого продолжительного
и самого мужественного самопреодоления Европы»
(Ницше. – 14, Т. 2, с. 145)

Венчающие этот раздел концепты-символы входят в смыслообразующее ядро дискурса Достоевский-Ницше. Стремление России «стать в просвещеньи с веком наравне» привело к освоению ценностей европейской демократии и гражданского общества. У ретроградной России они вызывали отторжение, и Раскольникову напоминают, какие вопросы ныне «в ходу: ...Вопросы гражданина и человека? А вы их побоку; зачем они вам теперь-то?». С охранительной точки зрения, «...все это было даже и вздором...» (3, Т. 6, с. 373).

Однако культурный импульс, заданный Пушкиным и Чаадаевым, Лермонтовым и Тютчевым, был необратим. Он привел к возникновению и поучительной эволюции феномена, который Достоевский в своей Пушкинской речи 1880 г. назвал «способностью всемирной отзывчивости» (3, Т. 26, с. 145). Масштаб такой интенции – это «...мечты всечеловеческого обновления, идея вечной красоты» (3, Т. 10, с. 25). Героев Достоевского вдохновляет «всечеловеческая любовь... мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...» (3, Т. 13, с. 375; Т. 14, с. 276, 285). Отсюда – идея русского человека как ***всечеловека,*** и в формировании такой личности – залог вселенского братства.

Всечеловек, как субъект становящейся всемирной «высшей культуры», имеет настолько внешне схожего «сиамского близнеца», что необходим четкий критерий их различения. На первый взгляд, те персонажи, которых посещали «мечты *всечеловеческого* обновления», и те, которые «впадали и в ***обще***человеческое, строго рассуждали о будущей судьбе Европы и человечества (выделено мой – И.Л.)» (3, Т. 10, с. 30), – это «все кошки серы». В действительности между ними – дистанция огромного размера. Всечеловек– это ***цельная*** личность. Ему никакой человек – «ни эллин, ни иудей» – не чужд, и он знает, во имя чего и кого любит и поэтому – что и кого ненавидит. Общечеловек, напротив, ***расщепленная*** личность. У него нет «во имя» человечности в каждом человеке и, столкнувшись с прозой жизни, он предает свою умозрительную любовь и предается «тварной» злобе. Оказывается, «он и любить не может, потому что он общечеловек» (3, Т. 11, с. 135), потому что «в отвлеченной любви к человечеству любишь почти всегда одного себя» (3, Т. 8, с. 379).

Созданная Достоевским – по личным впечатлениям о Всемирной выставке в Лондоне – жуткая картина «железного Вавилона», где властвует чистоган и гибнет прекрасное, привела к выводу, что в царстве европейского «гражданина» и его тени – анархизма все более одерживает реванш бесовское начало. В такой среде неизбежен гераклитов «пожар безмерности». Эта же идея бездумной «веселости», от которой шаг до безумия, – у Достоевского: «Пожар в умах, а не на крышах домов» (3, Т. 10, с. 395).

Роковая искра европейского «пожара» в том, что в Европе «...француз был всего только французом, а немец всего только немцем, и это с наибольшим напряжением, чем во всю их историю» (3, Т. 13, с. 375–376). Мыслителя беспокоит вовсе не «французскость» одних или «немецкость» других, а неосознанность ими своей ***европейскости***. Такая инфантильность привела к Realpolitik европейских государств и ее масштабным жертвам во франко-прусской войне 1870–1871 гг. По Достоевскому, она – признак не силы, а бессилия, и он протестует против того, чтобы «...лупить в людей бомбами, правильною осадой». Есть «нечто высшее, чем драка... между человечеством» (3, Т. 10, с. 119).

Вообще ***национализм*** в Европеи его разрушительные, бесовские последствия – неотступная и грозная проблема для Достоевского. Означает ли это, что он a priori отвергал национализм? Отнюдь. «Я всегда был истинно русский», – писал он Д.А. Майкову (3, Т. 28. Кн. 1, с. 209). Он неизменно осуждал тех, кто «...просмотрел совсем русскую жизнь» и подчеркивал: «Только бы мы осамились, стали бы самими собой» (3, Т. 11, с. 65, 137). Верный принципу примата культурных ориентиров над цивилизационными, он решительно отвергал версию России как «материала» модернизации (см.: 3, Т. 13, с. 45).

Такой национализм тождествен патриотизму. Но следует определенно возразить тем, кто приписывает Достоевскому этноцентричную и, в конечном счете, расистскую идею русского народа как «единого народа-богоносца». Напротив, он полагает «шаткостью» и «фанатизмом» верить, что «человек...есть только русский человек, бог для него только русский бог, обычай – только русский обычай» (3, Т. 11, с. 133). И отнюдь не его кредо в том, что «...только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов» (3, Т. 10, с. 200).

Достоевский хранил идущую от Пушкина и Чаадаева, плодотворную и мужественную способность говорить правду о главном – ментальном – пороке полукрепостнической страны: «Мы своим трудом жить не умеем... для приобретения мнения надобен труд, собственный труд, собственный почин в деле, собственная практика! Даром никогда ничего не достанется. Будем трудиться, будем и свое мнение иметь». А пока эта проблема не решена, «то мнение иметь за нас будут иметь те, кто вместо нас до сих пор работал, то есть все та же Европа» (3, Т. 10, с. 32). Мыслитель предлагает «лекарство» – не в слепом

копировании Европы, а в «...твердой национальной постановке – и главное, в неуклонности этой постановки, без шаткости. Надо, чтоб эта идея организм живой приняла и все собою проникла... уж если реформа, ... то поставь ее ясно, твердо, не колеблясь и веря в силу нации» (3, Т. 11, с. 155).

В такой смысловой парадигме Достоевский воспринимал кризис Европы как «свое-другое». Отсюда его ориентиры: «Воскресила ли меня Европа? Но я и сам тогда ехал ее хоронить». Как в собственную трагедию, он всматривается в «...заходящее солнце последнего дня европейского человечества... Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола... я из без того знал, что все пройдет, весь лик старого европейского мира... но я, русский европеец, не мог допустить того» (3, Т. 13, с. 374, 375).

Так, из органичной сопричастности к европейскому декадансу, возникает характерная для зрелого русского ***европейскость***, а с ней – смыслотермин Достоевского – ***«русский европеец»***. Где вне культурного ареала Европы могут быть такие истовые тексты: «Европа так же была отечеством нашим, как и Россия», и важно «...становиться наиболее русским именно тогда, когда он наиболее европеец» (3, Т. 13, с. 377). С точки зрения мыслителя, «...стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия..., указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев» (3, Т. 26, с. 147–148). Н. Бердяев был солидарен с резюме Пушкинской речи Достоевского в 1880 г.: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого Арийского племени так же дороги, как и сама Россия...» (цит. по: 2, Т. 2, с. 119). Наконец, по-библейски емкое и обращенное к нам вещее Слово: «Были бы братья, будет и братство» (3, Т. 14, с. 286).

Ницше – не только один из тех, кто внял этому Зову, но и первый, кто внес в его постижение и обогащение такую лепту, которая привела к реконструкции смысло-термина «русский европеец» и фундаментальным практическим последствиям. По Ницше, «мое направление... продолжать творить не там, где пролегают *границы,* но там, где простирается *будущее* человека!». Творчество двояко выявляет себя «в чувстве соревнования» – как стремление «быть всегда достойным своих великих предшественников» и «соратников на этом пути» (16, с. 53). Не во «внешних» цивилизационных триумфах, а во «внутренних побуждениях» культуротворчества народы должны реализовать свой потенциал.

Но Европа преуспела в «соревновании» иного рода. Поучительным примером подмены власти культурного авторитета авторитетом милитарной власти стала франко-немецкая война 1870–1871 гг. Для Ницше это «пагубное недоразумение», когда «большой успех немецкого оружия доказывает что-нибудь в пользу этой культуры. Я коснулся уязвимого места победоносной нации, – что ее победа не культурное событие, а может быть, нечто совсем другое». Это

«совсем другое» – возможный триумф «узкого принципа... "Deutschland, Deutschland uber Alles"... германцы суть нравственный миропорядок...» (14, Т. 2, с. 374, 403).

Словно в магическом кристалле, провидел Ницше возможность этноцентричных войн, в которые погружается Европа. Он возвещал, что «теперь последуют, должно быть, друг за другом два-три воинственных столетия, равных которым нет в истории... мы вступили в *классическую эпоху войны*» (16, с. 450). Философ убежден в том, что «самая враждебная *культуре* болезнь и безумие, какие только существуют, – национализм, этот *национальный невроз*...– Знает ли кто-нибудь... путь из этого тупика? ... Задача достаточно великая, чтобы снова *связать* народы?» (14, Т. 2, с. 404).

Выполнение такой грандиозной задачи требовало нового субъекта в контексте европейских реалий – «доброго европейца», и его поиск обнаружил потенциальную двусмысленность ницшеанского «сверхчеловека» (нацизм утилизовал ее сполна).Да и сам Ницше сознавал, что Наполеон – «синтез *бесчеловечия* и *сверхчеловечества*», и «тот, кто борется с чудовищами, должен следить за собой, чтобы самому не обратиться в чудовище» (14, Т. 2, с. 39, 214). Не диктатура, а примат «европейской культуры *во всей ее совокупности*» (15, с. 80) является той почвой, на которой должна быть построена обитель «доброго европейца». Философ подчеркивал, что, хотя «этой цели сознательно или бессознательно противодействует... возбуждение *национальной вражды*, но все же смешение...подвигается вперед, несмотря на временные обратные течения». Необходимо «...выдавать себя за *доброго европейца* и активно содействовать слиянию наций» (16, с. 448).

В конце XIX в. этот процесс развертывался как преодоление не только средневековой автаркии, но и геополитических «игр» наций-государств. Во фрагменте «Европейский человек и уничтожение наций» Ницше пишет: «Торговля и промышленность, общение через письма и книги, общность всей высшей культуры, быстрая перемена дома и местности, теперешняя кочевая жизнь... все эти условия неизбежно ведут за собой... в конце концов уничтожение наций, по крайней мере европейских; ...из всех них... должна возникнуть... раса европейского человека» (16, с. 448).

Культурный «расизм» Ницше фундируется на растущей устремленности к панъевропейскому культурному синтезу. Он утверждает, что «...величайшая опасность – лишиться *голоса, доступного душе* Европы, и спуститься до простой отечественности» в то время, когда идет *«процесс становящегося европейца»*. «...*Европа стремится к объединению*. У всех людей более глубокого и обширного ума истинное общее направление таинственной работы их душ имело целью подготовить путь к новому *синтезу* и...предугадать европейца будущего... это – Европа, единая Европа...в своем многообразии...». «Добрые европейцы» являют-

ся «наследниками самого продолжительного и самого мужественного самопреодоления Европы» (14, Т. 2, с. 145, 153, 278, 283, 292, 293).

Так кристаллизовался новый концепт – «европеец будущего» как субъект «единой Европы... в своем многообразии». Он остается проблематичным в контексте непреходяще напряженного вопроса: где проходят ***границы*** Европы? Хотя Ницше ратовал за творчество поверх границ, он не мог игнорировать знаменитую дилемму Р.Киплинга: Россия – самая ***восточная*** Европа или самая ***западная*** Азия?

Амбивалентность отношения Европы к России уже в XIX в., одновременное понимание невозможности без нее удерживать равновесие геополитических сил на континенте и вместе с тем отторжение как «не-своего-другого» в культурно-цивилизационном плане – бесспорный, многократно констатированный факт, прекрасно известный Ницше. Конец XIX в. в «пространстве друзей» близился к критической отметке. В грозовое время вызревания европейской «войны всех против всех» самым веским оказалось видение Ницше ***сущего*** и ***должного*** России в Европе. Мыслитель отчетливо видел историческое величие России в таких признаках как «...воля, побуждающая инстинкт, антилиберальная до яркости – воля к традиции, к авторитету, к ответственности за целые поколения, к солидарности прошлых и будущих поколений... Если эта воля налицо, то возникает что-нибудь вроде... России – единственная страна, у которой в настоящее время есть будущность, которая может ждать, может обещать...» (14, Т. 1, с. 403).

Боязнь России, недоверие к России – не довод для отрицания ее европейского характера. Историческая судьба Европы неотделима от судьбы России. «Мыслитель, у которого на совести лежит будущее Европы, при всех своих планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться... с русскими, как наиболее верными и вероятными факторами в великой борьбе и игре сил» (14, Т. 2, с. 287). Это была первая редакция концептуального видения России как колосса Европы, который имеет также интересы в Азии, но в качестве великой ***европейской*** державы.

Вместе с тем, предостерегая Европу от ***имперской*** России, Ницше предлагал осуществлять такую же масштабную «метаполитику», как и российская. «Я это говорю не как желающий... я подразумеваю под этим такое усиление угрожающей опасности от России, что Европа должна была бы решиться сделаться столь же грозной...» (14, Т. 2, с. 244, 245).

Что означает Ницше-геополитик для политической Европы? Его переписка с Бисмарком по меньшей мере свидетельство того, что канцлер внимательно прислушивался к нему. Во всяком случае Бисмарк заклинал никогда не воевать с Россией и, буквально по Ницше, трактовал отношения с ней в «семейном» духе: «Тевтоны – муж, славяне – жена». В конечном счете, можно утверждать,

что Европа и мир в целом были бы совершенно иными, приняв ницшеанскую максиму: «Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией...в новой общей программе, которая не допустит в России господства английских трафаретов. Никакого американского будущего! Сращение немецкой и славянской расы» (20, с. 42–43).

Литература

1. Бердяев Н.Судьба России. – М., 1990. – 206 с.

2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2 т. – М., 1994. – 542, 509 с.

3. Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. в 30 т. – Л., 1972–1976.

4. Зидентроп Л. Демократия в Европе. – М., 2001. – 311 с.

5. Ильин И. О тьме и просветлении. Бунин. Ремизов. Шмелев. – М., 1991. – 210 с.

6. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. – Р.-на-Д., 1997.

7. Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990. – 415 с.

8. Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников. – М., 1991. – 605 с.

9. Кожедуб А. Родом от Данилы Иртищева // ЛГ. 27.10–2.11.2004.

9а. Конюшенкова Н. Стереотипы славянской взаимности // СМ-XXI. 2004. № 3. – С. 93–104.

10. Краткая философская энциклопедия. – М., 1994. – 575 с.

11. Левяш И.Я. Логос фронтиров христианской Европы // Drogi i rozdroza kultur chrzescijanskiej Europy. – Czestochowa, 2003. – С. 71–78.

12. Левяш И.Я. Культурология. Изд. 5. – М., 2004. – 574 с.

13. НГ – Независимая газета.

14. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. – М., 1990. – 446, 415 с.

15. Ницше Ф. Воля к власти. – М., 1994. – 350 с.

16. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М., 1998. – 830 с.

17. Новая Польша, 2003, № 6.

18. О великом Инквизиторе. Достоевский и последующие. – М., 1991. – 270 с.

18а. Польская и русская душа. Антологии. – Варшава, 2003. – 471 с.

19. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. – М., 1992. – 525 с.

20. Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. – Т. 1. – М., 1998. – С. 5–44.

21. СМ–XXI – Свободная мысль–XXI (до 2000 г. – СМ).

22. Фрейд З. «Я» и «Оно». – В 2 кн. Кн. 2. – Тбилиси, 1991. – 426 с.

23. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2004. – 586 с.

24. Хаттон У. Мир, в котором мы живем. – М., 2004. – 502 с.

Б.Й.Желицки

КАДАРОВСКИЙ КОНТЕКСТ СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ, 1957-1988

Желицки Бела Йожефович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

История советско-венгерских отношений этого хронологического периода, в отличие от прежних этапов, изучена лишь в очень малой степени. В российской литературе нет научных исследований на эту тему. Объективное изучение отношений «эпохи Кадара» находится в зачаточной стадии и в самой Венгрии.

Затрагивая эти вопросы, автор статьи должен оговориться, что выражает лишь свое собственное видение истории взаимоотношений двух стран в свете тех материалов, которыми он располагает, и поэтому его оценки не могут считаться официальной точкой зрения.

Общеизвестно, что отношения *социалистического периода* между СССР и ВНР базировались на принципах «пролетарского интернационализма» и мотивировались условиями, диктовавшимися, прежде всего, интересами СССР в мировой политике. Это предполагало безусловную подчиненность внешней политики Венгрии советским и блоковым интересам Варшавского Договора.

Взаимоотношения СССР и Венгрии формально базировались на «Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», заключенном 18 февраля 1948 г. на 20 лет и регламентировались двусторонними соглашениями между странами[1]. С установлением коммунистического единовластия в ВНР взаимоотношения двух стран целиком развивались исключительно на названном принципе. Однозначность такой ситуации особенно характерна для конца 40-х и для 50-х годов XX в. Отношения тех лет, впрочем, как и проблемы советской военной помощи обанкротившемуся партийно-государственному режиму ВНР осенью 1956 г., уже нашли отражения в литературе. Вопросы же взаимоотношений последующей исторической эпохи, которую нередко именуют кадаровской, охватывающей три десятилетия относительно спокойного развития, а также последующий краткий и насыщенный событиями этап перехода Венгрии к парламентской демократии, завершающийся мирной сменой общественно-полити-

ческого устройства и развалом социалистической системы, несомненно требуют дальнейшего изучения.

* * *

Если не считать возросшее советское военное присутствие в ВНР и особый «патернализм» Москвы, то отношения официальных кругов двух стран после подавления советскими войсками венгерской революции 1956 г. и ликвидации ее завоеваний не претерпели принципиальных изменений. Венгрия оставалась под полным советским контролем, определяющей силой которого стали расквартированные в стране советские воинские формирования. Власть формально находилась в руках Революционного рабоче-крестьянского правительства и Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), которые возглавлял Янош Кадар в качестве доверенного лица Кремля и КПСС. Функции этих органов на начальном этапе были ограничены и во многом формальны, но за ними стояла советская военная мощь. Внешнеполитическая деятельность нового правительства на первом этапе фактически не выходила за пределы контактов с Москвой, командованием Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора (ОВД), Белградом и Пекином. И это понятно, ведь в тех условиях трудно было говорить о каких-то самостоятельных внешнеполитических действиях Будапешта. Власть Кадара поддерживалась и контролировалась Москвой. Более того, до марта 1957 г. оставалась неясной и до конца нерешенной дальнейшая судьба самого Кадара, над которым нависла угроза возможного возвращения в страну прежнего ортодоксального партийного лидера М. Ракоши, антинародная политика которого (и его ближайшего окружения), и вызвала революционную вспышку осенью 1956 г. Я. Кадару, однако, удалось наладить хорошие личные отношения с Хрущёвым, что позволило изменить ситуацию и положить начало относительно благоприятному развитию советско-венгерских связей в их несколько модифицированном виде. При этом сложившаяся ранее система межгосударственных и межпартийных отношений в принципе не менялась и продолжала функционировать в том же режиме, в прежних рамках беспрекословной подчиненности «младшего брата» старшему.

Венгерская дипломатия первых после 1956 г. постреволюционных лет, разумеется, не имела собственной, тем более самостоятельной, линии поведения, ведь любые действия Будапешта на внешнеполитической арене по-прежнему требовали предварительного согласования с Москвой. Но советское политическое руководство во главе с Хрущёвым, исходя из необходимости частичного учета тех обещаний, которые были даны социалистическим странам в «Декларации правительства Союза ССР» от 30 октября 1956 г. в канун советской военной агрессии против революционной Венгрии, пошло на некоторые уступки. Наряду с обещанием впредь строить с ними «свои взаимоотношения только

на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга», эти уступки касались проблем взаимопомощи в экономической, политической, военной и культурной областях, пересмотра системы советских советников в странах и пребывания советских войск на их территориях[2], а также частичного расширения самостоятельных компетенций во внутренней политике партийно-государственных руководителей подконтрольных стран, включая ВНР.

Советско-венгерское взаимодействие после 1956 г. не без основания началось с военной сферы. Прежняя венгерская армия, которая поддержала повстанцев и встала на сторону революции, после ее подавления не пользовалась доверием ни советского руководства, ни новой власти Кадара. Она, хотя и негласно, но фактически была разоружена и расформирована. Об этом говорилось в отчетах министра обороны СССР маршала Г.К. Жукова[3], в выступлениях венгерских политиков. «Когда вошли советские войска... разоружили всю венгерскую армию. В этой ситуации мы должны были просить, чтобы нам оказали содействие в создании новой армии»[4], – отмечал Кадар 11 ноября 1956 г. на заседании Временного ЦК ВСРП. Глава МВД ВНР Ференц Мюнних вскоре доложил партруководству, что «в соответствии с договоренностью с советским командованием организация новой армии началась»[5]. Программу формирования новой армии правительство Кадара обсудило в начале декабря, но окончательное решение было принято советской стороной на советско-венгерских переговорах, проходивших с 28 января по 1 февраля 1957 г. в Москве. Из документов встречи четко прослеживается факт разоружения и роспуска прежней, а также создания новой венгерской армии, общей численностью 50 тыс. человек. Была достигнута договоренность о ее будущей структуре, вооружении и перспективах развития, а также об обеспечении воздушной обороны страны советскими ВВС. По просьбе венгерской стороны существенному сокращению подверглась численность советских военных советников – до 8 вместо прежних 194 человек, с конкретным обозначением места их будущей деятельности[6].

В советско-венгерских отношениях того времени военная составляющая не без основания выдвигалась на первый план сотрудничества. Такое положение фиксировалось одним из первых *межгосударственных* официальных документов, заключенных 27 мая 1957 г. между СССР и ВНР. Это было соглашение, которое узаконило длительное присутствие «временно дислоцированных» советских воинских формирований на территории Венгрии[7]. Документ регулировал и правовой статус советских войск на территории ВНР, которая, наряду с Польшей и Чехословакией, имела для СССР в тех условиях важное стратегическое значение. Но не только советское руководство, сам Кадар тоже нуждался в них в Венгрии. Известен факт, ярко свидетельствующий о зависимости

кадаровского правительства от советского военного присутствия. Когда в 1957 г. СССР выводил свои войска из Румынии, Н.С. Хрущёв, явно проверяя реакцию Кадара, предложил ему вывести советский контингент также из ВНР[8], но Кадар отклонил такое предложение. Разумеется, если бы такое предложение последовало в 1955 г., когда СССР выводил войска из Австрии, оно могло бы изменить ход истории. Тогда в партийных кругах Венгрии допускали, а население даже надеялось на вывод советских войск, возможность превратить ВНР в нейтральное государство[9]. Если бы такое предложение тогда было принято, то Венгрия, конечно, избежала бы революции 1956 г. Но у Москвы были другие планы, и этого не произошло. После подавленной же революции ситуация изменилась: вывод войск повлек бы за собой моментальный крах утвержденного танками режима. Поэтому сохранение советских войск на территории ВНР отвечало интересам обоих родственных режимов и их политических лидеров – Кадара и Хрущёва.

Именно в условиях советского военного присутствия произошла стабилизация внутренней обстановки и постреволюционная консолидация кадаровского строя в ВНР. Без него они были бы невозможны. Конечно, в этом сыграли свою роль и внутриполитические действия правительства Кадара. Благодаря прагматичной внутренней политике, которая учитывала социально-политические причины потрясений 1956 г., Кадару к началу 60-х годов удалось добиться определенного перелома в отношениях со своим народом и консолидировать режим. Наряду с внешними обязательствами ВНР перед «лагерем социализма», Кадар в своей политике постоянно учитывал уроки 1956 г., которые напоминали ему о необходимости уступок и компромиссов, о соблюдении социальных приоритетов для населения. Это и отличало его политику от политики его предшественников, которые, копируя в деталях советский опыт, привели страну к социально-политическому взрыву. Став новым, более открытым к компромиссу партийно-государственным лидером ВНР, Кадар постоянно держал под пристальным личным контролем как социальную, так и внешнюю политику страны. По сути это и позволило ему относительно быстро добиться своеобразного молчаливого, но негласного соглашения, почти примирения с народом Венгрии. Уступки в социальной политике, отказ от контроля за частной жизнью граждан, осторожность и последующая либерализация строя в пределах допустимого для системы, а также регулярное согласование внешнеполитических действий с Москвой составляли основное содержание политического курса этого венгерского политика.

Основу доверия между Хрущёвым и Кадаром, естественно, положил сам советский выбор Кадара на высокий государственный пост в поверженной Венгрии. С учетом последующей истории рассматриваемой эпохи можно констатировать, что из числа возможных на то время претендентов выдвижение именно

его кандидатуры следует считать наиболее удачным, ведь фигура Кадара в конечном счете была принята и понята народом, а он это доверие старался оправдать. Довольным оказалось и советское руководство. Доверие Кремля к Кадару стало взаимным со времени встречи в верхах 21–28 марта 1957 г. в Москве[10]. Хрущёв уже тогда высказал ему полное понимание экономической и политической ситуации, сложившейся в Венгрии, и пообещал оказать экономическую поддержку, выразившуюся в увеличении советских поставок сырья, в предоставлении долгосрочного льготного 2%-ного кредита на сумму 750 млн. руб. (в том числе 200 млн. в свободной валюте) для использования в 1957 г. Была достигнута договоренность о растущем товарообмене и всестороннем сотрудничестве между странами[11].

Для Кадара лично, а следовательно и для страны (хотя это не нашло выражения в совместной правительственной декларации и заявлении КПСС и ВСРП о переговорах), не менее важным было то, что Хрущёв согласился не допустить возвращения М. Ракоши к политической деятельности в Венгрии. Это была политическая победа Кадара. Добившись от Хрущёва гарантии этого, Кадар укрепил свои позиции, а вместе с тем и личную дружбу с советским лидером. Обещание Хрущёва позволило ему повести успешную борьбу на два фронта – против «леваков» и «правых ревизионистов». Правда, в совместном советско-венгерском заявлении о межпартийном сотрудничестве осуждению подвергся лишь «правый ревизионизм» в лице «Имре Надя и его сообщников»[12]. Надо полагать, что Кадар тогда же узнал о секретном решении Президиума ЦК КПСС окончательно дискредитировать Имре Надя[13] и, очевидно, согласился соответствовать планам Кремля в этом вопросе, став вольным или невольным участником доведения до печального конца «дела» этого политика. Во всяком случае, согласованные с Кремлем действия Кадара закономерно привели летом 1958 г. к казни И. Надя и его товарищей.

Состояние взаимоотношений между СССР и ВНР были оценены Н.С. Хрущёвым 4–6 июня 1959 г. во время его кратковременного пребывания в Венгрии. Он с удовлетворением говорил: «Наше мнение такое: связи у нас самые хорошие, как между странами, так и партиями, и личные – между руководителями стран. Между нами нет спорных вопросов... Мы ваши близкие друзья и очень рады сложившейся в вашей стране ситуации»[14]. Такая удовлетворенность советского лидера сложившейся в ВНР ситуацией означала признательность и самому Кадару, его политическому курсу.

В лице Кадара постреволюционная Венгрия приобрела политика, который несомненно был предан идеалам социализма, признавал советские приоритеты, старался угадывать ожидания Москвы и соответствовать им как во внутренней, так и внешней политике. При всем этом поведение венгерского лидера не было простым приспособленчеством, оно было далеким как от угодничества Живко-

ва, так и от позерства Чаушеску, кичившегося своей «самостоятельностью», скорее оно являлось поведением прагматичного руководителя, оказавшегося в непростых условиях, когда необходимо было проявлять заботу о стране и постоянно соответствовать советским ожиданиям как во внутренней, так и внешней политике. Об этом говорят его предельная осторожность в действиях и одновременные попытки политика-прагматика добиваться предела допустимого во внутреннем развитии страны, использовать различные инструментарии для решения насущных внутренних и внешнеполитических проблем, стоявших перед Венгрией.

Сохраняя до самого конца вассальную зависимость от Кремля, Кадар, начиная с 60-х годов, осторожно, но постепенно добивался некоторой самостоятельности в своих действиях, правда, во внешней политике это касалось лишь отношений со странами третьего мира, особенно Индией, Индонезией, Египтом, Сирией. К началу 60-х годов Венгрия имела дипломатические отношения уже с 57 странами, тогда как в 1955 г. их было всего 36. Специфика отношений с государствами развитого мира исчерпывалась предупреждением для дипломатов быть предельно осторожными в своих суждениях. Такой подход позволил кадаровской Венгрии добиться в конце 1962 г. восстановления доверия к себе, что нашло выражение в возвращении ей мандата ООН.

Советские ожидания к венгерскому партнеру с годами не менялись. Оставаясь прежними, они предполагали безусловную подчиненность внешнеполитического курса страны советским и блоковым интересам, предварительного согласования всех действий с Кремлем. Признавая приоритет Москвы в определении общего курса внешней политики, Будапешт выражал лояльность генеральной линии КПСС по всем ключевым вопросам. Правда, в некоторых вопросах социалистического строительства возникали нюансы. Так, в апреле 1964 г., когда Хрущёв провозгласил программу построения коммунизма в СССР и ожидал подобного энтузиазма от лидеров братских компартий, Кадар, хотя и в мягкой форме, но все же возразил советскому лидеру. Не желая забегать вперед, он осторожно заметил, что Венгрия еще находится на более низкой ступени общественно-политического развития[15]. Такая скромность была оценена Москвой, а в апреле 1964 г. за «большие заслуги в укреплении дела мира и социализма, дружбы и сотрудничества между советским и венгерским народами» Кадару было присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»[16].

Отношения между лидерами двух стран и партий постепенно приобрели дружеские черты. При этом иерархия межгосударственных и межпартийных отношений по своему содержанию и характеру оставалась прежней, ведь исходные позиции и основные принципы двусторонних и блоковых отношений не менялись. Учитывая, что внешнюю политику, ее направленность как в СССР,

так и в ВНР всегда определяли первые лица стран, можно сказать, что дружеские отношения, сложившиеся между Я. Кадаром и Н.С. Хрущёвым, имели важное значение и для взаимоотношений в самом широком плане. Разумеется, сложившийся тип отношений между руководителями сохранился и во времена Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачёва, хотя контакты с каждым из них имели свою специфику.

Освобождение 14 октября 1964 г. Н.С. Хрущёва с поста первого секретаря ЦК КПСС было воспринято Кадаром весьма болезненно. Он опасался возможной реставрации сталинизма в СССР. В отстраненном советском руководителе он видел прежде всего активного борца с культом личности, считал его гарантом невозможности возвращения к старым, проникнутым духом догматизма порядкам. Кадар искренне разделял решения XX съезда КПСС, а Хрущёва ценил за его принципиальную готовность к реформам. Далеко не безразличным ему, видимо, было и то, что советский руководитель являлся гарантом политического существования и самого Кадара как политика. Его недовольство отстранением Хрущёва нашло выражение в известном импровизированном выступлении в будапештском аэропорту, после того как он узнал о случившемся, возвращаясь из Варшавы на родину.

Свою принципиальную оценку случившемуся Кадар дал в речи на заседании политбюро ЦК ВСРП 23 октября 1964 г., где всерьез, как и многие венгры, выразил свое опасение реальной угрозы неосталинизма. Основанием к этому являлись начальные поползновения нового советского генсека в таком направлении, что угрожало повлечь за собой также возвращение в страну ненавистного М. Ракоши. Свои опасения Кадар открыто выразил и советскому послу в Будапеште, указав на несостоятельность обвинений Хрущёва в культе личности. Он подчеркнул, что лично стоит на отличающихся от мнения советских товарищей позициях в оценке Хрущёва и считает ситуацию в советском партруководстве «нездоровой»[17]. При этом Кадар не мог не понимать, какую реакцию может вызвать его позиция со стороны Л.И. Брежнева. Соблюдая правила приличия, Кадар 19 октября 1964 г. отправил новому первому секретарю ЦК КПСС поздравительную телеграмму, вслед за которой 24 октября написал и письмо, где детально изложил, что руководство ВСРП принимает к сведению информацию о решении КПСС, но не может согласиться с методами освобождения Хрущёва, так как при этом не были отмечены его заслуги[18]. В письме выражалось желание прибыть в Москву для консультаций.

При личной встрече Брежнев пытался, но так и не смог убедить Кадара в ошибочности политического курса Хрущёва. Лидер ВСРП заявил, что оценивает роль Хрущёва положительно, хотя и видит разные стороны его деятельности. В заключение, однако, сказал: «Больше к этому вопросу не возвращаемся. Мы поняли мотивацию решения КПСС и принимаем ее к сведению»[19]. Стоит обра-

тить внимание на одну деталь в ходе этой московской встречи. Получив от советского советника в МВД ВНР не вполне достоверную информацию о готовившемся в Венгрии «процессе либерализации» (речь шла о подготовке новой экономической реформы), которая обросла необоснованными слухами о предстоящем «охлаждении венгеро-советских отношений», председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин решил узнать у Кадара, так ли это. Оказалось, что антиреформаторски настроенные «левацкие элементы» в ВНР, недовольные политикой Кадара, запустили эту дезинформацию, чтобы использовать ее против Кадара.

Инцидент побудил Кадара передать Брежневу записку, в которой среди прочих вопросов сотрудничества была затронута проблема пребывания М. Ракоши в СССР. В ней указывалось, что этот обанкротившийся политик после удаления Хрущёва, добиваясь возвращения на родину, начал «штурмовать» ЦК письмами и утверждал, что теперь он «во всем согласен с ЦК КПСС». Кадар счел целесообразным предупредить Брежнева: «Если для Вас затруднительно оставлять его далее (в СССР. – *Б.Ж.*), мы готовы привезти его домой, разместить в тихом месте, чтобы жил себе спокойно. Но если он на это не способен и намерен воевать против партии, мы его разоблачим и при необходимости он предстанет перед судом»[20]. Отметим, что с прекращением первоначальных попыток Брежнева ужесточить режим в СССР, Ракоши перестал писать ходатайства о завершении своей почетной «ссылки» и занял выжидательную позицию. В записке Кадара была выражена надежда на сохранение атмосферы «товарищеского доверия и искренности» между партиями.

В конце января 1965 г. министр иностранных дел ВНР Я. Петер в интервью газете «Непсабадшаг» говорил о крепнущем взаимопонимании между ВНР и СССР, о «расширении между нами политических, экономических и культурных отношений»[21]. В мае 1965 г. в Москве снова побывала венгерская партийно-правительственная делегация во главе с Кадаром. Накануне он направил Брежневу письмо с конкретными предложениями для обсуждения, которые касались внесения ряда корректив в деятельность ОВД и СЭВ с целью повышения их эффективности, экономического сотрудничества на 1966–1970 гг. и содержали перечень взаимных поставок товаров. Результаты встречи оказались половинчатыми, ведь конкретных ответов на венгерские предложения о реорганизации управления ОВД и децентрализации экономических связей в рамках СЭВа, сделанные в интересах повышения эффективности работы этих организаций, так и не поступило. Экономические потребности ВНР в товарообмене были удовлетворены лишь частично: вместо запрашиваемых Будапештом советских товарных поставок на сумму 300 млн. руб. Москва согласилась только на 120 млн., а кредитные потребности ВНР (400 млн. руб.) для сбалансирования торговли с Западом также были сокращены до 250 млн.[22] Кадар, однако, получил завере-

ние, что в предстоящей пятилетке не планируются изменения в сложившейся модели поведения с социалистическими странами, а это давало ВНР возможность планировать стабильный экономический рост.

Кадар всегда уделял пристальное внимание советско-венгерским отношениям, внешней политике страны. Деятельность МИДа он держал под личным контролем, переводя ее на «ручное управление». Внешнеполитические решения, конечно, готовились в отделе ЦК ВСРП, курировавшего работу МИДа, но последнее слово во всех вопросах внешней политики и особенно венгеро-российских отношений оставалось именно за Кадаром[23]. Его осторожная и прагматичная внешняя политика приносила свои плоды. Венгрия уже в 60-х годах стала одной из наиболее открытых стран социализма. Каждый гражданин ВНР мог получить загранпаспорт и посещать иностранные государства. С красным паспортом с 1960 г. можно было совершать безвизовые поездки в Польшу, с 1964 г. – в Болгарию, Румынию, Чехословакию и ГДР, с 1966 г. – в Югославию. С синим – в страны Западной Европы (раз в три года). Лишь СССР оставался закрытым для индивидуальных поездок венгров (советская власть допускала только контролируемые коллективные туры, частные поездки стали возможны с 5 марта 1969 г.).

Выступая на XXIII съезде КПСС (1966), Кадар обратил на себя внимание яркой, запоминающейся речью, в которой отмечалось, что «пробным камнем интернационализма всегда было и ныне продолжает оставаться принципиальное, товарищеское отношение к Советскому Союзу». Эти слова он дополнил яркой фразой, ставшей сразу же крылатым выражением: «Антисоветского коммунизма не было, нет и никогда не будет»[24]. Все это резко контрастировало с политическим курсом Н. Чаушеску, с его «нейтралитетом». Кадар другими средствами добивался намеченных целей – он был скромным и осторожным, открытым в своих поступках, шел малыми шагами, иногда временно уступая внешнему давлению, но в целом расширяя пределы возможного, допустимого системой, достигал своего в нелегком диалоге с советским руководством.

Основные принципы и приоритеты внешней политики ВНР Кадар впервые четко сформулировал публично в ноябре 1966 г. на IX съезде ВСРП в такой последовательности: 1) защита «суверенитета» страны перед лицом поползновений сил империализма; 2) укрепление единства социалистических стран, и прежде всего, добрососедские отношения с СССР; 3) солидарность с международным рабочим движением. Из этих направлений и внешнеполитических приоритетов особый акцент придавался союзническим обязательствам. Добрососедство, советско-венгерские отношения, как отмечалось, базировались на взаимном доверии руководителей государств и партий, на прагматичности и расширяющемся всестороннем сотрудничестве. В сентябре 1967 г. это было подтверждено продлением на 20 лет «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи

между СССР и Венгрией»[25]. Стороны обязались в соответствии с принципами *социалистического интернационализма* укреплять дружбу и развивать всестороннее сотрудничество, оказывать друг другу братскую помощь, «консультироваться по всем международным вопросам», действовать на международной арене «исходя из общей позиции»[26]. При ратификации договора в Москве глава МИДа СССР А.А. Громыко вспомнил слова Кадара, произнесенные на XXIII съезде КПСС, и подчеркнул, что договор обеспечит «тесное сотрудничество Советского Союза и Венгерской Народной Республики на международной арене на основе совместно разрабатываемых позиций, принципов и задач Организации Варшавского Договора»[27].

Выражением возросшего советского доверия к Кадару стало то, что Венгрия с 1 января 1968 г. получила возможность развернуть свой эксперимент по реформированию управления экономикой. Венгерская «*реформа хозяйственного механизма*», как важный элемент кадаровской модернизации, означала далеко не обычную для тех условий попытку предоставить простор функционированию в экономике элементов товарно-денежных отношений и рынка, призванных стимулировать материальное производство. И хотя о реформах тогда задумывались уже в СССР и ЧССР, она являлась новацией, противоречащей постулатам социалистической экономики. Напомним, что ранее в СССР инициатива А.Н. Косыгина, встретив сопротивление партийной верхушки, заглохла. Против нее возражали Брежнев и особенно бывший посол СССР в Венгрии Ю.В. Андропов, занявший в 1967 г. пост председателя КГБ СССР. Последний в свое время резко осуждал реформаторство Имре Надя в ВНР и, согласно воспоминаниям В.В. Крючкова, «опасался, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву нашего социально-политического строя»[28].

Так или иначе с 1968 г. реформа хозяйственного механизма в ВНР заняла чуть ли не центральное место в советско-венгерских отношениях, ей уделялось особое внимание. Москва в конце концов дала согласие Кадару на проведение этого непростого эксперимента, и реформа началась. Вокруг нее, конечно, разгорелись споры, носившие далеко не только экономический характер. Советское отношение к ней было разным: одни настороженно оценивали ее как отход от общепринятых базовых принципов советского типа социализма, другие сомневались в возможностях ее осуществления в тех условиях, третьи, наоборот, объявили ее образцом для подражания. Споры особенно обострились, когда пражские реформаторы также взялись за реформу, которая вышла за рамки экономики. Прага была не столь осторожна, как Будапешт, уже имевший опыт 1953–1955 и печальные уроки 1956 гг. Венгры знали, что Москва не допустит столь далекого отхода от советских стандартов, возможностей общей демократизации строя. Прага же не учитывала, что к реформам в СССР всегда относи-

лись с подозрением. Вторжение в сферу политики, попытка комплексной реформы предрешили судьбу «пражской весны». Ситуация не могла не сказаться и на судьбе венгерской реформы. И хотя Будапешт не получал на то прямых указаний, общая атмосфера привела к ее свертыванию и в ВНР. Там тоже появились собственные противники преобразований, которые, опираясь на неоконсерваторов в окружении Брежнева, воспользовались ситуацией и, выступая в роли «рабочей оппозиции», требовали отказа от реформы, а за кулисами добивались замены Кадара.

После «товарищеской критики»[29] в Москве Кадару в 1972–1975 гг. пришлось нелегко, он был вынужден согласиться на фактическое свертывание реформы. Основной причиной «пробуксовки» венгерской реформы были не внутренние, а внешние факторы, прежде всего, позиция советского руководства. Это подтверждается проектом письма Кадара в ЦК КПСС накануне вторжения войск ОВД в Чехословакию. В нем выражалось недовольство отношением Кремля к реформам в ВНР и ЧССР. «В венгеро-советских отношениях, но еще в большей степени в международных, в оценке вопросов, возникающих между социалистическими странами, в Ваших и наших позициях по этим вопросам, мы все чаще встречаем такие существенные расхождения как по содержанию, так и по методам их решения, которые нас беспокоят... У нас создалось впечатление, что наши принципиальные политические позиции, предлагаемые нами методы, воспринимаются с Вашей стороны с непониманием, оговорками и даже с недоверием, в то же время различия во мнениях и методах не убеждают нас в правильности Вашего поведения»[30], – писал Я. Кадар. Не отправленное по ряду причин письмо отражало реальную ситуацию и в отношениях между странами. Попытка Кадара убедить советское руководство в необходимости реформ в тех условиях явно не могла увенчаться успехом и лишь накалила бы отношения между Брежневым и Кадаром.

Двусторонние советско-венгерские отношения тем не менее продолжали успешно развиваться как в экономической, так и политической областях. Кадару в 70–80-е годы удалось упрочить свои позиции, сохранить доверие советского руководства и приобрести немалый международный авторитет, который стал немаловажным капиталом для ВНР, позволял ему совершать прагматичные «малые шаги», направленные на дальнейшую частичную либерализацию режима. Тому благоприятствовал и хельсинкский процесс, который внес новые элементы в развитие международных отношений, позволил покончить с односторонней блоковой ориентацией, давал возможность приступить к масштабному восстановлению десятилетиями прерванных связей со странами Запада и международными финансовыми организациями. ВНР, как известно, в 1967 г. вела переговоры о вступлении в МВФ и Всемирный банк, но они не получили одобрения брежневского руководства и были прерваны. Советские финансовые учреждения

опасались, что вступление Венгрии в эти валютные организации может вызвать ее уход из социалистического лагеря. Позже ВНР повторила попытку вступления в эти международные структуры, так как привлечение средств в экономику к концу 70-х годов стало для ВНР жизненной необходимостью. Но для этого, как и прежде, требовалось согласие Москвы. Как свидетельствуют материалы заседания политбюро ЦК ВСРП от 20 марта 1979 г., в переговорах с Брежневым был поднят этот вопрос, но тот на него не отреагировал. Ответ был получен позже от секретаря ЦК К.В. Русакова, который вступление социалистического государства в эту финансовую организацию назвал недопустимым по соображениям безопасности и предложил решать проблему в рамках СЭВ, где также не хватало валютных средств.

Ухудшение состояния экономики ВНР в начале 80-х годов вновь заставило Будапешт вернуться к этой проблеме. Кадар, отдыхая летом 1981 г. в Крыму, информировал Брежнева о финансово-экономических трудностях ВНР, о нехватке энергоносителей и необходимости привлечения дополнительных средств в экономику страны, рассказал о намерениях ВНР вступить в МВФ, объяснил, что энергетический кризис, чрезмерный рост цен на энергоносители с 1973 г. чрезмерно затруднили положение страны и она нуждается в серьезных финансовых вливаниях. Того же требовали и экономические программы в рамках СЭВ. Брежнев выслушал Кадара, но своего отношения к проблеме не высказал, не обмолвился и о сложностях в советской энергетике. Вернувшегося на родину Кадара ожидал сюрприз – письмо за подписью Брежнева, где сообщалось, что в связи с ухудшением условий добычи энергоносителей СССР Москва не в состоянии предоставить их Венгрии в объеме, зафиксированном в двустороннем межгосударственном договоре[31]. Такой неожиданный советский отказ выполнить в полном объеме взятые на себя договорные обязательства стал для ВНР, и без этого столкнувшейся с финансовыми трудностями, тяжелейшим ударом, угрожавшим также социальным программам для населения. Получить новые кредиты в тех условиях было затруднительно. Характерно, что в 1974–1979 гг. Венгрия сумела договориться всего о 3,5 млрд. долл. займа, тогда как только на обслуживание внешнего долга к концу периода требовалось уже до 2 млрд. в год[32]. Продолжала расти и рублевая задолженность, стране реально угрожал финансовый кризис.

Лишившись части плановых советских договорных поставок, руководству Венгрии не оставалось иного выхода, как обратиться к Всемирному банку и МВФ. На сей раз это было сделано без предварительных консультаций с Кремлем. Москва лишь за сутки до вручения заявок в эти структуры была извещена о намерениях Будапешта. Общее собрание МВФ и Всемирного банка 5 и 6 мая 1982 г. проголосовало за принятие Венгрии в члены этих организаций.

Долговременная блокировка реформы в ВНР сдерживала возможности экономического роста страны, но, как ни странно, советский интерес к исполь-

зованию венгерского опыта проявился именно в условиях рубежа 70–80-х годов, когда Будапешт, невзирая на возможные возражения, оказался вынужденным вновь обратиться к ее оживлению. И хотя наверстать упущенное уже было невозможно, в СССР именно тогда начали считать Венгрию «испытательным полигоном» реформы. «Реанимация» реформы стала таким образом свершившимся фактом после того, как в СССР осознали, что сверхцентрализация стала тормозом экономического развития, что изменения неизбежны. Как только осенью 1982 г. реформа была публично оценена Кадаром и получила право на продолжение, она заслужила официальной похвалы и самого Кремля. Андропов, под влиянием застойных и кризисных явлений в экономике СССР явно поменявший свое отношение к подобного рода реформам, в апреле 1983 г., откликаясь на выступление Кадара, назвал венгерский опыт реформы «нашей коллективной ценностью» и отметил, что в СССР тоже ведется активная работа в этом направлении[33]. В СССР имели место лишь попытки частичного использования венгерского и югославского опыта, но и они в бытность Андропова у власти не успели развернуться. Долговременное, традиционно отрицательное отношение советского руководства к любым реформам, к любому отходу от прежней практики стандартов и догм явно сдерживало развитие не только СССР, но и его партнеров по блоку.

Сегодня можно лишь предполагать, что произошло бы в случае своевременного перехода СССР к подлинным реформам и как бы это отразилось на странах «реального социализма». Такая возможность появилась лишь с приходом к власти М.С. Горбачёва, но потенциал реформ и тогда не был использован своевременно и рационально. В условиях *перестройки*, когда политическая сфера стремительно демократизировалась, немало говорилось о реформах в экономике, однако конкретных и продуманных, а тем более обоснованных программ преобразований на деле не существовало. «В Советском Союзе экономическая реформа захлебывается в пучине неопределенности»[34], – оценивал ситуацию Дж. Сорос.

Что же касается характера отношений СССР со странами социализма, то здесь с середины 80-х годов произошли глубинные, качественного характера перемены. Они были связаны с изменением общего направления внешней политики СССР и нашли выражение в советском курсе на разоружение, а также в отказе от прежнего патернализма в отношении «младших братьев», в предоставлении им большей свободы и самостоятельности. Последнее проявилось в отказе от «доктрины Брежнева», которая по словам одного из ближайших сотрудников Горбачёва «никогда не выдвигалась официально, но определяла суть советской позиции»[35]. Новая внешнеполитическая линия Горбачёва исходила из «уважения прав каждого народа суверенно избрать пути и формы своего развития»[36]. Идя на эти новые для советской политической практики шаги в

отношениях с союзными странами, отказываясь от прежней монополии в отношениях с ними, горбачёвское руководство фактически отменило прежнюю практику предварительных консультаций и обязательного согласования с Москвой всех своих действий. Возвращая им полноту самостоятельных действий и суверенитет, советский лидер явно рассчитывал укрепить свои позиции и авторитет СССР в мире; он вряд ли допускал возможности будущего развала системы, тесно связанной узами ОВД и СЭВа.

Разумеется, смена советской внешнеполитической доктрины находила конкретное воплощение и во взаимоотношениях с ВНР. Сам Горбачёв, посетив 10–11 июня 1986 г. Будапешт, призвал руководство страны к «коренной перестройке во всей системе межгосударственных отношений». Но в ВНР, как и в других странах советского блока, во второй половине 80-х годов создалась весьма противоречивая ситуация в отношении возможностей новых внешнеполитических действий. Развитие явно тормозилось двумя факторами: внутриполитической ситуацией и устарелыми условиями в рамках социалистического разделения труда, которые, даже вопреки склонности советского руководства частично реализовать венгерские предложения по реформированию СЭВа, встречали сопротивление со стороны ряда других стран-участниц. Кадар приветствовал в лице Горбачёва приход к власти относительно молодого, динамичного советского политика и на начальном этапе возлагал на него большие надежды, однако, возглавляемое им венгерское руководство не сразу осознало, что за горбачёвской концепцией перестройки скрывается нечто большее, чем реформа венгерского типа, оно оказалось неспособным осуществить смену стратегии. Впрочем, данное определение тем более применимо к режимам Н. Чаушеску, Э. Хонеккера или Г. Гусака, которые, опасаясь потери личной власти, вовсе не желали отказываться от прежних «традиционных» методов управления. Однако подлинные перемены не смогла инициировать и кадаровская гвардия. Хотя Горбачёв относился к Кадару с уважением, между ними особой привязанности не возникло. Эти лидеры принадлежали к разному поколению политиков. Поэтому уход Кадара весной 1988 г. с вершины пирамиды партийно-политической власти в ВНР, его замена на более молодого генсека – Кароя Гроса – произошли спокойно, не вызывая возражения Москвы, равно как и осуществление последним фактически полной смены кадаровской правящей элиты, что дает основания некоторым исследователям говорить о «дворцовом перевороте». Кадар некоторое время еще оставался на номинальном посту председателя ВСРП, ездил в Китай для изучения тамошнего опыта, попутно останавливался в Москве, консультировался с Горбачёвым, но вскоре был отстранен от всех дел.

Весной 1988 г. фактически завершился собственно кадаровский период почти 32-летнего, относительно спокойного развития советско-венгерских отношений. Наступавший новый этап их развития по времени совпал с углублением

системного кризиса социализма советского типа, переходным состоянием и фактическим крахом коммунистических режимов в европейском ареале, сопровождавшимися политической и социальной нестабильностью и закономерным переходом общества стран региона к парламентской демократии и рыночной экономике. Условия кризиса, переходное состояние общества и политики, смена политических элит, кардинальная ломка прежних устоев и порядков на рубеже 80–90-х годов наложили свой отпечаток на дальнейшее развитие отношений Венгрии с СССР и его правопреемницей – Российской Федерацией, с которой сепаратные межгосударственные связи начали налаживаться еще в советскую эпоху. Но это уже новые страницы взаимоотношений двух стран, требующие отдельного и самостоятельного анализа.

Литература

1. См.: Советско-венгерские отношения. 1945–1948 гг. Сборник документов и материалов. М., 1969.

2. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. – С. 464–467.

3. A «Jelcin-dosszié». Szovjet dokumentumok 1956-ból. Bp. 1993. 96. old.

4. A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületének jegyzőkönyvei. I. köt. Bp. 1993. 28. old.

5. U.o., 72. old.

6. Dokumentumok. Szovjet-magyar katonai tágyalások Moszkvában, 1957. Január 28 – február 1 // Múltunk, 1997. 1.sz., 112–130. old.

7. Советско-венгерские отношения 1948–1970 гг. Документы и материалы. М., 1974. – С. 135–142.

8. Pritz Pál. Magyarország helye a 20. századi Európában // Magyarország helye a 20. századi Európában. Bp., 2002, 41. old.

9. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 28. Ед.хр. 294. Л. 93–94.

10. Там же. – С. 104–124.

11. Там же. – С. 107–108.

12. Там же. – С. 115–116.

13. Архив Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М., 2003. – С. 210–211.

14. Békés Csaba. Magyar-szovjet csúcstalálkozók 1957–1965 // 1956-os Intézet. Évkönyv VI. Bp., 1998. 157. old.

15. Földes György. Kádár János külpolitikai nézetei (1957–1967) // Magyarország helye a 20. Században. Bp., 2002, 139. old.

16. «Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик» № 15, 8 апреля 1964 г.; Népszabadság. 1964. április 4.

17. Fülöp Mihály, Sipos Péter. Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998, 435. old.

18. Békés Csaba. Op. cit., 164–165. old. (Док. № 4).

19. Ibid., 147, 166–178. old. (Док. № 5).

20. Ibid., 164–165. old. (Док № 4).

21. Népszabadság, 1965. Január 31.

22. Békés Csaba. Op. cit., 149. old.

23. Fülöp Mihály, Sipos Péter. Op. cit., 437. old.

24. Кадар, Янош. Избранные статьи и речи. М., 1970. – С. 123.

25. Советско-венгерские отношения 1948–1970. – С. 450–454.

26. Там же. – С. 451, 453.

27. «Известия», 1 ноября 1967 г.

28. Крючков, В. Личное дело. Часть первая. М., 1996. – С. 80.

29. Pritz Pál. Op. cit., 45–46. old.

30. Népszabadság, 2003. Október 21.

31. Huszár Tibor. Kádár János az 1980-as években // Múltunk, 2003., 1.sz., 12–13. old.

32. Szakács Sándor. Op. cit., 180. old.

33. Huszár Tibor. Op. cit., 37. old.

34. Сорос, Джордж. Идеи Горбачёва: новое мышление в Советском Союзе // Центрально-Европейский Ежегодник 2003. М., 2003. – С. 304.

35. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001. – С. 239.

36. За новое политическое мышление в международных отношениях. Документы и материалы. М., 1987. – С. 40.

М.В.Шубина

ЕВРОПЕЙСКИЕ УЛЬТРАПРАВЫЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Шубина Мария Владимировна – аспирант МГИМО(у) МИД РФ.

Появление и успех праворадикальных партий в странах Европейского союза (ЕС) стали ответом на глубокие сдвиги, происходящие в этом регионе. Меняющееся понятие государственного суверенитета, новые правила игры для стран, участвующих в наднациональных объединениях, принципиально иное понимание национальной и культурной идентичности как на уровне индивида, так и на уровне общества – все это способствовало усилению ультраправых идей. Важно подчеркнуть, что речь идет о новой фазе развития европейского правого радикализма. На сегодняшний день ультраправые партии в странах ЕС – это легальные структурированные движения с идеологиями, приемлемыми для либерального европейского общества. Даже если партийные лидеры зачастую позволяют себе неоднозначные, расистские высказывания, то в официальной программе грань дозволенного не переступается. Кроме того, это не прежние разрозненные неофашистские группировки: за последние десятилетия ультраправые заняли прочное место на политической арене и заручились постоянной поддержкой определенной группы избирателей. Такая ситуация неразрывно связана с интенсификацией процессов интеграции и ускорением глобализации в европейских странах: несмотря на внешнее благополучие, в развитых западных государствах происходит ряд кризисных явлений.

Возникает целый ряд факторов, объективно способствующих росту правого радикализма. Их можно сгруппировать по четырем основным направлениям – экономические, политические, идеологические и социальные. Причем все они тесно взаимосвязаны. Так, кризисные явления в экономике западных стран, порожденные глобализацией, ведут к усилению социальной и культурной фрагментации в обществе. Политические изменения в рамках ЕС, когда страны-члены постепенно утрачивают суверенность, а наднациональная европейская бюрократия не поддается демократическому контролю со стороны отдельного государства, отражаются в идеологической сфере. Индивиды ощущают утрату собственной национально-культурной идентичности, привязанной к традиционному суверенитету, а никакой достойной альтернативы наднациональное объе-

динение предложить гражданам пока не может. Ультраправые силы, манипулируя настроениями масс, обретают статус респектабельных и легальных партий, с которыми приходится считаться.

С точки зрения экономики, Европа на сегодняшний день представляет собой гигантский наднациональный организм, потребляющий ресурсы из стран Третьего мира и поставляющий взамен технологии и наукоемкую продукцию. Страны ЕС включены в мировую систему разделения труда и теоретически должны подчиняться законам глобализации и мирового рынка. Однако принципы национального государства диктуют иной подход – протекционистский. Он проявляется в вопросах организации национального производства, деятельности компаний. Искусственным образом поддерживается уровень зарплат национальным кадрам и на гораздо более низком уровне – трудовым мигрантам.

Разрыв между бедными и богатыми в Западной Европе постоянно увеличивается. На долю 10% самых бедных французов приходится 2,3% национального дохода, а 10% самых богатых владеют 27% национального дохода[1]. По подсчетам некоторых ученых, распределение средств и ресурсов в стране сегодня так же неравномерно, как накануне Великой французской революции[2]. Рекрутируемые в бывших колониях иностранные рабочие заведомо не могут получать зарплату выше определенного уровня. Они занимают низкооплачиваемые ниши на рынке труда и практически не имеют шансов вырасти ни в профессиональном, ни в социальном плане. Отсутствие гражданских прав не дает им возможности выражать свои интересы на политическом уровне. В результате складывается своего рода порочная цепочка: «иммиграция – востребованность вновь прибывших лишь в ограниченном секторе экономики – неспособность государства интегрировать всех иммигрантов – безработица – рост социальной напряженности – рост преступности».

В политической сфере в странах Западной Европы становятся очевидными ослабление авторитета традиционных партий и нарастание влияния маргинальных движений и организаций. Деидеологизация левых движений и смещение к центру консервативных партий (размывание размежевания по линии «левые – правые») ведут к их превращению в глазах граждан в аморфную группу политиков-профессионалов. В странах ЕС сегодня существует большое число избирателей, не имеющих твердых партийных привязанностей или готовых их легко поменять. Электорат критикует партии за стремление к «власти ради власти». Само понятие политической борьбы сводится к чередованию кабинетов, с незначительным отклонением от общего курса после прихода к власти системной

1. Данные цит. по: http://www.ambafrance.ru – 02.07.2004.

2. Пути, ведущие в грядущее тысячелетие. Проблемы и перспективы // Мир науки. – Режим доступа: http://www.mir-x.ru/mir/article_read.asp?id=747&page=2.

оппозиции. Многие избиратели руководствуются чисто прагматическими соображениями.

Все эти политические факторы обусловили успех новых движений, претендующих на власть. Ультраправые партии не предлагают альтернативной программы. Они говорят на понятном для избирателя языке, критикуют истеблишмент за неудачные реформы (пенсионную, социального обеспечения), разоблачают коррупцию в высших эшелонах власти и за счет этого находят живой отклик и поддержку у электората.

Ультраправые вышли на авансцену с новым образом врага – это иммигранты и беженцы. Согласно логике ультраправых, вновь прибывшие либо вот-вот дестабилизируют социально-экономическую и политическую обстановку, либо уже являются основной причиной существующего кризиса. Риторика этих националистических сил апеллирует не к абстрактным идеалам, а к повседневным реалиям.

В идеологической сфере также назревает кризис. Люди склоняются к тому, чтобы «определять свои общности с помощью дополнительных критериев», в частности, через принадлежность к определенной этнической группе. Причем такая самоидентификация на бытовом уровне зачастую происходит при враждебном восприятии «иных» и «чужаков», что «порождает этнонационализм, ксенофобию и расизм»[3]. Такие настроения искусственно подогреваются ультраправыми движениями.

Представители демократического центра, современные либералы выступают с альтернативной концепцией нации граждан, единого «плавильного котла». Иными словами, они ратуют за установление связи «человек – государство» без посредника в лице этноса. При этом отнюдь не исключается двойная или множественная идентификация индивидов. Подразумевается, что государство и культура не унифицированы, а политическое гражданство отделено от этнической идентичности. Примером этой работающей модели являются Швейцария (с франко-, итало-, германо- и ретороманоговорящим населением, притом что все они ощущают себя швейцарцами) или Испания (самоощущение гражданина одновременно как каталонца и испанца). Однако предлагаемая формула касается коренных этнических групп. Когда же речь заходит об иммигрантах, либеральная концепция нации граждан часто не работает, поскольку новоприбывшие не воспринимаются большинством населения как сограждане. Кроме того, исторические этнические группы, даже будучи национальными меньшинствами, в большинстве случаев имеют свои территории либо вековые традиции проживания, интегрированности в культуру и традиции страны. В случае с иммигрантами этого нет.

3. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 119.

Коррумпированность старой партийной элиты также является одним из факторов успеха ультраправых движений в странах Европы. Во время президентских выборов во Франции в 2002 г. в оппозиционной прессе появился лозунг «Выбери между фашистом и мошенником». Автор подразумевал вышедших во второй тур Жана-Мари Ле Пена и Жака Ширака соответственно. И если жесткие заявления и агрессивные намерения лидера Национального фронта в отношении иммигрантов были известны практически всем (вспомнить хотя бы массовые антилепеновские демонстрации в крупнейших городах страны), то сомнительные действия президента Ширака в целом остались вне общественного внимания. Однако финансовые скандалы не проходят даром для властей предержащих и способствуют резкому падению их популярности.

Среди наиболее распространенных форм коррупции – незаконное финансирование, поступающее от крупных фирм на партийные счета в обмен на государственную поддержку и крупные госзаказы. Бизнес перечисляет партиям деньги в виде оплаты консалтинговых услуг – это практика завышенных гонораров. Кроме того, членам партий, от которых зависят необходимые решения, делаются дорогостоящие подарки и предоставляются бонусы компании. Наряду с этим остаются и прямые взятки: так, нефтяная компания «Эльф-Акитэн» в течение четырех лет перевела на счета министра иностранных дел Ролана Дюма и его окружения около 10 млн. долл. в виде комиссионных при заключении незаконных сделок[4].

Немаловажно, что каналы связи между правящими партиями и крупным бизнесом существуют вне зависимости от смены политических элит и идеологической направленности власть имущих. Меняются только политические фигуры или руководящий менеджмент компаний, но механизм остается прежним. За последние десятилетия в коррупции оказались замешаны и правые, и левые, а иногда одновременно представители и тех, и других. Противоречие принципов, декларируемых системными партиями, и их реальных действий по получению в свою казну средств, зачастую криминальных, заставляет потенциальных избирателей пересматривать свои политические предпочтения. В результате набирают очки крайние партии – ультра, которые выдвигают популистские лозунги и в полный голос критикуют прежние политические элиты.

Однако основной причиной усиления ультраправого движения в современной Европе остается фактор иммиграции. Будучи объективным следствием глобализационных процессов, иммиграция становится «провокатором» национального чувства. Ультраправые силы используют ее, чтобы подогреть настроения шовинизма и ксенофобии.

---

4. Pujas V. Corruprion via party financing in France. – Режим доступа: http:// www.svoboda.org/ hotnews/2001/02/03/33.asp?newstopic= (61 КБ).

На сегодняшний день большинство лиц, прибывающих в развитые страны Западной Европы с намерением обосноваться там навсегда, – это выходцы из стран Третьего мира. Причем здесь появились определенные закономерности. Во-первых, среди иммигрантов значительную часть составляют граждане бывших колоний, что свидетельствует о сохранении давних связей «метрополия – колонии»[5]. Так, индийцы и пакистанцы переселяются в Великобританию, бывшие жители Заира – в Бельгию. Во-вторых, сложились традиции приема беженцев из определенных стран (сомалийцев – в Дании, выходцев из республик бывшей Югославии – в Швейцарии и Швеции)[6]. В некоторых странах состав иммигрантов достаточно однородный: в Люксембурге, Финляндии на долю выходцев из трех стран-доноров приходится половина общего числа новоприбывших; в других – Германии, Нидерландах, Дании, Швеции – этот показатель однородности не превышает одной четверти. На эти государства пришлось также основное воздействие различных волн иммиграции – сначала турки и поляки, затем иммигранты новой волны – выходцы из Центральной и Восточной Европы – в Германии, беженцы с Балкан – в Нидерландах.

По данным на 2002 г., общая численность легальных иммигрантов в Западной Европе составила 23 млн. человек, а их доля в населении региона – 4,5%[7]. Причины этого явления носят как объективный, так и субъективный характер. Объективные связаны с глобальными процессами интернационализации экономики, неравномерностью развития стран и с новой волной индустриализации. Субъективные – с индивидуальной оценкой индивида собственного социально-экономического статуса. Экономическая выгода переселения для индивидов очевидна. В результате происходят своего рода реколонизация Европы, внутренняя азиатизация и арабизация стран континента по потребительским мотивам[8]. Это обостряется еще и тем, что в современную информационную эру благодаря новейшим средствам коммуникации, в том числе глобальной сети Интернет, Европа виртуально присутствует повсюду, становится близкой и манящей для потенциальных иммигрантов. Существуют также семейная и гуманитарная иммиграции – привилегированные формы, которые постепенно благодаря государственному регулированию ЕС становятся преобладающими.

---

5. Во Франции – это выходцы из Северной Африки, причем пятая часть всех иммигрантов – алжирцы, в Великобритании – две трети всех иммигрантов из стран Британского Содружества Наций (по данным справочника: L'Etat du monde en 2002. – P., 2001. – С. 128).

6. Les migrations internationales: tendencies et enjeux // Problemes economiques. – P., 2000. – N 2656/2657. – С. 15.

7. Данные по: Лопухина Т. Европейский дом: Добро пожаловать – вход закрыт. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru.

8. Федотова В. Терроризм и глобализация // Космополис. – М., 2003. – № 5.

Законодательные инициативы по вопросам регулирования иммиграции в большинстве европейских стран предпринимаются по трем основным направлениям: поощрение притока высококвалифицированной рабочей силы по ограниченному набору специальностей; более строгие правила, касающиеся легализации статуса прочих иммигрантов, и ужесточение санкций в отношении нелегальных переселенцев.

После 1 мая 2004 г., когда западная часть Европы открыла границы для новых членов Европейского союза, из Восточной Европы пошел новый приток иммигрантов. Однако найти работу, оплачивать дорогое европейское жилье оказалось довольно непростой задачей. Хотя новое иммиграционное законодательство предусматривает отмену видов на жительство для всех граждан ЕС, устанавливается своего рода иерархия. При трудоустройстве прерогатива на рабочее место будет отдана гражданину страны, затем гражданину из государства – старого члена ЕС и только потом гражданину из страны – нового члена Европейского союза. Впрочем, тут же уточняется, что в дальнейшем такой порядок будет отменен.

В настоящий момент основная масса иммигрантов, прибывающих в Западную Европу, оседает в столицах и мегаполисах. Большие города быстро превращаются в поликультурные сообщества. Появляются целые кварталы иностранцев, которые затем трансформируются в своего рода гетто: арабские кварталы во Франции, пакистанские и индийские – в Великобритании, турецкие – в Германии.

В сознании коренных жителей стран Западной Европы иммиграционная политика все больше ассоциируется с национальной безопасностью. Угрозой для населения становится рост преступности в среде иммигрантов: и не за счет их склонности к противоправным действиям, а в связи с отсутствием интеграции в социум. В отношении иммигрантов либеральные подходы, ориентированные на индивида, не работают. Их сменяет политика групповых репрезентаций, которая идеологически скрепляет новые общины, коммуны, деревни[9]. Этнический национализм создает новые социальные связи, которые носят расовый, этнический, конфессиональный характер. Постулируется, что эти общности необходимо защищать от иных.

Социальная напряженность присутствует в любом современном обществе. Приток населения в крупные города и промышленные центры опережает рост занятости – это объективный фактор социальной напряженности. Вместе с тем реформы и парадоксы роста нередко связаны с пробелами и ошибками в действиях властей, которые чаще всего очевидны не на государственном, а на региональном и местном уровнях. Националистические партии и движения воз-

9. Федотова В. Терроризм и глобализация // Космополис. – М., 2003. – № 5.

лагают вину за все эти проблемы на «иных». Безработица, проблемы места жительства, дефицита образования сводятся к культурно-этническому неравенству.

Направить энергию общественного недовольства в русло этнической ненависти – довольно эффективное политическое средство. Вместо решения рутинных проблем занятости, образования, социального обеспечения все внимание переключается на «столкновение цивилизаций» в отдельно взятом районе. Этнический национализм инструментализирует страхи населения и предлагает простые объяснения и простые решения на основе градации «свои – чужие». Доходчивые лозунги и мощная мобилизационная сила этой идеологии способствуют ее быстрому и повсеместному распространению.

Антииммиграционные инициативы подобных движений уже давно не сводятся к призывам депортировать чужаков. Теперь националисты ратуют за политику, обеспечивающую принятие иммигрантами западных ценностей. В частности, от иммигрантов требуют отказаться от дискриминации женщин, проявлять большую терпимость к культуре принимающей стороны, уважать права меньшинств, в том числе сексуальных. Дискуссия вокруг ношения женщинами-мусульманками в европейских странах головного платка – так называемого хиджаба – тоже пример из этой области. Националистические движения представили этот факт как противоречие принципу светскости, обвинили ислам в нетерпимости и несовместимости с либеральными ценностями. Они требуют принудительной ассимиляции иммигрантов, приводя доводы о необходимости соответствия их поведения определенным общественным стандартам. При этом концепты социального многообразия, культурного плюрализма, столь популярные в западном дискурсе, отошли на второй план.

Один из важнейших аспектов конфликтности между коренным населением Западной Европы и иммигрантами – маргинализация последних. Значительная часть новоприбывших оказалась вне действия западной социальной солидарности. Последствия этого ощутимы для общества в целом. Во-первых, это рост социальной напряженности, которую можно контролировать только репрессивными мерами, – строительство тюрем превращается в целую индустрию. Во-вторых, возникновение гетто, отравляющих всю инфраструктуру районов и городов. Наконец, отчуждение части населения ведет к размыванию нравственности сообщества, что подрывает силу демократического гражданства и ведет к официальному признанию двойных стандартов в отношении разных групп индивидов[10].

---

10. Хабермас Ю. Европейское национальное государство, его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 378.

В ответ на это иммигранты, еще как-то подстраиваясь в экономической сфере, на культурном уровне поднимают своеобразный мятеж, зачастую подвергая обструкции систему норм и принципов принимающей страны. Вопрос культурной идентичности для Европы очень важный и болезненный, особенно сейчас, когда наднациональный организм подминает под себя национальные различия. Выдвигаются «религиозные проблемы сосуществования»[11] жителей страны и новоприбывших, особенно ощутимые, когда речь заходит об исламе, второй по численности конфессии в Западной Европе. По разным данным, сейчас на территории стран ЕС проживают около 20 млн. мусульман[12]. Западные ценности прав человека, принцип отделения церкви от государства наталкиваются на традиционные ценности ислама (в частности, неравноправие мужчин и женщин, практика телесных наказаний и т.д.). В этой ситуации религия приобретает мобилизационный характер и начинает служить созданию «образа врага и бичеванию иных»[13], становится питательной почвой для этнического национализма – как для стороны принимающей, так и для иммигрантов.

В основе мобилизующей идеологии национализма – упрощенные исторические трактовки, такие, как «этническая территория», «историческая родина». По меткому сравнению современного английского философа Эрика Хобсбаума, историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина[14]. Прошлое этнической группы рисуется как «золотой век», и такая ретроспектива служит стимулом для активных действий. В настоящий момент в Европе развиваются две разнонаправленные тенденции: параллельно с ростом мобильности и неоднородности населения стран усиливается интерес индивидов к локальным культурам и восстановлению этнических связей и традиций. На смену национально-государственной солидарности граждан все чаще приходят объединения, основанные на этнической идентичности людей. И чем больше приток мигрантов в тот или иной европейский регион, тем громче заявляют о себе местные националистические партии.

За последние десятилетия праворадикальные движения в Европе уже обрели четко выраженную пострановую специфику. Во Франции – это христианские интегралисты из Национального фронта. Их партийная идеология представляет собой синтез традиционных католических ценностей, антиамериканизма и представлений об особой роли Франции в Европе и мире. Еще одно мощное ультраправое движение – австрийская Партия свободы, которая стараниями

11. Альтерматт У. Указ. соч. – С. 126.

12. Режим доступа: http://www.politcom.ru

13. Kepel G. La revanche de Dieu. Chretiens, juifs et musulmans a la reconquete du monde. – P., 1991.

14. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм // Нации и национализм. – М., 2000.

своего идеолога – политика-популиста Йорга Хайдера в апреле 2005 г. фактически переродилась в Пакт будущего Австрии. Эта партия не скрывает своей расистской направленности: Йорг Хайдер не раз позволял себе хвалить политику Гитлера и оправдывать нацистское прошлое; призывал к высылке иммигрантов за пределы страны и ужесточению въездного законодательства, а также к отмене социальных пособий для новоприбывших. Схожую расистскую позицию занимают ультраправые Германии и швейцарская Народная партия, которая в последние годы стабильно набирает на выборах около 20% голосов. В Италии с 2001 г. у власти прочно закрепилось Итальянское социальное движение – неофашистская партия медиамагната Сильвио Берлускони, причем он привлек в правящую коалицию сепаратистов из Лиги Севера.

Триумфальное шествие ультраправых по Европе стало явлением последнего десятилетия. Жестко критикуя правящую элиту за проволочку с решением актуальных проблем и выдвигая заведомо неосуществимые альтернативные проекты, эти партии смогли стать системным игроком на европейской политической сцене. Парламентские выборы 1999 г. в Бельгии оказались весьма успешны для сепаратистского Фламандского блока (почти 10%). В 2001 г. в национальных парламентах закрепились Датская народная партия с 12% голосов и Партия прогресса в Норвегии (15%, 26 депутатских мандатов)[15]. В Швеции, где традиционно сильны социал-демократы, правоэкстремисты смогли закрепиться в парламенте – получили 25 мест в 2000 г.

Самая мощная партия такого толка – французский Национальный фронт во главе с политиком-популистом Жаном-Мари Ле Пеном, который действует на политической сцене более тридцати лет. Кульминацией его карьеры и самым высшим достижением французских ультраправых стали президентские выборы 2002 г.: Ле Пен вышел во второй тур, соперничая с самим Жаком Шираком, до этого пять лет занимавшим президентский пост. И хотя всего несколько месяцев спустя на парламентских выборах Национальный фронт продемонстрировал гораздо более скромные успехи, он остается внушительной силой как в региональном масштабе (за его представителями – ведущие позиции в муниципалитетах юга Франции), так и в национальном.

Ростом своей популярности Национальный фронт обязан, в частности, явлению так называемого «культурного джихада»[16]. В связи с тенденцией увеличения арабского населения позиции ислама постоянно укрепляются в исконно католической Франции. По официальным данным, на сегодняшний день в стра-

---

15. Цит. по: L'etat du monde – annuaire economique geopolitique mondial 2002. – P., 2001.

16. Прытков Р. Ультраправый фланг Европы. – Режим доступа: http:// www.pravda.ru – 01.08.2005.

не насчитывается около 6 млн. мусульман, по неофициальным подсчетам – на треть больше[17]. Причем значительная часть этих людей – нелегальные иммигранты, без документов и постоянного места работы. Кроме того, динамика рождаемости в мусульманских семьях в несколько раз превышает показатели для французских пар. По словам муллы Омара из Бордо, «если француженки не хотят рожать, чтобы не возиться со своими детьми, им придется понянчиться с нашими»[18]. По всей стране открываются новые религиозные школы, мечети – их на сегодняшний день уже 1300, действуют 2000 исламских ассоциаций. Все это дает повод политикам-радикалам утверждать, что стране угрожают чужеземная культурная экспансия и потеря национальной идентичности.

Ле Пен сделал это «нашествие варваров» одним из ключевых пунктов своей программы, однако при этом не допустил откровенно расистских высказываний, которых во французском обществе с давними традициями толерантности и политкорректности ему бы наверняка не простили. Опытный политик представил ситуацию под таким углом, что решил сразу две задачи, – заявил об актуальной и нерешенной социальной проблеме и дискредитировал правительство: «Ответственность за неконтролируемую иммиграцию лежит не на переселенцах, а на французском правительстве»[19]. Кроме того, Национальный фронт увязывает явление иммиграции и проблему занятости. Партия предлагает следовать «принципу национального предпочтения» при найме сотрудников на работу. При этом акцент делается на том, что ультраправые предлагают обществу «не избавиться от арабов, а помочь безработным»[20].

Похожие позиции занимает и лидер австрийских ультраправых Йорг Хайдер. Он апеллирует к среднему классу, на который ложится основное налоговое бремя. Сократить отчисления от зарплаты политик предлагает за счет упразднения социальных пособий для иммигрантов: «У нас есть работа для тех, у кого низкая квалификация. Но если вы посмотрите на статистику безработицы среди иммигрантов, вы увидите, что среди них безработных вдвое больше, чем среди австрийцев. Приезжая в нашу страну, эти люди рассчитывают на высокооплачиваемую работу, но не могут ее получить. В результате они живут на пособия, причем лучше, чем им бы жилось у себя на родине. Эти люди нам не нужны, и не надо на них тратить деньги»[21].

---

17. Прытков Р. Ультраправый фланг Европы. – Режим доступа: http:// www.pravda.ru – 01.08.2005.

18. Там же.

19. Из выступления Ж.-М. Ле Пена на съезде НФ в Ницце, 31.10.1982 – цит. по: Le Monde. – P. 1982. – 2 nov.

20. Closet Francois de la grande manip. – P., 1990. – C. 241.

21. Из интервью с Йоргом Хайдером – The Man and His Message // Time Europe. – Bruxelles, 2000. – 14 fev.

Кроме того, глава австрийских ультраправых разыгрывает ту же карту угрозы потери национальной идентичности. По словам Хайдера, разрушительное влияние мусульманской культуры, которую несут иммигранты, должно быть нивелировано путем ассимиляции и интеграции вновь прибывших либо посредством их депортации из страны[22]. Иначе, по мнению лидера ультраправых, последствия для австрийской культуры будут катастрофическими.

Под давлением Партии свободы[23] уже в конце 1990-х годов действующее правительство социал-демократов и консерваторов было вынуждено ужесточать политику в отношении новоприбывших. После непростой подготовки и доработок в 1998 г. в Австрии вступает в силу новый закон об ограничении иммиграции, самый суровый в Европе. Весной 1999 г. министр внутренних дел от социал-демократической партии Карл Шлёгель заявляет, что в Австрии будет нулевая иммиграция[24]. Однако расчет на привлечение симпатий избирателей не оправдывается. Ультраправые идут еще дальше и требуют отрицательной иммиграции – иными словами, высылки из страны иждивенцев и криминальных элементов.

Не желая оплачивать меры по социальной интеграции вновь прибывших и ощущая в наплыве иммигрантов скрытую угрозу (а на сегодняшний день 9% жителей – иммигранты, причем две трети – извне зоны ЕС[25]), многие австрийцы голосуют за АПС, даже не интересуясь остальными пунктами ее программы. Так, на выборах в октябре 1994 г. Партия свободы получила 22,6%, что вывело ее на первое место среди других европейских ультраправых. А уже в октябре 1999 г. партия Хайдера заняла второе место, финишировав с небольшим отрывом от социал-демократов и набрав, как и консерваторы, около 27% голосов. Таким образом, ультраправое движение впервые смогло войти в правительство; в феврале 2000 г. Партия свободы закрепляется в коалиции на правах младшего партнера.

Тем не менее европейские политики не простили австрийским консерваторам союза с правыми радикалами, которых до этого негласно держали в политической изоляции. В Брюсселе было решено свести до минимума контакты с Австрией, ограничив их лишь техническими встречами. Таким образом, перед ЕС встала дилемма – что важнее: суверенитет нации, которая законным путем выбрала себе правительство, или примат личности, чьи права избранные поли-

---

22. Куранов А. Эффект Хайдера // Независимая газ. – М., 2000. – 10 февр.

23. Полное название – Австрийская партия свободы (АПС).

24. Salzmann M. The far-right Austrian Freedom Party under the magnifying glass// Scharsach H., Kuch K. Haider – a shadow over Europe. – Vienna, 2000.

25. Тэвдой-Бурмули А. Формирование правительства с участием ультраправых в Австрии: Случайность или закономерность? – Режим доступа: http://aes.org.ru.

тики-маргиналы грозят попрать. Эти опасения обоснованы: в связи с одиозными высказываниями лидера Партии свободы у австрийских ультраправых складывается репутация профашистского движения.

У Хайдера уже вошло в привычку допускать так называемые «словесные срывы». Так, в феврале 1995 г. лидер АПС во время парламентских прений делает «оговорку», назвав концлагеря Второй мировой войны «исправительными лагерями»[26]. В сентябре того же года он неожиданно посещает съезд ветеранов частей Ваффен-СС и публично называет их «добропорядочными воинами», которые могли бы служить примером для австрийской молодежи[27]. Также он клеймит планы правительства произвести денежные выплаты жертвам Холокоста: «Было бы неправильно, чтобы все наши налоги утекали в Израиль». Эти одиозные высказывания игнорируются интеллигенцией как примитивные и недостойные критики, однако среди широких слоев населения происходит коренной поворот: Хайдера считают политиком, который говорит «досадную, нелицеприятную правду».

Особняком среди европейских ультраправых парий стоит голландское движение «Список Пима Фортайна». При жизни его лидер не раз дистанцировался и от Ле Пена, и от Хайдера и им подобных. В отличие от многих радикальных националистов, которые обходили стороной постулаты Декларации прав человека и традицию уважения индивида, восходящие еще к эпохе Просвещения, Фортайн предлагал своего рода «просвещенный национализм». Его нельзя отнести к фашистам, ведь более всего он критиковал в иммигрантах нетерпимость к сложившимся в Нидерландах традициям свободы.

Эта «нетерпимость к чужой культурной нетерпимости» была краеугольным камнем политических убеждений Фортайна: «Мы должны интегрировать этих людей. Они обязаны признать, что в Голландии издавна существует культура равноправия полов и толерантности к различному образу жизни»[28]. Такая позиция далека от тотального неприятия иностранцев французским Национальным фронтом или австрийской Партией свободы. Эта концепция скорее близка идеологии американских консерваторов: интеграция общества на основе толерантного отношения к потребительскому капитализму и доминирующей политической идеологии. По мере того как социум становится слишком разнородным по составу – этническому, религиозному, политическому, – им все сложнее управлять. И тогда отдельные политики говорят о необходимости «насильственной интеграции и приоритете толерантности во имя сохранения прогрессивных ценностей общества»[29].

---

26. Haider J. – key quotes – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk
27. Цит. по: Haider in his own words // Time Europe. – Bruxelles, 2000. – 14 fev.
28. Цит. по: Bertsch Ch. Whose Good Fortune? // Guardian. – L., 2002. – 31 May.
29. Ibid.

Пим Фортайн включился в предвыборную гонку не во главе партии – общенационального движения, имеющего своих сторонников, разработанную программу и электоральную базу, а возглавляя «Список» своего имени. Лишь опираясь на свою репутацию и скандальное имя, Фортайн смог за несколько недель заручиться поддержкой значительного числа избирателей и вплотную подошел к первому месту в социологических опросах. За 9 дней до выборов Пима Фортайна убили, но его соратники, за редким исключением никому не известные, получили 26 из 150 мест в парламенте и даже вошли в недолго просуществовавшую правящую коалицию. Это рекордный результат для новой партии на своих первых выборах. И по данным аналитиков, если бы сам Фортайн был жив, эта цифра могла быть около 28%, т.е. столько, сколько в итоге получили победители – христианские демократы.

Привлекательность для электората была обусловлена способностью лидера партии нарушить табу и «во всеуслышанье заявить то, о чем все только думают»[30]. Сам лидер голландских ультра был заметной и весьма влиятельной фигурой на политической сцене страны. Профессор социологии, публицист, частый гость в телевизионных ток-шоу, автор эссе «Европа без души» и «Нидерланды задыхаются». Для своих работ Фортайн избрал весьма редкую и малоразработанную в Нидерландах тему – об упадке страны, разложении правящей элиты и об угрозе исламизации голландской культуры[31]. В отличие от многих других исследователей, он писал не о «проблемах интеграции», а открытым текстом заявлял о своих антииммиграционных взглядах. Кроме того, Пим Фортайн открыто демонстрировал свой достаток, притом, что в Нидерландах даже весьма обеспеченные люди не афишируют свой доход, свою нетрадиционную сексуальную ориентацию и несогласие с общепринятыми утверждениями.

По словам Фортайна, Нидерланды были свободной и толерантной страной до тех пор, пока туда не хлынули неконтролируемые потоки иммигрантов, которые стали насаждать свои порядки. Кроме того, иммигранты сформировали опасные преступные сообщества, терроризирующие коренное население. «Марокканцы ведь не грабят самих марокканцев, вы никогда этого не замечали», – заявлял политик. Таким образом, чтобы восстановить прежний «золотой век» свободы и безопасности, Фортайн предлагал не принимать больше иммигрантов, а тем, кто просит политического убежища, предоставить «палатку и немного еды»[32] у них же на родине.

---

30. The political legacy of Pim Fortune // Economist. – L., 2002. – 11–17 May.

31. Одна из книг П. Фортайна так и называется «Против исламизации культуры Нидерландов».

32. Там же.

Основные пункты программы партии «Список Пима Фортайна» сводились к следующему:

– прекратить иммиграцию неевропейцев в страну;

– ужесточить пограничный контроль;

– интегрировать уже живущих в Нидерландах выходцев из других стран;

– заставить мусульман принять либеральные ценности;

– ужесточить уголовное законодательство;

– начать борьбу с бюрократизацией, уволив 25% госслужащих;

– положить конец практике сделок и компромиссов в политической жизни Нидерландов;

– сократить отчисления в бюджет Европейского союза.

После гибели своего лидера партия раскололась. Те ее члены, которые вошли в правительство, также не смогли согласовать свои позиции по насущным и стратегическим вопросам. В результате в октябре 2002 г. партнеры членов «Списка Пима Фортайна» по коалиции – христианские демократы и либерал-консерваторы – приняли решение о роспуске правительства. Таким образом, ультраправые пробыли у власти всего 86 дней. К выборам в январе 2003 г. партия смогла немного поправить ситуацию и получила восемь мест в парламенте. Однако внутренняя борьба среди наследников Фортайна продолжилась, и о былом успехе сейчас не может быть речи. В новое коалиционное правительство «Список Пима Фортайна» уже не попал.

Одна из важнейших особенностей всех европейских ультраправых партий – это их резко негативное отношение к процессам интеграции в регионе. В условиях объединяющейся Европы они стали мощной силой, препятствующей форсированной интеграции. С определенной точки зрения, эти движения, приобретающие все большую электоральную поддержку, превратились в сдерживающий фактор, локализующий суверенитет и стабилизирующий национальное государство и общество.

Если обратиться к конкретным примерам, не только критические заявления по вопросу иммиграции, но и антиевропейские лозунги служат успеху Национального фронта во Франции. Процесс объединения Европы обостряет вопросы национальной идентичности. Неприятие ЕС, его директив и властных структур, политики поглощения национального суверенитета государства служит прочной основой для успеха риторики партии Ле Пена во Франции. Ультраправые искусственно создают модель противостояния ЕС – государство и предлагают защитить нацию от двух угроз: внутренней – нашествия иностранцев и внешней – растворения в ЕС. Это не значит, что полностью отрицаются достижения в рамках Евросоюза. Предлагается взять лучшее: например, свобода перемещения граждан, закрепленная в Шенгенских соглашениях, вполне может соблюдаться и без членства в Евросоюзе (как это сегодня работает в отно-

шении Исландии и Норвегии, не вступивших в ЕС). С этими небольшими оговорками ультраправые предлагают немедленно выйти из Евросоюза. Благодаря этому, по утверждению представителей Национального фронта, можно отменить евро и избежать «тирании» европейского Центрального банка, а также не участвовать в дотировании экономики новых членов ЕС (так называемая «Европа 27-ми»). Кроме того, это радикальное решение позволит, согласно НФ, сохранить международный авторитет Франции[33].

В своей кампании против единой Европы Национальный фронт использует типично популистские техники. Во-первых, это так называемые народные собрания. Большие партийные съезды на манер американских предвыборных митингов, широко освещаемые в прессе, с использованием национальной символики – флага, гимна – претендуют на то, что выражают волю всей страны. Во-вторых, это письма читателей и частные объявления в газетах, имеющие откровенно антиевропейскую направленность. Наконец, в публичных дебатах это сведение аргументов правительства к нескольким ключевым словам и их жесткая критика: ситуацию обрисовывают так, что членство в ЕС влечет за собой потерю национального суверенитета, рост безработицы и увеличение численности иностранцев, повсеместное вмешательство евробюрократов.

Основную массу евроскептиков составляют молодежь, жители сельских регионов и избиратели с низким уровнем образования. Эти три группы являются своего рода «целевой аудиторией» ультраправых националистов из Национального фронта. Вместе с тем движение не носит ярко выраженного классового характера и вербует себе сторонников во всех социальных слоях, как среди малообеспеченных, так и среди людей с достатком. Особо значимым фактором, служащим сплочению столь разнородной аудитории в единый электорат, становится именно угроза утраты национальной идентичности.

Критика европейской интеграции и бюрократии в структурах ЕС явилась важным фактором успеха и австрийских ультраправых. Аргументы Йорга Хайдера предельно понятны и просты для населения: ЕС выкачивает из Австрии средства на поддержку менее развитых стран-участниц, при этом бюрократическая машина тормозит любые здравые инициативы; кроме того, частичный отказ от национального суверенитета в рамках коллективных структур грозит принятием опасных для страны решений (в свое время АПС, приводя именно этот довод, безуспешно пыталась инициировать в стране референдум о целесообразности присоединения к общеевропейской валюте). Партия свободы выступила резко против присоединения Австрии к ЕС в 1994 г. Но затем в октябре 1996 г.

33. Lepesant G. L'Europe et les defies de la mondialisation // L'Etat du monde, 2002. – P., 2001. – С. 41.

Партия свободы все же баллотировалась в Европарламент и получила 27,6%[34]. Важно отметить, что в ходе этого голосования АПС впервые преодолела рубеж в 25%, который, по мнению политологов, ни одна европейская ультраправая партия преодолеть была не в силах[35].

Схожую позицию по вопросу европейской интеграции занимают и голландские ультраправые. По мнению последователей Пима Фортайна, даже в рамках ЕС Нидерланды должны сохранять свой суверенитет и право принимать самостоятельные решения.

Итак, в отличие от традиционных партий, склонных продвигать волю правящей элиты, ультраправые движения оказались очень чувствительны именно к настроениям населения и выступили их глашатаями по всей Европе. Таким образом, в настоящий момент эти силы играют охранительную, стабилизирующую роль и не дают европейским чиновникам искусственно насаждать форсированную интеграцию. Насколько долговременен феномен ультраправых, будет зависеть от темпов и направления дальнейшего европейского строительства. Тем не менее пока программа этих партий соответствует чаяниям избирателей, они будут оставаться на национальной и европейской политической сцене, и остальным политическим игрокам придется с ними считаться.

---

34. Haider J.: The rise of the Austrian extreme rightist – Режим доступа: http://www.adl.org/backgroundres/joerg_haider.asp.

35. Ibid.

К.Ф.Головин

ВНЕ ПАРТИЙ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ. СПб., 1905. Гл. XI. С. 274-291.

(Предисловие к публикации)

Константин Федорович Головин (1843–1913), видный политический и общественный деятель, мемуарист, публицист, литературный критик правой, консервативной ориентации[1]. Перу его принадлежат работы (статьи и брошюры) по аграрным проблемам, дворянскому вопросу, заметна его роль в формировании идеологии русского национализма в конце XIX–XX в. и его институциональных структур. Современникам он был известен и как плодовитый прозаик[2].

Значимость имени Головина в истории русской общественной мысли той эпохи прежде всего определяется своеобразием и оригинальностью двух основных сочинений: историко-литературного и публицистического исследования «Русский роман и русское общество», удостоенного Пушкинской премии Академии наук в 1914 г.[3], и историко-политического труда «Вне партий. Опыт политической психологии»[4]. В центре внимания первой книги – проблема эволюции общественного самосознания и связанная с ней проблема смены типов литературного героя в русской литературе 1830–1880-х годов. Труд Головина – один из первых опытов «социального взгляда» на историю русской литературы XIX в. не в этюдной, эссеистической форме литературной критики, а в форме систематического и логически стройного анализа. В этом смысле «Русский роман и русское общество» – один из предшественников социологического подхода к изучению истории русской литературы. В книге «Вне партий...» анализируются важней-

---

1. Наиболее полно его жизненный и идейный путь представлен в статье Н.И. Осьмакова в издании «русские писатели. 1800–1917. Биогр. словарь» (М., 1989. – Т. 1. – С. 614–615).

2. Головин К.Ф. Полное собрание сочинений. – СПб., 1902–1903. – Т. 1–10 (тт. 11–12 не вышли в свет). Не были завершены и его мемуары (см.: Головин К.Ф. Мои воспоминания. – СПб., 1908–1910. – Т. 1–2.

3. Изд. 3-е. – СПб., 1914.

4. СПб., 1905.

шие проблемы политического развития России пореформенной эпохи: перспективы парламентаризма, конституционализма, демократии, активности политических партий в контексте сравнительно-исторического рассмотрения аналогичных политических процессов, структур и институтов в странах Европы и США. Традиционные для консервативной мысли построения обретают в этой книге новое содержательное наполнение и неожиданную остроту историко-политической рефлексии. XI глава открывается страницами (274–291), где в наиболее концентрированном, сжатом виде излагается суть воззрений К.Ф. Головина на ход политических форм и институтов России в XIX в. Репринтом этого отрывка журнал намерен привлечь внимание читателей к замечательному труду фактически полузабытого русского публициста.

И.Л. Беленький

Россия с вида оставалась в стороне от политической борьбы, наполнявшей собою всю жизнь Запада в XIX в. Но это было только с вида. Если политические партии в нашем отечестве не могли сложиться и действовать открыто, это еще не значит, что их не было. Россия пережила за XIX в. не менее внутренних и внешних перемен, чем Западная Европа. Учреждение министерств в 1801 г. во второй половине столетия — такие преобразования, которые не уступят по своей важности совершавшимся за то же время на Западе. Правда, за долгий, почти пятидесятилетний период, между 1812 и 1857 годами, т.е. от удаления Сперанского до высочайшего рескрипта виленскому генерал-губернатору, которым открылось подготовление 19 февраля, наружный строй оставался у нас почти неизменным. На наших днях, по завершении эпохи великих реформ, наступила вторая передышка. Зато внутренний организм страны, лишь редко дающий заглянуть в совершающуюся в нем переработку, изменился за истекшее столетие почти до неузнаваемости. В этом отношении мы шли более даже быстрым ходом, чем Запад. Между той Россией, какую застала война 1812 г., Россией, жившей только своими верхами блестящей, но показной жизнью, и той не всегда заметной переработкой, которая непрестанно идет в ее недрах теперь, словом, между помещичьей крепостной Россией начала прошлого века, где при внешнем порядке было столько вопиющей беспорядочности, и теперешней бесформенной русской провинцией, где устоев нет, где все перемешалось и спуталось, где самые опытные администраторы не знают, за что взяться и куда идти, лежит такая бездна, какую можно разве сравнить с Францией до и после революции. За вторую половину царствования Александра I и во все продолжение царствования его преемника внутренняя Россия походила на часовой механизм, остановившийся потому, что его позабыли завести. Совершались громкие

дела, русские во главе целой Европы заняли город, откуда 25 лет сряду громы и молнии сыпались по всему миру; на троне сменились две крупнейшие исторические фигуры, почти сорок лет сряду Россия казалась гранитным колоссом, на который могли в любой момент опереться все европейские правительства. Но все это было только снаружи. Внутри все ограничивалось случайными, мелочными столкновениями какого-нибудь губернатора с своим губернским предводителем, и тишина прерывалась только на миг случайно обнаруженным каким-нибудь крупным злоупотреблением или мимолетной вспышкой крестьянского буйства. Даже 14 декабря, не говоря уже о ребяческих замыслах Петрашевцев, было только рябью на поверхности, полусознательным отражением жизни Запада. Да и литература, в которой то громче, то почти неслышно проводились взгляды, иной раз очень расходившиеся с господствующим порядком, литература перерабатывала только западные учения, а не свои родные вопросы. Своего отечественного, исторического не было ровно ничего у русской мысли; и хотя партии, т.е. идейные группировки втихомолку подготовлялись, ни одна из них не представляла собою что-нибудь реальное, какой-нибудь живой продукт русского прошлого или русской творческой мысли. Даже с вида национальная струя славянофильства была ничем иным, как отголоском немецкой исторической школы и немецкого гегелианства. И как раз потому, что все было взято напрокат, что внутри страны была пустота, что никто из русских не стоял ни за что конкретное, определенное, отвлеченная мысль, когда ей дано было высказаться, перескочила разом к самым крайним проявлениям западного радикализма. В пустом пространстве нет сопротивления среды, отвлеченную мысль скачки не пугают. Под внешним лоском гладкого европейства в петербургских и московских салонах, под глухой дремотой помещичьего приволья росли незаметные идеи, ничего общего с действительностью не имевшие и тем легче усвояемые русскими людьми, что они были так неизмеримо далеки от действительности.

А между тем и в самой этой действительности имелся готовый материал для борьбы, вполне реальный. И борьба эта в самом деле происходила, только негромкая, почти незаметная. Это была борьба между людьми земли, ее знавшими, потому что они ею жили, но не призванными ею управлять, и людьми бумаги, земли никогда не видавшими, но зато над нею поставленными, чтобы за нею присматривать и учить тех, кто над нею хозяйничал. Антагонизм этот не новый, он поднялся еще в темную глубину московских времен, когда не утихали жалобы на притеснения воевод и на вымогательства подьячих. В грубой первобытной форме тот и другой, т.е. дворянин, взятый из своей деревни, чтобы стать исполнителем царской воли, и думный приказный или дьяк, знаток письменного дела и владевший тем, что сильнее воеводской или боярской власти, – пером, иногда на веки запечатлевавшим неправду, – в сущности прообра-

зы сановников и бюрократов XIX в. Быть взятым из рядов дворянства, чтобы зачастую утратить дворянский облик среди бумажной процедуры управления или, напротив, выйти из рядов низкого люда, чтобы проложить себе путь в это самое дворянство той же самой бумажной работой – это постоянные два типа администратора и бюрократа, в которые слагался оторванный от земли русский служилый класс. Бумажное дело, по-видимому, обладало такими отравляющими свойствами, что одной привычки к нему бывало сплошь и рядом достаточно для превращения человека практики в человека формы, не видящего дела сквозь канцелярские чернила. Полного расцвета развитие бюрократии могло, конечно, достигнуть с той лишь минуты, когда жизнь усложнилась, а заодно с этим размножился и административный персонал, когда бюрократическая техника стала чем-то не для всех доступным и требовавшим особой сноровки. Тогда только обладатели этой техники могли вообразить себя лучшими людьми, носителями идей и способностей высшего порядка. Как ни отвратительны были старинные подьячие, они сами сознавали себя подлыми людьми и притязания их ограничивались наживой. Но когда управление государством потребовало выработанных приемов и просвещенных идей, бюрократические вершители имели полное основание возомнить себя передовыми двигателями России. Неудивительно, что нарождение их совпало с либеральными реформами Александра I, что образцом их навсегда стал гениальный бюрократ Сперанский, как раз благодаря своей гениальности поднявший на небывалую высоту искусство канцелярского творчества и красоты официального слога. Сознание своего превосходства перед заурядной Россией дало Сперанскому и всем людям его типа уверенность, что с помощью общего образования можно решить какое угодно дело и, не зная страны, можно управлять ею и давать ей законы. В этом направлении деятельности Сперанского много общего с духом французских энциклопедистов. Либеральная бюрократия могла создать что угодно, гладко катясь по пути отвлеченного мышления. Она могла дописаться до самоограничения, до конституции. И этот полет канцелярского творчества и вызвал тотчас у тогдашних крупных представителей земли, у Карамзина, у Трощинского, даже у Балашова, который был не только царедворец, но очень умный и знавший Россию человек, горячую оппозицию всемогуществу бумаги, беспочвенности затеянных реформ. Нужды нет, что Карамзин, Трощинский, Балашов были представители консерватизма, т.е. в данном случае отстаивали старину, даже рутину. Они все-таки выражали собою антагонизм опыта и практики теоретическому господству канцелярского пера, и, переходя через самые разнообразные фазисы, этот антагонизм продолжался все XIX столетие. Он длится и до сих пор. Чиновничество, с одной стороны, дворянство – с другой, не перестали быть выразителями двух фокусов русской жизни, непримиримых потому, что они представляли собою разъединение власти и опыта. Под этими двумя названиями следует

понимать, конечно, не сословные отличия, а противоречия между классом, живущим на земле и большей частью не выходящим из провинциальных рамок, и вышедшим из него же, или, напротив, в него вошедшим классом чернильных мандаринов. Могло часто казаться, что в их взаимном непонимании друг друга кроется попросту оппозиция самой верховной власти. Так всегда думали и не перестают думать российские администраторы всех рангов, какого бы они направления ни держались. А между тем это глубокое и прискорбное извращение истины. Бюрократия возбуждала к себе всеобщую ненависть – об этом громко свидетельствует вся русская литература от Фонвизина и Княжнина до Льва Толстого, – потому что она никогда не хотела довольствоваться простым служением верховной власти и не переставала считать себя чем-то самодовлеющим, имеющим какое-то прирожденное право на безусловную непогрешимость; формула, в силу которой она сложилась, не ограничивается неприкосновенностью верховной власти и требует неприкосновенности всего административного персонала, до станового включительно. И стоит заметить, что либеральная, т.е. в сущности демократическая бюрократия в этом отношении ничуть не лучше реакционной. Бюрократия имеет за собою две несомненно блестящие страницы в XIX в. Первая сливается с Сперанским, – вторая с деятелями эпохи великих реформ. В эти два момента ее существования в ее рядах на самом деле оказывались лучшие люди, вошедшие туда, чтобы осуществить при помощи аппарата власти заветные идеи, навеянные западной культурой. Нечего в самом деле скрывать от себя, что авторы крестьянской реформы из числа славянофилов, – как князь Черкасский и Самарин, – и вдохновители их, Хомяков и Аксаков, были такими же питомцами западной культуры, как Николай Милютин. Осуществить что-либо в России можно было и в начале прошлого века и в 60-х годах только с помощью административного механизма, и они в состав этого механизма вошли. Что написанные ими положения были не без ошибок, это, конечно, так, но порицать их за то было бы крайне наивно. Совершить без ошибок громадную законодательную работу, предпринятую ими в семилетний период от 1858 до 1864 г., было бы попросту немыслимо. И что же? Пока они были у власти, или вернее, пока тот дух, которого они были носителями, господствовал еще в петербургских канцеляриях, они возбуждали против себя из глубины страны такое же противодействие, как бюрократы самого закоснелого свойства. Это было вовсе не потому только, что крестьянская реформа нарушала интересы помещиков. Образ действий, приемы редакционных комиссий возмущали людей страны всякого сорта, в том числе самых высокообразованных, притом в одинаковой мере охранительного и либерального образа мыслей: рязанского депутата Волконского, тамбовского – г. Бланка, орловского – Алексея Хвостова, не более, чем тверского предводителя Унковского. Возмущало их и, заодно с ними, таких близких ко двору людей, как князь Ф.И. Паскевич и граф

П.П. Шувалов, не то или другое постановление комиссии, а пренебрежительный тон административного всезнания, с которым в С.-Петербурге встречали провинциальных депутатов. Даже такой высокопросвещенный человек, как Николай Милютин, не мог воздержаться от приемов олимпийского презрения к людям страны, с которым люди канцелярии пускают в ход официальные громы. И у многих съехавшихся депутатов, – на это имеются и письменные свидетельства, – оказанный прием вызвал горькие ощущения, направленные через головы тогдашних влиятельных бюрократов против самого правительства. Выходило так, что либеральные реформаторы не могли отрешиться от привычки смотреть на провинцию по-генеральски, а консервативные, большею частью провинциалы, – уносили с собой тайную мечту заменить бюрократический строй представительными учреждениями. Конституционные идеи, не раз мелькавшие в течение XVIII в., и в момент вступления на престол Анны Ивановны, и в записке графа Никиты Ивановича Панина, и в Екатерининской комиссии, и порывавшиеся на вооруженный переворот в 1825 г., получили новый сильный толчок в эпоху подготовления реформы 19-го февраля. Могло, действительно, казаться, что провинциальное дворянство, отстаивавшее, порой очень близоруко, свои права, основанные на Екатерининской грамоте, покушалось на оппозицию против власти. А между тем оно стояло на исторической почве, а его противники – либеральные бюрократы – представляли собою дух рационалистического новаторства. И в их деятельности несомненно были две струи. Одна, просвещенно гуманная, служившая выражением долго взлелеянной в среде самого дворянства мысли об освобождении крестьян; другая, заключавшая в себе попросту вполне понятное стремление обновить самый правительственный персонал, широко пополнив его плебейскими элементами. Великие реформы были не только осуществлением теоретического западного либерализма, но и ступенью вверх для разночинца, желавшего подняться до уровня правящего класса. И этот разночинец, носитель демократического либерализма, считавший на словах форму чистейшими пустяками и в 60-е годы щеголявший даже некоторой непринужденностью, чтобы не сказать небрежностью в обращении, был в сущности таким же чиновником в душе, таким же человеком бумаги, как его заскорузлые, столько раз осмеянные предшественники. Замечательно в самом деле, что какой бы характер ни принимала бюрократия, и по внешности и по направлению, суть дела от того не меняется и в стране вызывает одинаковую нелюбовь. А от того,, что в 60-е годы подмеченная начальством отсталость в мнениях могла даже служить помехой в карьере, подчиненным становилось не легче. Генеральский тон принимал более цивилизованные формы, доходя до разрешения курить в присутствии начальника, но официальные отношения мягче, гуманнее не делались. Бюрократия обладает поразительной способностью подводить под один знаменатель самые разнообразные умственные течения, вливать в свои бездуш-

ные приемы какое угодно содержание, одинаково уродуя любое. Настоящее царство канцелярии началось у нас как раз с тех пор, как в центральные органы нахлынула толпа новых людей, не только заменив собою мелкую сошку при бывших приказных, но зачастую поднимаясь по административной лестнице до самого верха. И эти новые люди, образованные и передовые, в своих официальных записках охотно ссылавшиеся на принципы 1789 г., а иной раз приводившие в пример даже постановления французского Конвента, были настоящими изобретателями бумажного отношения к России, доведшие канцелярское многописание до виртуозности. За полвека, от конца реформ Сперанского до начала реформ императора Александра II, бюрократия была предметом и насмешек и ненависти за свою нелепую волокиту и за свою отвратительную продажность. Она была, по словам Хомякова, «черна в судах неправды черной» и в Гоголевском «Ревизоре» получила нестираемое позорное клеймо. Но до самых верхов администрации она все-таки не проникла. Там было что угодно – произвол, пожалуй самодурство, но формализм, как раз вследствие этого самовластия главных начальников, не мог служить для них преградой. Он безгранично царствовал, правда, на низших ступенях управления, доводя до отчаяния всех, кому приходилось иметь дело до какого-нибудь присутственного места, а на высших он мог служить предлогом для отказа надоедливому просителю. Но самые высшие сановники им не стеснялись. Нельзя назвать бюрократами таких людей, как граф Киселев, граф Блудов, князь П.П. Гагарин, граф Уваров, граф Канкрин, даже как граф В.Н. Панин. Еще менее эта кличка годится для князя Васильчикова, адмирала Мордвинова, князя Кочубея. Высший персонал государственного управления при императоре Николае I, правда, не имел решимости освободить страну от закоснелых приемов канцелярщины, но сам он среди них двигался свободно. Официальные записки государственных людей того времени, может быть, отличаются тяжелым канцелярским слогом, но канцелярского духа в них нет. Совершенно иное дело началось с той поры, когда великие реформы выдвинули вперед людей так называемого передового направления, и, благодаря этим самым реформам, значительно усилилась и законодательная и административная деятельность государства. Чиновничество не только разрослось численно, благодаря созданию целых новых отраслей управления, оно заразило своим духом и людей, совершенно не принадлежавших к его среде по своему общественному положению. Целый сонм истинно просвещенных и гуманно благожелательных людей, как Зарудный, Стояновский, Мотовилов, Замятнин, Арцимович, был выдвинут ими на поверхность, особенно среди обновленного тогда судебного персонала. Но при всей своей просвещенности это были люди исключительно кабинетные, так сказать, инстинктивно убежденные, что путем официальной переписки можно все узнать, докопаться до самой сути, что любой жизненный вопрос, обсужденный в комиссии из опытных бюрокра-

тов, может быть совершенно удовлетворительно решен. Приемы для его решения очень скоро установились самые типичные: критика существующего порядка, примеры, взятые из практики иностранных государств, в особенности столь похожих на Россию и по объему территории и по условиям быта, как, например, Швейцария, и Бельгия, мнения выдающихся ученых и затем, как вывод из всего этого, законопроект, к которому молодые начинающие бюрократы изготовляли длиннейшие объяснительные записки. Выработался соответственно этому и новый слог, менее неуклюжий и более вылощенный, чем прежде, но до того безличный, что мысль утопала в нем среди бесчисленных отвлеченных терминов и вниманию не за что было уцепиться. А когда реформы затихли и пришлось уже не торопить общество вперед, а, напротив, бороться против разных излишеств и уклонений, тот же аппарат и тот же слог как нельзя более пригодились и для этой роли. Несмотря на то, что передовой образ мыслей перестал считаться заслугой и прикосновенность к реформам почти заподозревалась, как признак неблагонадежности, непосредственные преемники деятелей великой эпохи, а то и некоторые из них самих, стали заниматься урезыванием и ограничиванием с помощью тех же приемов, которыми недавно рекомендовались принципы 1789 г. И в провинции тотчас сказался отголосок на перемену. Насколько она была неприятно потревожена официальным либерализмом конца 50-х годов, настолько теперь ее стали раздражать заботы правительственных лиц о благочинии и благонамеренности.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы антагонизмом между провинцией и центральной бюрократией исчерпывалась общественная жизнь России. Мы тотчас увидим, что нет. Но взаимное непонимание административного персонала и местных деятелей и самое противопоставление выборного начала правительственному назначению в значительной степени объясняют антипатию провинции к бюрократическому духу и презрительное недоверие ко всему, что из этой провинции исходит. Эта антипатия, так сказать, основная тема нашей внутренней политики, тема, которую зачастую принимали за принципиальный антагонизм между правительством и обществом. На этом вполне реальном фоне частные вспышки являются уже только узорами. Такой была даже крупнейшая из них, вспышка 1825 года. По странной иронии судьбы, русские, ездившие за границу при Екатерине II и привозившие с собой оттуда вольтерианство и творения энциклопедистов, дома, при всем своем вольнодумстве, оставались такими же барами, как и прежде. Напротив, вернувшиеся из французского похода в 1815 году молодые дворяне привозили домой революционный дух, против которого в большей части Европы в то время шла живая реакция. Европа романтизма, пропитанная средневековыми воспоминаниями, оказалась для нас русских гораздо более возбуждающей и крамольной, чем Европа рационалистов XVIII века. С нами случилось то же, что с государствами Южной

Европы, где строптивый дух охватил тех самых, кто всего более призван с ним бороться, – представителей военного сословия. Борьба с французским нашествием, впрочем, повсюду, в том числе и в Германии, носила двоякий характер: по своему принципу это была борьба за национальную независимость, а, стало быть, и за те общественные формы, которые на время разрушили французские завоеватели. Но по духу, ее проникавшему, это была в то же время борьба не только правительства, но и целого народа, организованного самостоятельно, помимо власти. Неудивительно, что повсюду она оставила после себя потребность в этой самостоятельности, которая только что была испробована на защиту законного порядка. И в русском молодом поколении Отечественная война, как всякое крупное народное усилие, вызвала подъем самосознания, а стало быть, и усиленное представление о своих правах. Дело тайных обществ, образовавшихся по всей России, было совершенно безнадежно не потому только, что успеха они иметь не могли, но и потому, что, если бы даже успех был возможен, бунтовщики не знали бы, как им воспользоваться. И этого нельзя им не поставить в крупную вину. Чем несвоевременнее попытка на переворот, тем она преступнее. Но самая эта непрактичность декабристов, их идеализм, не говоря уже о высоте духа, с которой они перенесли свою долгую кару, придает им прямо что-то симпатичное. По способности самопожертвования это были действительно лучшие люди, хоть и лучшие люди, очень виновные перед родиной уже тем, что они лишили ее полезной работы стольких блестящих ее сыновей. Но по своему содержанию политический кодекс декабристов, насколько можно судить по оставленным ими воспоминаниям и по воспоминаниям о них современников, производит впечатление чего-то очень незрелого. Не помогла их идеям и долгая ссылка. Судя по запискам князя С.Г. Волконского и Фонвизина и по воспоминаниям доктора Белоголового о Поджио, мы имеем дело с доктриной наносного, очень поверхностного и шаблонного либерализма. Поджио, например, даже после февральской революции ничему не научился и продолжал искренно верить, что каждый оборванец, стоящий за баррикадой с ружьем в руках, – представитель настоящего либерализма. В этом отношении либералы 40-х годов и крайнее их левое крыло, петрашевцы, гораздо большему научились от жизни, чем их предшественники. Анненков и В.П. Боткин, например, после того, как в 1848 году они с восторгом приветствовали не только низвержение Людовика-Филиппа, но и июньские дни, а Боткин имел даже наивность ликовать по случаю крошечного переворотика, устроенного в Женеве таким проходимцем, как Джемс Фази, пятнадцать лет спустя уже смотрят на дело совершенно иначе, догадавшись, что радикалы, особенно доморощенные русские, ведут не вперед, к свету, а грозят затопить культуру в мутных водах демагогического варварства. Русский нигилизм их протрезвил. Не по сердцу он пришелся, как известно, и Тургеневу, хотя последний с ним притворно нежничал до самого

конца дней. Научились многому и петрашевцы, не только самый знаменитый из них, Достоевский, но и кое-кто из второстепенных, как Львов и Пальм. За исключением 14-го декабря, с его попыткой у нас повторить военные бунты Испании и Италии, и мирных в сущности разглагольствований петрашевцев, все 30-летие царствования императора Николая I прошло совершенно спокойно и безоблачно. Могло казаться, что России удалось закупорить себя от революционных веяний. Внутри ее общественной жизни никакого движения не происходило, да и вся она сводилась к тому, что дворяне-помещики съезжались на выборы потратиться на шампанское и на карточную игру и выдавать замуж дочерей. А своими широкими правами выбирать не только сословных представителей, но и большую часть личного состава суда и администрации, пользовались очень небрежно, иной раз даже совсем открыто предоставляя своим неимущим сочленам судебные и политические места ради кормления. Во всякой другой стране дворянство, которому были бы предоставлены такие полномочия, такая политическая монополия, если можно так выразиться, конечно, придало бы целому общественному строю свой отпечаток и стало бы не декоративной только, а реальной силой. У нас ничего подобного не случилось. Сплотиться вокруг излюбленного лица, не ради его хлебосольства и не из личных отношений, а из-за принципа или хотя бы из-за интересов сословия, русское дворянство не дало себе даже труда. Его организации, очень крепкой и стройной на вид, недоставало безделицы – сознания общности интересов, а тем более общности обязанностей. Чтобы в этом убедиться, стоит его сравнить с дворянством остзейским. Там каждый за всех и все за каждого. Там корпорация живая и сознает это. У нас корпоративная форма будто надета только снаружи на массу, несложившуюся и разнородную, которой велено было свыше считать себя правящим классом. Но убеждение в серьезности этой роли, с самого обнародования дворянской грамоты и поныне, проявлялось только у отдельных лиц, никогда не охватывая целого сословия. Одна только черта была общаяего членам – владение крепостными. И этой позорной общности хватало на то лишь, чтобы выбирать в исправники покладистого, сподручного человека, который берег бы даже не дворянский, а только помещичий интерес. С такой истинно мещанской точкой зрения далеко уйти, конечно, было нельзя. А во всем остальном – в степени достатка, в общественном положении, в культуре, в привычках, в воспитании, даже в самом происхождении была совершенная рознь. Придворный магнат, владелец десятков тысяч десятин, сановник сам или потомок целого ряда сановников, встречался на собрании с выслужившимся исправником или с поповским сыном, у отца которого была Владимир 4-й степени. И если у последних была куплена земелька, они были на этом собрании совершенно равные магнату, хотя на самом деле никакого равенства не было и не чувствовалось. Понятно, что, когда была отнята единственная подставка этого пестрого здания –

крепостное право, здание рухнуло сразу, продолжая существовать только как пережиток почтенного учреждения, не успевшего обзавестись оживляющим духом. Удивляться можно скорее тому, что из всего этого учреждения одно уцелело – предводительская должность, этот краеугольный камень всего русского провинциального устройства. Устояла она оттого, во-первых, что была всегда безвозмездная и потому почетная, и, во-вторых, оттого, что с 19-го февраля она была поставлена ведать крестьянское дело и вследствие того превратилась из сословной в общегосударственную.

Неудивительно и то, что реальная связь, на которой держалось дворянство, владение крепостными, лучших людей побуждала относиться вполне отрицательно к самому институту. Когда главная черта такого института сама по себе уродлива, он не возбуждает к себе симпатии. И как раз наше, русское крепостное право всего менее могло стать основой прочной исторической традиции. Повсюду на Западе власть над крестьянством была результатом политической роли дворянства как охранителя слабейших, роли, которой оно, правда, сплошь и рядом злоупотребляло, но которая сама по себе была по существу благородной. У нас наоборот. У нас крепостное право родилось на фискальной почве, ничего благородного не имеющей, и сама политическая роль не была источником, а, наоборот, последствием этого права. Вот почему его наиболее просвещенную часть и тянуло вон из сословных рамок в сторону демократизма. Сперва это выразилось попыткой военного мятежа, потом мирным движением 40-х годов. Но как ни было это движение мирным, оно в корне подтачивало великолепное здание Николаевской России. В то время не было, конечно, речи о какой-либо положительной программе будущих реформ по той простой причине, что такой программы не только осуществить, но и выразить было нельзя. Позволительно, однако, думать, что причина здесь была еще иная, более глубокая и печальная – отсутствие сложившегося ясно даже в умах представления о том, к чему следовало стремиться. Наводит на эту мысль то обстоятельство, что не только проживавшие в России тогдашние умственные вожди, ни Хомяков, ни Киреевский, ни Белинский, но и удалившийся за границу Герцен, ничего положительного не формулировали. Из-под их пера выходили то восторженные гимны западной культуре, то столь же восторженные картины допетровской России. Но, помимо этого неопределенного восхваления широких и притом часто мнимых идеалов, мы находим у них одно лишь – более или менее горячее осмеяние существующих порядков. И в этой туманности положительных целей, в этом преобладании отрицательных взглядов надо искать объяснения того резкого скачка влево, какой сделало русское общество, когда в эпоху реформ ему разрешено было заговорить. Русское умственное движение имело то общее с французским накануне революции, что и то и другое были одинаково оторваны от исторического прошлого. Во Франции собрания генеральных штатов лежали

так же далеко назади, как у нас земские соборы. И во Франции, и у нас имели об этом далеком прошлом очень смутное понятие. И хотя об этой старине говорилось много, никто к ней возвращаться не думал. Даже славянофилы, как ни носились они с эпохой Алексея Михайловича, стараясь ее идеализировать, на самом деле так же мало стояли на исторической почве, как западники. И одинаковая антипатия правительственных властей к тем и другим совершенно понятна. Ничего нет опаснее для общества, как туманные мечтания о каком-то земном рае, где бы ни искали его прототипа: в сомнительном прошлом или в неосуществимом будущем. Оппозиция, не умеющая формулировать своих желаний, неминуемо обречена стать жертвой тех людей, у которых желания эти идут всего дальше, т.е. прямо требуют ниспровержения всего существующего. У нас оно так и случилось, сперва в виде платонических, а потому и безобидных измышлений петрашевцев, не останавливающихся, однако, перед планами реформ в духе романтического социализма Фурье и Пьера Леру. Но когда севастопольский погром привел само правительство к убеждению, что надо приступить к коренным преобразованиям и с этой целью освободить общество от печати молчания, оказалось сразу, что за спиной фрондирующего дворянства с его отчасти маниловскими грезами успело вырасти нечто совсем иное, более определенно-реальное в своих требованиях – сложился с поразительной быстротой образованный разночинец, так называемый «интеллигент», успевший пройти через школу, но не усвоивший себе заодно с знанием и культуру. Этот интеллигент выступил на сцену очень решительно, сразу выбрасывая за борт не только все существующее, но и проекты его реформировать и все дворянски-оппозиционное направление 40-х годов. Ему надо было совершенно иного, чего не имелось вовсе ни в прошлом, ни в настоящем России, не отмены только крепостного права и невозможных судебных порядков, не реформы административного строя, с введением в него местного представительства, а полного непосредственного демократизма с фактическим господством людей, проведших известное число лет на школьной скамье. Знание, как безусловная и всеобщая панацея, как средство приравнять всех, в том числе и тупоумных людей с высокоодаренными, – это был, как известно, любимый кумир эпохи реформ. А в среде старинного культурного класса, как скоро заговорили о реформах, угрожавших его имущественному положению, два резко противоположных стана образовались, из которых один, состоявший из бывших либералов 40-х годов, радостно приветствовал реформы, а другой противодействовал им всеми силами. Всякая тень либерализма мигом слетела с тогдашних крепостников, хотя оппозиционный дух проявился в них сильнее прежнего, высказываясь уже прямо в смысле ограничения правительственной власти. И власть эта очутилась между двух огней – плебейским радикализмом слева и дворянски-крепостнической оппозицией справа, причем единственными ее сторонниками оказались те самые люди

40-х годов, на которых она прежде смотрела так косо. И люди эти сослужили родине тогда великую службу, хотя на их работах отразилась, быть может, теоретичность их миросозерцания. Но винить их за это нельзя: не от них зависело сделать так, чтобы в прошлом России имелось что-либо такое, что можно было бы органически правильно достраивать дальше. И в том они не были виноваты, что семена отвлеченных доктрин, брошенные ими в своих произведениях, попали на совершенно чуждую им почву и дали там росток бесшабашного радикализма 60-х годов. Единственная их историческая вина в том, что когда реформы осуществились и создалось ими нечто реально-осязательное, на чем можно было строить дальше, они не сумели довершить начатое здание и воспитать себе достойных преемников.

ЕЩЕ ОДНО СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЖИЗНИ И ГИБЕЛИ Л.Д. ТРОЦКОГО

О Л.Д. Троцком известно все (или почти все). Последний период его жизни, продолжавшийся двенадцать с половиной лет, был особенно трагичным. Депортированный сперва в Алма-Ату в январе 1928 г., где он провел около года, Л.Д. Троцкий затем был выдворен за пределы СССР и лишен советского гражданства. Четыре с половиной года он находился в Турции, около двух лет во Франции, полтора года в Норвегии и три года и семь месяцев в Мексике, где и завершил свой жизненный путь. За этот период он потерял всех своих детей: Нину (младшую дочь от первого брака с А. Соколовской), умершую в 1928 г. в возрасте 26 лет от туберкулеза, которым она заболела в ссылке; Зинаиду, старшую дочь, покончившую жизнь самоубийством в Берлине в 1933 г. после того, как ей запретили вернуться в СССР, где оставались ее дочь и муж, Платон Волков. Зинаиде не было еще и 32 лет. В 1938 г., в Париже также в возрасте 32 лет при загадочных обстоятельствах погибает старший сын Троцкого от второго брака с Н.И. Седовой – Лев Седов. Примерно в том же году (точная дата неизвестна) в одном из сибирских лагерей был расстрелян младший сын Троцкого Сергей Седов, арестованный вскоре после убийства Кирова, хотя он никогда не интересовался и не занимался политикой.

Затерялись следы и сосланной тогда же, в декабре 1934 г., сперва в Тобольск, а затем в район Омска Александры Соколовской. Новые сроки, после смерти Кирова, получили оба зятя Троцкого – Невельсон и Волков, депортированные еще в 1928 г. Практически все внуки Льва Давидовича оказались брошенными на произвол судьбы, и долгое время о них вообще ничего не было известно. Лишь один из них – Всеволод Платонович Волков (Бронштейн), свыше 50 лет проживающий в Мексике и совершенно забывший русский язык, знал и помнит своего деда. С ним, хранителем и смотрителем музея Л.Д. Троцкого в Мехико, состоялась наша беседа еще в августе 1990 г., текст которой публикуется впервые (в сокращенном виде. – *Ред.*).

В.Л. Лобер

Вопрос: Всеволод Платонович, вы – единственный из здравствующих потомков Л.Д.Троцкого?

Ответ: Нет. Лет 10, а может 15, тому назад покинула Россию и теперь живет в Нью-Йорке внучка Льва Давидовича Юлия. Она – дочь Сергея, младшего сына Троцкого от брака с Наталией Ивановной Седовой. У Троцкого была еще одна внучка – Александра Захаровна Похвалова, моя сводная сестра, но она умерла в марте прошлого года в Москве.

Вопрос: Она была старше вас?

Ответ: Да, на несколько лет. Наша мать Зинаида Львовна дважды была замужем. Александра – ее ребенок от первого брака, а я – от второго, с Платоном Волковым. Когда в 1931 г. Зинаиде Львовне разрешили выехать в Турцию навестить своего отца, она смогла взять с собой только меня. Дочь Александру оставили в СССР в качестве заложницы. Больше они не виделись, так как в феврале 1932 г. в «Правде» было опубликовано постановление о лишении Л.Д. Троцкого и всех находившихся с ним за границей его родных советского гражданства. Им навсегда было запрещено возвратиться в Россию. Занаида, таким образом, оказалась навсегда разлученной с мужем и дочерью, а в январе следующего года нашей матери не стало...

Вопрос: А вам раньше приходилось встречаться со своей сестрой?

Ответ: Нет. Я увидел ее впервые только в декабре 1988 г., т.е. за несколько месяцев до ее смерти.

Вопрос: Где это произошло?

Ответ: В Москве. Я находился у вас в столице пять дней.

Вопрос: Ваша сестра рассказывала, как она жила все эти годы?

Ответ: Немного. По профессии она была химиком, как и я. При Сталине ее репрессировали, а после его смерти освободили.

Вопрос: Других контактов со своими родными у вас не было?

Ответ: Нет. Только с ней. Да и то я установил его лишь за месяц до того, как мы встретились.

Вопрос: Всеволод Платонович, вы приехали с матерью к деду в Турцию в 1931 г. Что-нибудь сохранилось у вас в памяти о том периоде?

Ответ: Немного. Вилла деда находилась на Принкипо – небольшом острове в Мраморном море. Говорят, что в прежние времена византийские императоры ссылали сюда диссидентов королевской крови. Почти каждый день, очень рано, Лев Давидович отправлялся рыбачить – у него была лодка. Иногда брал с собой и меня.

Вопрос: Он был любителем рыбной ловли?

Ответ: Да, и охоты тоже. В Мраморном море имелось множество небольших островов, близко – в двух-трех километрах – расположенных один от другого. Некоторые острова были покрыты кустарником; здесь водились кролики, зайцы. И дедушка охотился.

Вопрос: А Наталья Ивановна вам запомнилась?

Ответ: Конечно. Она была очень внимательна ко мне, уделяла мне много времени. Наталья научила меня читать и писать по-русски.

Вопрос: Тогда ведь вы говорили по-русски?

Ответ: Да, когда мы с матерью выехали из России, я говорил, но не умел ни читать, ни писать, и бабушка меня научила.

Вопрос: А какой вы помните свою мать?

Ответ: Вообще-то я лучше помню Наталью. А маму... Говорят, что из всех детей Льва Давидовича она больше всех походила на своего отца – и внешностью, и темпераментом, и даже манерой говорить и жестикулировать. Но я ее помню плохо – мне ведь тогда было пять–шесть лет. К тому же вскоре мама уехала в Берлин – у нее был туберкулез, и она собиралась пройти там курс лечения.

Вопрос: И вы остались на попечении деда и Натальи Ивановны?

Ответ: Да, почти год или даже больше после отъезда матери я оставался у них, а потом меня привезли в Берлин, где уже находились Лев Седов и моя мать. А вскоре мама умерла.

Вопрос: И вас отправили обратно к деду?

Ответ: Нет. После прихода Гитлера к власти «Бюллетень оппозиции», который выпускал в Берлине Лев Седов, был запрещен. Леве удалось бежать в Париж, куда он взял и меня.

Вопрос: И в дальнейшем вашим воспитанием занимался Лев Седов?

Ответ: Да, он и Жанна (супруга Л. Седова – В.Л.).

Вопрос: А Льва Седова вы хорошо помните? Что вы могли бы о нем рассказать?

Ответ: Это был очень жизнелюбивый, активный и динамичный человек. Кажется он учился на инженера-электрика, увлекался математикой, чередуя эти занятия с политической работой, вел обширную корреспонденцию...

Вопрос: Лев и Жанна испытывали материальные трудности?

Ответ: Конечно, ведь у Льва не было никаких доходов.

Вопрос: Разве он не получал материальной помощи от отца?

Ответ: Нет, абсолютно нет. Мы жили только на зарплату Жанны.

Вопрос: Ну, хорошо. Если Лев Седов был таким крепким и здоровым мужчиной, то почему он так рано умер – в 32 года?

Ответ: У него случился приступ аппендицита. Неожиданный.

Вопрос: Но вроде бы от этого не умирают...

Ответ: Нет, конечно. Его поместили в больницу, персонал которой, по-видимому, имел контакты с советскими секретными службами. И с ним все время находился его ближайший друг Этьен. Позднее стало известно, что его настоящая фамилия – Боровский. Кстати, он совсем недавно умер – мне об этом сообщил по телефону один американский журналист. Так вот, Этьен-

Боровский был человеком ОГПУ. И при этом он был самым близким сотрудником Льва Седова, его доверенным лицом. Да, так значит, Льва Седова успешно прооперировали, и дело шло на поправку. Но вдруг его состояние резко ухудшилось, и он умер. Совершенно очевидно, что он был отравлен. И сделал это Боровский.

Вопрос: Этьен-Боровский длительное время работал рядом с Львом Седовым, и тот ничего не подозревал?

Ответ: Никто его не подозревал. Об убийстве Льва Седова Боровским стало известно много позднее.

Вопрос: А разве доказано, что Этьен-Боровский был агентом ОГПУ?

Ответ: О, да, это доказано. Он потом переехал в США, стал работать в ФБР. Жил в Калифорнии – в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, а умер университетским профессором...

Вопрос: Всеволод Платонович, а что было потом, после смерти Льва Седова? Вы остались в Париже вдвоем с Жанной.

Ответ: После смерти старшего сына Лев Давидович обратился к Жанне с просьбой привезти меня к нему. Приглашали Жанну переехать в Мексику, где он тогда нашел приют. Но Жанна не хотела меня отдавать. Я уже говорил, что у нее был трудный, неуживчивый характер. К тому же у Льва и Жанны не было детей, и я был единственным ребенком в их семье. Жанна была привязана ко мне. Ее переписка с дедом ни к чему не привела, и тогда Троцкий обратился в суд, который решил дело в его пользу.

Вопрос: Приходилось ли вам видеть Жанну после отъезда из Парижа?

Ответ: Нет, никогда. Она умерла не то в 1961, не то в 1962 г. от рака. Ей было около 60-ти лет.

Вопрос: Итак, в августе 1939 г. вас привезли в Мексику. Что-нибудь у вас сохранилось в памяти о том периоде?

Ответ: Да, конечно. Из Франции в Нью-Йорк я в сопровождении супругов Розмеров прибыл на пароходе. Альфред и Маргарита Розмер – старые друзья Л.Д. Троцкого. Они были знакомы и дружили еще со времен I-й мировой войны, вместе участвовали в циммервальдском движении. Потом Альфред был представителем французской компартии в Исполкоме Коминтерна. За солидарность с Троцким его исключили из рядов ФКП, и последние годы он занимался литературной деятельностью. Маргарита – тоже из левых сил. И вот с ними я прибыл сперва в Нью-Йорк, где мы пробыли около двух недель, а затем на поезде отправился в Мехико. Помню, что путешествие длилось довольно долго – три–четыре дня. На вокзале в Мехико нас встретил секретарь Льва Давидовича Ван Эйжэнур. Он был на машине и прямо с вокзала привез нас в дом деда в Койокане. Троцкий тогда арендовал этот дом и лишь позднее купил его.

Вопрос: Вид дома и окрестностей сильно изменился с тех пор?

Ответ: Да, в то время это была чисто загородная вилла. Никаких других строений вокруг нее не было. Рядом с домом простирались кукурузные поля, за домом была река Чубуруско. Вдоль берега реки росли большие эвкалипты.

Вопрос: Дед встретил вас дома?

Ответ: Да, конечно. Я помню, что среди встречавших нас было много людей: молодые американцы, немцы, голландцы. Все это были секретари и телохранители Троцкого, его последователи и единомышленники. Это была как бы одна семья.

Вопрос: Вы сразу узнали своего деда? Вам ведь было всего семь лет, когда вы виделись в последний раз в Турции?

Ответ: Я его сразу узнал, так как сохранил в памяти его образ; к тому же в доме Левы и Жанны я видел его фотографии.

Вопрос: Вы любили своего деда? Что вам в нем нравилось?

Ответ: Он был очень внимательным, сердечным, горячим...

Вопрос: Дедушка показал вам дом, где вам предстояло жить, вашу комнату?

Ответ: И комнату – она находилась рядом с их спальней – и сад. В саду Лев Давидович устроил небольшую ферму – разводил кроликов и кур. И он сам ходил кормить их. Ферма помогала прокормить всех членов нашей большой семьи.

Вопрос: А вход в дом был там же, что и теперь?

Ответ: Нет, сейчас все по-другому. Раньше входом служили большие деревянные ворота; потом – после покушения на Троцкого Д. Сикейроса и его компании – их заменили на металлические. А затем и их заделали и оставили только небольшой вход вроде кабины.

Вопрос: У Троцкого во дворе стояла машина?

Ответ: Там был гараж – два автомобиля, которые ему подарили товарищи-американцы из троцкистской партии США...

Вопрос: Всеволод Платонович, вы упомянули о покушении на Троцкого, которое совершил Сикейрос. Это было первое покушение на Льва Давидовича? Когда это случилось? Вы помните этот эпизод?

Ответ: Это произошло в мае 1940 г. В ту ночь я спокойно спал у себя в комнате. Проснулся от шума открываемой двери в спальную. А поскольку эта дверь была с небольшими витражами, со свинцом, то, когда ее открывали, толкали, она производила шум. Кто-то толкнул дверь из сада в дом, открыл ее и проник в спальную. Вот здесь я и проснулся, увидел силуэт. Поначалу я не понял, кто бы это мог быть; подумал, что, возможно, кто-то из охраны, из домашних вошел; в общем, не подозревал ничего дурного. Но тут началась стрельба, раздались автоматные очереди, поднялась пыль. Скатился с кровати на пол, забился в угол комнаты. И не помню, сколько времени продолжалась

стрельба: может быть, несколько минут, но мне они показались вечностью. А потом тот человек вышел и вошел другой. Он бросил в спальную какие-то пузырьки. которые тут же взорвались, и спальная начала гореть. Это, видимо, были зажигательные бомбы. Я был в панике, решил, что взорвали дом, – я ведь не знал, что это были за бомбы. Выбежал во двор...

Вопрос: Вы кричали, звали на помощь?

Ответ: Нет, я лишь стал звать дедушку с бабушкой. Хотел как-то предупредить их об опасности. У меня было ощущение, что дом сейчас взорвут, и он разлетится на куски...

Вопрос: Для вас все происшедшее было полной неожиданностью, или вы что-то слышали о грозящей дедушке опасности?

Ответ: Об этом в доме постоянно говорили, но мы никогда не думали, что опасность так близка. И мы не предполагали, да и не знали, каким будет покушение, как все это произойдет. Так что это было, конечно, полной неожиданностью.

Вопрос: В вашем присутствии говорилось о возможности покушения на Троцкого, об опасности? И вообще, как вы, будучи ребенком, все это воспринимали: слухи, угрозы... Вы боялись?

Ответ: Мне было известно о преследованиях деда Сталиным, о нападках на него сталинской прессы. И я, конечно, испытывал страх. Но мы не думали, что это произойдет так скоро. Когда-нибудь – да. Но что произойдет именно в данный момент или завтра... нет, этого мы не предполагали. Но когда я очутился посреди выстрелов, пыли, пороха, бомб, я осознал, что это – реальность.

Вопрос: Вы не замечали в поведении Льва Давидовича какой-то озабоченности, беспокойства, неуверенности накануне покушения? Он не советовал вам быть более осторожным, бдительным и т.п.?

Ответ: Да нет. Лев Давидович вроде бы уже привык к подобной атмосфере. Правда, после первого нападения в доме чувствовалось напряжение, но оно объяснялось не столько покушением, сколько кампанией клеветы, нападок, которую разжигали сталинисты в прессе. Именно это держало деда в напряжении – ведь ему приходилось отвечать, направлять реплики в газеты, втягиваться в полемику, с тем чтобы опровергать всю эту клевету.

Вопрос: Мне кажется, что это вы себе сейчас так представляете. А вот тогда как вы все происшедшее воспринимали, т.е. глазами ребенка? У вас такой хороший дедушка, такой добрый, вы его любите... и вдруг нападение, стрельба, бомбы...

Ответ: Хотя я был ребенком, но в свои 14 лет имел вполне ясное представление о борьбе деда против сталинской диктатуры, его преступлений. Мне были известны проблемы нашей семьи, то, что ее преследовали.

Вопрос: И не только в Мексике, но и в Париже?

Ответ: Да, конечно, повторяю: единственное, чего я не предполагал, это того, что опасность так близка, так реальна. Мне казалось, что во всех угрозах физической расправы и нападках на Троцкого больше риторики, чем дела.

Вопрос: А вы сами не пострадали во время нападения?

Ответ: Мне поцарапало пулей палец на ноге; к счастью, кость не задело. В тот момент я вообще не обратил на это внимание. И лишь когда вышел из своей комнаты и ходил по двору, почувствовал жар от раны, и нога начала немного болеть.

Вопрос: А Лев Давидович и Наталья Ивановна остались невредимыми?

Ответ: Абсолютно.

Вопрос: Но кто-нибудь погиб в результате этого нападения?

Ответ: Шелдон Харт, молодой американец, который в ту ночь дежурил. Нападавшие похитили его и спрятали в одном доме в районе Пустыни львов. Потом стало известно, что там его охранял шурин Сикейроса Луис Ареналь, и что Шелдона Харта, спящего, убили выстрелом в голову и тайно захоронили.

Вопрос: А кто открыл дверь виллы террористам? Шелдон Харт? Значит, он знал кого-то из них?

Ответ: Вероятно. Вообще в связи с этим инцидентом было выдвинуто много версий, порой противоречивых, хотя всю правду никто толком не знает. Несомненно только, что ОГПУ принимало в этом деле участие. А вот был ли Харт их агентом, из их группы, или был честным человеком... не знаю. Но Троцкий всегда доверял ему, и на него очень подействовала его смерть. К тому же Льву Давидовичу пришлось опознавать труп Харта, и он был очень взволнован...

Вопрос: После покушения на его жизнь Троцкий стал более осторожным, принял какие-то меры по повышению своей безопасности?

Ответ: Он – нет. Этим занялись молодые американцы – охранники. Они поставили металлические ворота, укрепили стены виллы и т.д.

Вопрос: А как сам Лев Давидович комментировал это событие? Говорил ли он что-либо в вашем присутствии по этому поводу?

Ответ: После покушения Троцкий какое-то время пребывал в состоянии эйфории. Он был очень рад, что ему удалось избежать смерти и постоянно говорил об этом.

Вопрос: Если я не ошибаюсь, месяца за три до нападения Лев Давидович написал свое завещание. Может быть, он все-таки предчувствовал приближение смерти?

Ответ: Ну, в общем, конечно. Ведь не случайно же он каждое утро говорил жене: «Наташа, мы прожили с тобой еще один день, и еще раз мы можем встретить с тобой рассвет».

Вопрос: Эти слова он говорил до первого покушения на него или уже после?

Ответ: После.

Вопрос: И все это открыто говорилось при вас, от вас ведь ничего не скрывали?

Ответ: Троцкий знал, что после провала нападения Сикейроса и его компании Сталин не остановится на полпути и все равно будет стремиться уничтожить его. Он, естественно, не знал, как, в какой форме это произойдет, но был убежден, что Сталин будет продолжать начатое и использует все средства, все возможности, чтобы расправиться с ним. И, надо сказать, что дед довольно спокойно относился к этому. Видимо, свыкся с этой мыслью.

Вопрос: Всеволод Платонович, поскольку мы подошли к последнему этапу жизни вашего деда, хотел бы вас спросить, сохранились ли у вас какие-либо воспоминания, связанные со вторым, ставшим роковым, покушением на Льва Давидовича 20 августа 1940 года? Вы были знакомы с его убийцей Меркадером?

Ответ: Я знал его как Джексона. Он был другом секретаря Троцкого Сильвии Агелофф. Иногда он приходил к дому, чтобы встретить Сильвию, а пока ждал ее, завязывал дружбу с охраной.

Вопрос: Вы лично знали его?

Ответ: Да, ведь он втерся в доверие к супругам Розмерам, с которыми я приехал в Мексику. У Джексона был автомобиль, и он часто приглашал Маргариту и Альфреда покататься по окрестностям Койокана. Иногда он брал и меня. Мы устраивали нечто вроде пикника за городом. Кроме того, Джексон не скупился на подарки: шоколад – Наталье; мне – модель самолета, который нужно было собрать из отдельных частей и склеить.

Вопрос: Джексон-Меркадер попал в ваш дом до первого покушения на Троцкого или позднее?

Ответ: О, намного раньше. Правда, он бывал в нашем доме всего несколько раз. И с дедом у него практически не было никаких отношений; да он и не проявлял видимого интереса к установлению контакта с ним. С Львом Давидовичем он познакомился случайно. Гулял по саду в ожидании Сильвии, и тут вышел Троцкий кормить своих кроликов. Охрана должна была объяснить ему, что это за человек, т.е. Джексона представили деду, объяснили, что он – друг Сильвии Агелофф. Троцкий поздоровался с ним за руку.

Вопрос: За завтраком или обедом Лев Давидович ничего не спрашивал о нем, о причинах его появления в доме?

Ответ: Да нет. Этот человек ведь не был троцкистом. Он всегда был где-то на задворках. И именно это было его стратегией: не привлекать к себе внимание, постепенно завоевывать доверие, дружбу охраны, делать всем небольшие услуги. Он постоянно оставлял возле нашего дома свою машину, и охрана к этому привыкла.

Вопрос: А какого мнения вы были о Сильвии Агелофф?

Ответ: Она была американкой, простой, наивной и доверчивой женщиной. Сильвия знала английский, русский, испанский, французский языки. Разделяя взгляды Троцкого, она предложила ему свои услуги в качестве секретаря. Сильвия Агелофф участвовала в работе учредительного конгресса IV Интернационала в сентябре 1938 г. Это была небольшая конференция, на которую в деревеньку под Парижем съехалось два десятка делегатов. Туда же подтянулся и Джексон, который называл себя тогда Жаком Морнаром. В Париже он познакомился с Сильвией, которая стала его любовницей. Ну, а через год они вновь встретились – на этот раз в Нью-Йорке, куда Жак Морнар приехал с фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона якобы для того, чтобы избежать воинской службы в Бельгии. Он ведь выдавал себя за сына бельгийского дипломата. Сказал Сильвии, что едет в Мексику торговым агентом и прибыл туда даже раньше нее на несколько месяцев. А Сильвия прибыла в Койокан только в январе 1940 г.

Вопрос: Судя по фамилии, Сильвия Агелофф была русского происхождения?

Ответ: Русско-еврейского.

Вопрос: Таким образом, Лев Давидович абсолютно не подозревал Джексона-Меркадера?

Ответ: Нет. Тот никогда не был на первом плане, никогда не проявлял интереса к знакомству с Троцким. Поэтому дед не придавал ему значения и не беспокоился о нем.

Вопрос: Но ведь Джексону-Меркадеру все-таки нужен был какой-то предлог, чтобы хоть немного сблизиться с Троцким...

Ответ: Да, но поначалу он был занят только тем, что стремился завоевать к себе расположение, создать о себе представление как о благородном человеке, который всем помогает. И лишь однажды он как бы случайно попросил у Льва Давидовича о небольшой услуге: не мог бы, мол, тот посмотреть и поправить статью, которую он подготовил. Разумеется, он притворялся очень искусно. Им, конечно, руководил Сталин.

Вопрос: Он выдавал себя за аполитичного человека?

Ответ: Да, абсолютно.

Вопрос: А как же тогда он написал статью, содержащую критику определенного течения в троцкизме?

Ответ: Джексон стремился создать впечатление будто у него возникли какие-то политические разногласия с Сильвией. Это и послужило оправданием для написания статьи. Написав ее, он проявил интерес к тому, чтобы сам Троцкий ее отредактировал. Разумеется, это был тонкий и точный расчет.

Вопрос: Так как развивались события 20 августа 1940 г.? Вы помните тот день?

Ответ: Когда в тот день я вернулся из школы, прошло 15–20 минут после покушения на Троцкого.

Вопрос: Таким образом, вы не слышали ни криков, ни шума?

Ответ: Когда я вошел, то первого, кого увидел, был один из охранников-американцев по фамилии Робинсон, Гарольд Робинсон. Он был страшно возбужден. Дверь в дом была открыта. Я спросил: что случилось? Он мне говорит: Джексон, Джексон... Поначалу я ничего не мог понять, а потом увидел какого-то человека в углу кабинета Троцкого. Я даже не сразу узнал его. Вид у него был совершенно безумный: он чего-то бормотал, все время всхлипывал. Одежда на нем была порвана, а сам он окровавлен. Лишь потом до меня дошло, что это – Джексон. Как-то не приходило в голову, что Джексон мог что-то сделать. Ведь он не был своим в доме, все время где-то далеко... Потом, через полуоткрытую дверь я увидел дедушку: он лежал на полу в столовой, а вокруг него суетились охранники, Наталья. Они клали на его окровавленную голову лед. И тут я все понял...

Вопрос: Полиция сразу же прибыла на место происшествия?

Ответ: Первыми, кто услышал душераздирающий крик и прибежал в дом, были охранники. Они схватили Джексона и начали его избивать. Джо Хансен, начальник охраны, при этом даже вывихнул себе руку. Но Троцкий, который был все это время в сознании, сказал: не убивайте его, он должен жить, он должен рассказать, кто его послал. Поэтому Джексона и не убили, хотя один молодой мексиканец по имени Мелькиадес был готов застрелить его из ружья.

Вопрос: После покушения и до смерти Льва Давидовича была ли у вас возможность говорить с ним?

Ответ: Нет, так как его вскоре увезли на скорой помощи в больницу, из которой живым он уже не вышел.

Вопрос: Он уже был в бессознательном состоянии?

Ответ: Да нет. Он не терял сознания. Даже когда Джексон ударил его сзади по голове ледорубом, дедушка не упал. Он вскочил и боролся с убийцей, пока не прибежала охрана. Вплоть до начала операции он был в полном сознании: разговаривал с Натальей, даже шутил. Когда перед трепанацией черепа ему стали выстригать волосы вокруг раны, он сказал: «Смотри, Наташа, пришел наш парикмахер» (в Койокане к нему обычно приходил его постоянный мастер – старый мексиканец-парикмахер). Когда все было готово к операции, он очень нежно простился с Натальей, поцеловал ее, сказал, что очень любит ее. При этом он был совершенно спокоен.

Вопрос: Значит, его состояние резко ухудшилось уже после операции?

Ответ: Операция была всего лишь отчаянной попыткой со стороны врачей. Спасти Льва Давидовича было уже невозможно. Рана была слишком глубокой – 7 см. Врачи, конечно, были бессильны. Да и сам дедушка отдавал себе в этом

отчет. Еще в столовой, где после покушения ему делали ледяной компресс, он показал Джо Хансену на свое сердце и сказал: «Ну, теперь, я думаю, все, конец». Вскоре после операции у него началась кома. И он прожил после этого еще 22 часа, а в 7 часов 25 минут вечера 21 августа умер.

Вопрос: На вас, вероятно, очень подействовала смерть деда?

Ответ: Мы уже были подготовлены к такому исходу, так как знали, что Лев Давидович очень серьезно, смертельно ранен. А на другой день в школе я увидел в газете извещение о смерти Троцкого.

Вопрос: В школе, где вы учились, знали, что вы – внук Троцкого?

Ответ: Нет, никто не знал. Я учился в школе для детей испанских эмигрантов-республиканцев; меня считали одним из них.

Вопрос: Но все-таки у вас такая непривычная для испанского уха фамилия...

Ответ: Конечно, Волков звучало необычно. Но среди эмигрантов случались люди русского происхождения.

Вопрос: Всеволод Платонович, вы, по вашим словам, прибыли в Мексику в августе 1939 г. Таким образом, судьба вам отмерила ровно год для общения с дедом. Расскажите, как складывались ваши отношения с дедушкой в течение этих 12-ти месяцев, часто ли вы виделись, как в целом протекала ваша жизнь в доме Льва Давидовича?

Ответ: С дедушкой мы виделись ежедневно, прежде всего за обеденным столом. Я уже говорил, что все мы – дед, Наталья, я, охранники, секретари Троцкого и т.д. – жили как одна большая семья. Мы и питались все вместе – за одним столом. Кроме того, когда дедушка ходил кормить кур и кроликов, я помогал ему. Вместе мы мололи кукурузу, сажали кактусы.

Вопрос: А вел ли с вами дед какие-либо серьезные разговоры о политике, морали и т.п.?

Ответ: Да нет. Даже наоборот. Когда кто-нибудь из его товарищей-американцев начинал со мной серьезные разговоры о политике, то сам дедушка просил, чтобы они не делали этого. Я, мол, не пойму. Иногда он делал мне замечание, чтобы я не отвлекал охранников, чтобы уважал их работу. Между прочим, они вели учет всех расходов по дому и делали это очень методично.

Вопрос: Кстати, кто содержал охрану дома?

Ответ: Охранники не получали зарплату. Время от времени им выдавались деньги на карманные расходы: на сигареты, на бензин для автомобилей, на скромные развлечения в выходные дни – ведь все они были очень молодыми людьми.

Вопрос: Они же занимались и приготовлением еды, уборкой помещений?

Ответ: Нет. Этим занимались две мексиканки: одна работала на кухне, другая – в доме и саду.

Вопрос: Так или иначе, все это требовало значительных расходов... В вашем присутствии Троцкий говорил о каких-либо своих финансовых затруднениях: мол, не хватает денег; надо, вот, оформлять покупку дома, а средств нет и т.п. Я спрашиваю об этом потому, что ходили слухи, будто ваш дед имел счет, который якобы Ленин открыл в одном банке США на свое имя и на имя Троцкого во время гражданской войны, когда, мол, он рассматривал возможность поражения большевиков и необходимость возобновить революционную работу из-за границы. Кроме того, муссировались слухи о том, что Лев Давидович получает денежную помощь чуть ли не от госдепа?

Ответ: Полнейший абсурд. Дед действительно получал иногда переводы из США. Речь идет о гонорарах за его статьи в американской прессе. Иногда небольшую помощь оказывала троцкистская партия США. Но в целом мы жили очень стесненно. В доме не было никакой роскоши, никакого изобилия, обстановка дома была скромная и аскетичная. Хотя наша большая семья не страдала от голода – питались мы удовлетворительно – постоянно ощущалась нехватка средств. По существу мы жили одним днем.

Что касается связей Троцкого с госдепом, то это очередная сталинская клевета. Лучшее доказательство тому – отказ госдепа в просьбе американских троцкистов переправить тело мертвого Троцкого в США и там захоронить.

Вопрос: За год жизни в Мексике вместе с вашим дедом что вам как-то особенно запомнилось?

Ответ: Запомнилось расследование обстоятельств, связанных с первым покушением в мае 1940 г.: посещение нашего дома журналистами, следователями, заявления Троцкого по этому поводу для печати. Помню, что в газетах было много клеветнических заявлений в адрес Льва Давидовича, нападок сталинистов.

Вопрос: Вы сами читали эти газетные материалы?

Ответ: Конечно, я помню также, что после первого покушения в доме царила очень напряженная атмосфера. Раньше по воскресеньям мы обычно выезжали за город, а после нападения перестали покидать дом.

Вопрос: Всеволод Платонович, хотелось бы спросить вас о том, как сложилась ваша жизнь после смерти Троцкого? Кто занимался вашим воспитанием и образованием; какие у вас были отношения с Натальей Ивановной Седовой, как вообще она себя чувствовала после смерти мужа?

Ответ: После смерти дедушки почти все обитатели нашего дома в Койокане разъехались. Некоторое время там еще жили два молодых американца – Уолтер Кетли и Хенк Шульц, но затем уехали и они. И мы по существу остались с Натальей вдвоем. Правда, время от времени кто-нибудь приезжал к нам: то гостил один американский скульптор, то супружеская чета испанских эмигрантов – журналист Альфонсо Родригес с женой Либер. Но в конце концов

мы остались одни, и это продолжалось до тех пор, пока я не вырос и не обзавелся семьей.

Что касается Натальи, то рана, нанесенная ей смертью Льва Давидовича, долго не заживала. Она была очень грустна и безутешна. Потом, правда, начала ездить в центр за покупками, иногда наносить визиты друзьям.

Вопрос: Материально вам, наверное, тоже было нелегко?

Ответ: Да, материальное положение наше все время было очень стесненным. В определенной мере помогло мексиканское правительство – оно (уже после смерти Троцкого) предложило его вдове купить у нее дом, и на эти деньги мы смогли жить несколько лет.

Вопрос: И сколько лет вы жили вместе?

Ответ: С 1940-го по 1960-й. К этому времени я женился, и мы с женой и нашими четырьмя дочерьми жили здесь.

Вопрос: У вас четыре дочери?

Ответ: Да, старшая – Вероника, поэтесса, живет здесь, в Мехико. Нора – врач-психиатр, живет в США. Из двух младший дочерей-близнецов одна живет в Мехико, она – врач-инфектолог; другая – в Лондоне, по профессии экономист.

Вопрос: Наталья Ивановна все эти годы жила в Койокане?

Ответ: Да. Лишь в 1960–1961 гг. она уехала в Париж, где оставалась год и там умерла. Я навестил ее перед смертью в Париже – у нее был запущенный рак. Так что после отъезда Натальи я видел ее дважды: один раз, когда она была еще жива, и вторично – уже на ее похоронах.

Вопрос: Но вы не сказали, где продолжали обучение после окончания школы?

Ответ: В Национальном автономном университете Мехико, в школе химических наук. По профессии я – промышленный химик.

Вопрос: Сейчас вы на пенсии?

Ответ: Нет. У меня есть свое небольшое предприятие. После 15-ти лет работы на заводах и в лабораториях я основал небольшую компанию. Правда, в настоящее время у меня практически нет служащих, и я работаю один. Так, особенно не перенапрягаюсь – поддерживаю существование. Пенсию ведь я не получаю.

Вопрос: Всеволод Платонович, а что вам известно об архиве Троцкого? Где он?

Ответ: Основной архив деда находится в Гарвардском университете в США. Лев Давидович продал его незадолго до смерти за 15 тыс. долл. Кроме того, теперь архивные материалы Троцкого имеет и Стэнфордский университет. Речь идет о документах, которые обнаружены сравнительно недавно, а раньше находились в третьих руках – у Николаевского, например.

Вопрос: Как известно, Лев Давидович закрыл свой архив. проданный Гарвардскому университету, до 1980 г. И лишь его биограф Исаак Дойчер имел, с разрешения Натальи Ивановны Седовой, к нему доступ до истечения указанного срока. Но вы, как прямой потомок Троцкого, вероятно, имели право познакомиться с его материалами?

Ответ: Нет. Я никогда не видел документов архива деда и не выполнял никакой работы, с этим связанной.

Вопрос: Но если вас не интересует политика, то в чем состоит ваша цель, в чем вы видите свой долг по отношению к вашему деду?

Ответ: Моя главная цель – восстановление исторической правды. По моему глубокому убеждению, торжество правды – самое важное для прогресса человечества...

Вопрос: Всеволод Платонович, вы ведь – не профессиональный историк. Я понимаю, конечно, что вы любили и любите своего деда, верите в его честность и порядочность. Но все же, на чем основана ваша вера в правоту дела Троцкого? На интуиции?

Ответ: Я верю в подлинный марксизм, в справедливость его учения. Сталинские фальсификаторы марксизма так исказили, так деформировали его, что марксизм стал использоваться в целях, прямо противоположных основным постулатам, разработанным Марксом, Энгельсом и Лениным. Я считаю, что среди других идеологий марксизм далеко не исчерпал своих возможностей.

Вопрос: Вы считаете себя марксистом?

Ответ: Да, я – марксист.

Вопрос: Вы принадлежите к какой-нибудь марксистской партии?

Ответ: Нет, но я постоянно ощущаю несправедливость существующей здесь капиталистической системы: пропасть между различными слоями населения, богатство и нищета на разных полюсах общества. Я считаю, что капиталистическая система не может разрешить это противоречие. Убежден, что человечество должно эволюционировать к таким формам сосуществования, где царствуют справедливость, равенство, гармония.

В.В.Леонидов

ВОЗВРАЩЕНИЕ «РОДИНЫ»

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий Архивом-библиотекой Российского фонда культуры.

1954 год. Недавно умер Сталин, но о крахе системы социализма и СССР может мечтать разве что только сумасшедший. А в далеком американском штате Нью-Джерси, на окраине города Лейквуд, собираются русские эмигранты. В основном бывшие офицеры. Инициатором встречи был бывший вахмистр 12-го уланского Белгородского полка, сын крупного ставропольского землевладельца Николай Андреевич Ковура. Уже тогда у этих людей не было никакого сомнения, что когда-нибудь Россия снова будет свободной, и что они должны хранить и передавать детям и внукам наследие своей любимой страны, о которой те имели представление лишь по книгам и рассказам старших. Результатом собрания стало решение о создании культурно-просветительного и благотворительного общества. О названии долго не спорили. Конечно – «Родина».

«Основная цель общества "Родина" – объединение всех выходцев из России и их потомков на принципах взаимопомощи, общности духовных и культурных интересов без различия расы, национальности, происхождения и религии, помня, что в единении – сила!». Так было записано в уставе общества.

Одной из задач, также зафиксированных в основополагающих документах, стало собирание реликвий русской истории и культуры, по тем или иным причинам оказавшихся за границей. И что самое поразительное, основатели общества записали черным по белому – когда Россия станет свободной, то ценности эти должны быть переданы на Родину. Кто бы мог подумать, что через сорок три года пожелание это будет выполнено.

А через два года Николай Ковура уже открывал большое здание «Родины». С просторными залами, сценой, библиотекой, помещениями под выставки. Совсем рядом красовался большой собор Святого Александра Невского, также выстроенный в последнее время. В своей речи Николай Андреевич много говорил о значении этого события, о том, что появился еще один островок России за ее пределами, за границами страны, которую они так любили. «Родина» – малый осколок Родины – России. Родина – сколько тепла таится в этом слове. Я не помню, кто сказал: «Истина, Мать и Родина произносятся только чистыми устами». Поэтому прошу помогать, оберегать, а если нужно, и защищать ее».

Почти сразу же в новом здании заработала русская школа, при которой был создан «Кружок русской культуры». Фактически это был целый факультатив. Затем было объявлено о создании спортивного клуба «Витязь». Естественно, начала складываться библиотека. Работали театральные, художественные студии. «Родина» щедро предоставляла свои помещения для

съездов русских кадетов, Общества военных инвалидов, Георгиевских кавалеров. Беспрерывным потоком шли благотворительные вечера в пользу больных и престарелых соотечественников.

Наверное, уже всего вышеперечисленного вполне достаточно для того, чтобы отдать низкий поклон этим людям, сумевшим отстоять свою страну и свою культуру на чужой земле. Но «Родина» была не только общеобразовательным и духовным центром. Лейквуд на долгие годы превратился в один из главных музеев русской эмиграции.

Начало ему положил человек неистощимой энергии, из тех, кого исстари называли подвижником – Всеволод Павлович Стеллецкий. Первыми экспонатами музея стали погоны Крымского и Владикавказского корпусов, ассигнация достоинством в сто рублей, десятикопеечная монета и портреты Корнилова и Деникина. А дальше буквально хлынул поток даров. Одно за другим «Родина» приняла собрания Музея Николаевского кавалерийского училища – знаменитого военно-учебного корпуса, который в свое время заканчивал Лермонтов, Музея русской конницы, Музея Константиновского артиллерийского училища, лейб-гвардии Семеновского, Измайловского и Павловского полков, Музея морского объединения. В Америку их присылали русские эмигранты со всего мира. Перечислить всех, кто помог становлению собрания, просто невозможно. Здесь можно вспомнить и князя С.С. Белозерского, и председателя Союза георгиевских кавалеров генерала В.Г. Харжевского, и многих, многих других.

Прошло еще несколько лет, и в 1967 г. княжна Вера Константиновна перерезала ленточку на торжественном открытии музея. Естественно, большой раздел там был посвящен истории русского императорского дома. Здесь были автографы царя-миротворца Александра III и рескрипты последнего русского императора, и коллекция пасхальных яиц, принадлежавшая семье Николая II. Материалы все были фантастической ценности – чего стоили, к примеру, записки, которые великие княжны посылали через штыки красноармейской охраны, или подлинные письма последней русской императрицы. Или альбом генерала Александра Сыробоярского с фотографиями Александры Федоровны и ее дочерей во время работы в военном госпитале в годы Первой мировой войны. Или другой альбом, цены которому просто нет – свод фотографий, сделанных во время расследования колчаковским представителем Соколовым обстоятельств казни царской семьи.

Дальше перед посетителями открывался зал военной истории, вход в который предваряли манекены в форме Императорской гвардии. Рядом с большой панорамой Бородинского сражения располагались военный и казачий отделы. Над витринами с множеством наград и значков висели массивные гербы Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск. Вдоль прохода стояли шкафы с фуражками всех российских полков и подразделений, витрина орденов, полученных русскими в иностранных формированиях. Отдельно была представлена коллекция оружия, в том числе старинных шашек, кинжалов и пистолетов.

Восторг посетителей вызвал морской зал! Под образом Николая Чудотворца лежал Морской устав 1709 г. А за витринами с наградами и знаками отличия всего Российского Флота стояли миниатюрные модели ботика Петра Великого и других судов. А за ним возвышался двухметровый макет «Варяга», подаренный оркестром русских балалаечников из Филадельфии. К слову, сам легендарный крейсер был построен на филадельфийской верфи по заказу правительства России.

Восхищения была достойна и художественная галерея «Родины». Стараниями многих русских коллекционеров и антикваров, живших в Америке, в том числе бывшего секретаря Дягилева Николая Гришковского, в «Родине» были представлены полотна Айвазовского, Нестерова, Грабаря, председателя «Союза русских художников» Виноградова...

В 1979 г., на 25-летнем юбилее «Родины», обращаясь к многочисленным русским эмигрантам, приехавшим на торжества, В.П. Стеллецкий сказал: «Я считаю, что удалось создать то, что мы имеем, благодаря двум причинам. Доверие ко мне и Ваша жертвенность. Только это дало возможность создать наш чудный музей».

Нет сомнения, что это был лучший русский исторический музей за пределами России. Как и вообще один из ведущих духовных и культурных центров русского изгнания.

Перечислить все, что было сделано «Родиной», невозможно. Это издание книг, многочисленные благотворительные акции, праздники, а самое главное, сохранение памяти о своей стране. Так, Объединение российских кадетских корпусов ежегодно устраивало кадетские и институтские балы, школьные соревнования по хоровому пению, вручало Владимирский стяг за лучшее сочинение на историческую тему. Здесь же, в помещении «Родины», прошел съезд третьего кадетского корпуса, ставший большим и серьезным этапом в истории русского зарубежья. Тут же устраивали свои балы Общества военных инвалидов и Георгиевских кавалеров, Общества помощи русским детям, репетировал и показывал свои спектакли Театр русской молодежи из Нью-Йорка. А сколько добрых слов можно сказать о Художественной студии для детей и подростков, куда стремились отдать своих чад русские семьи со всего североамериканского континента. В отличие от некоторых своих товарищей по изгнанию члены «Родины» не отворачивались высокомерно от вновь прибывающих на американскую землю, а для тех, кто обращался за помощью, организовывали курсы английского языка.

Наверное, мало кто знает, что еще в годы первой, «золотой волны» эмиграции журналом «Иллюстрированная Россия» был организован конкурс, на котором выбирали первую красавицу русской диаспоры во Франции. Причем членами жюри были, к примеру, Бунин, Куприн, Лифарь. Их примеру последовало руководство «Родины». В течение более чем 20 лет проводился фестиваль по определению «Мисс Родины». Победившая красавица должна была представлять общество на всех официальных встречах.

Время шло. С какой-то калейдоскопической быстротой исчезла система социализма, а за ней и казавшийся не-

поколебимым Советский Союз. И все чаще вспоминалось решение Совета Старшин «Родины» о том, что все сбереженные богатства должны быть возвращены в Россию.

Надо сказать, что такие условия вовсе не были редкостью при создании центров русского зарубежья. Потому что русские эмигранты всегда служили Родине. Автор этой статьи своими глазами видел черновик завещания знаменитого исторического романиста Марка Алданова, где черным по белому написано, что материалы Бахметьевского архива, который был создан им и другими известными эмигрантами, должен быть передан России после падения коммунизма. Однако более чем сомнительно, что это пожелание будет когда-нибудь выполнено.

С «Родиной» все получилось по-другому.

Палящим июлем 1993 г. в Центральном музее вооруженных сил в Москве состоялась выставка «Россия в двух войнах», на открытии которой присутствовал председатель «Родины» Олег Круминс. Для этой экспозиции были предоставлены и некоторые реликвии из Лейквуда. Выставка и огромный интерес к русскому зарубежью настолько поразили Круминса, что было принято решение оставить драгоценные экспонаты Музею вооруженных сил. Между Музеем и «Родиной» возникла настоящая дружба. Директор Музея Александр Никонов побывал в Лейквуде и началась постепенная передача бесценной коллекции в Россию.

Но речь шла об огромном собрании, и такая передача через океан – дело более чем непростое. И здесь на помощь пришел Российский фонд культуры. Главную роль в деле возвращения сыграла директор президентских программ Фонда Елена Николаевна Чавчавадзе. Огромную помощь, естественно, оказал и президент Фонда Никита Сергеевич Михалков. Вместе с сотрудниками Музея вооруженных сил Елена Николаевна сама все паковала, проводила необходимые переговоры. Груз реликвий «Родины» составлял три тонны. Перевозка его в Россию была очень сложна. Но все хорошо, что хорошо кончается, и в августе 1998 г. во двор Фонда культуры въехал грузовик с огромным контейнером.

Немедленно началось тщательное описание коллекции, и, естественно, такие сокровища долго не могли оставаться в запасниках. Началось победное шествие материалов «Родины» по бесчисленным статьям, книгам, теле- и радиопередачам. Архивные документы, мемориальные вещи, книги, картины были представлены на десятках выставок, подготовленных Музеем вооруженных сил и Российским фондом культуры. К примеру, огромный резонанс имела огромная экспозиция в Академии художеств в Москве и целый ряд реликвий русской военной славы, озаглавленный «"Родина" возвращается на Родину», впечатление производил более чем сильное. Неоценимую помощь оказали материалы «Родины» и при подготовке многосерийного фильма «Никита Михалков: Русский выбор» – огромного телевизионного полотна, посвященного судьбам российских изгнанников «первой волны».

Нельзя не вспомнить недавно покинувшего нас замечательного историка флота Владимира Викторовича Лобы-

цына, подготовившего по материалам «Родины» ряд книг, в том числе уникальный «Мартиролог русской военно-морской эмиграции» – сборник сведений о более чем тысяче офицеров и моряков России, закончивших свою жизнь за границей после Гражданской войны.

Вообще такого грандиозного возвращения русского наследия из-за рубежа не было очень давно. Обретение «Родиной» Родины – событие огромного значения. Бесценная коллекция, хранящаяся ныне в Российском фонде культуры и Музее вооруженных сил, а также частично переданная в другие архивы и музеи – к примеру, в Военно-морской музей и Архив военно-морского флота, продолжает служить тому, ради чего она создавалась – России.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Л.П.Репина, М.С.Бобкова

ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Репина Лариса Петровна – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.

Бобкова Марина Станиславовна – кандидат исторических наук, заведующий Центром интеграции академической и вузовской науки.

Идея создания Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ) зародилась в 1999 г. на конференции «Интеллектуальная история на рубеже веков», в которой принимали участие ученые, преподаватели из 12 университетов РФ. Юридически Общество было зарегистрировано в 2001 г. Уже на подготовительном этапе работы было очевидно, что инициативу в значительной мере берут на себя регионы. На 1 января 2005 г. численность членов Общества составляла 348 человек. На территории Российской Федерации действуют 28 его отделений. Они находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Липецке, Сыктывкаре, Ставрополе, Казани, Уфе, Тамбове, Брянске, Новосибирске, Омске, Томске, Екатеринбурге, Сочи, Ростове-на-Дону, Саратове, Перми, Петрозаводске, Орле, Магадане, Махачкале. По своей численности отделения очень разные: например, магаданское, брянское отделения насчитывают по 5 человек, а ставропольское, тамбовское, омское, санкт-петербургское до 27–30 человек. Развивая региональную сеть, основатели Общества руководствовались правилом: «лучше меньше, да лучше» и ориентировали своих коллег на создание коллективов творческих единомышленников. Формы деятельности региональных отделений самые разнообразные: издательские программы, научно-методические семинары, конференции, комплексные научно-организационные программы, сетевые семинары и др. Выходит в свет и печатная продукция РОИИ: «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории» (на сегодня вышло в свет 15 выпусков) и научно-информационный «Вестник РОИИ» (11 номеров).

Общество интеллектуальной истории в России с самого начала своей деятельности опиралось не только на современный международный опыт научных ассоциаций, но и на «внутридисциплинарную» научную рефлексию – результаты имеющихся исследовательских работ по истории научных сообществ.

История создания и развития научных сообществ определяется современной историографией как важная часть широко понимаемой интеллектуальной истории, которая изучает не только плоды интеллектуальной деятельности, но и ее условия. В сложном комплексе условий этой деятельности структура и функционирование профессиональных научных ассоциаций занимает не последнее место. Проблема формирования и развития научных сообществ

(как в историческом прошлом, так и в современном мире) рассматривается, как правило, в институциональном, дисциплинарном и национальном аспектах, которые традиционно отражают социальные приоритеты и сложившуюся профессиональную идентификацию.

Хотя самые общие цели, критерии и формы организации научных сообществ сохраняют свое значение, меняются их соотношение, а также средства общения и распространения результатов научных исследований, эффективность и «зона влияния». Цели, функции и структура союзов ученых, которые объединяют свои усилия, знания и ресурсы для развития той отрасли знания, в которой они специализируются, уже не отвечают в полной мере требованиям времени. Проблема межличностных и межгрупповых научных коммуникаций в эпоху электронных средств информации и развитой сети Интернет приобретает совершенно иное звучание. Организационная структура становится менее жесткой, а сама принадлежность к ассоциациям основывается скорее на междисциплинарных научных интересах, не регламентированных профессиональным образованием и статусом.

Огромную роль в странах Западной Европы и в США играют мощные традиции общественной инициативы и добровольных ассоциаций самого разного толка. Важный «ограничительный» фактор – существование плотной сети многочисленных и очень разнообразных (по тематике, «возрасту», масштабам, по качеству своей продукции) научных обществ. Но в то же время развитая академическая (в широком, западном смысле этого слова) среда, инфраструктура современного научного знания (университеты, научные центры, периодические издания, многочисленные научные издательства) с растущей междисциплинарной составляющей выступают как фактор «стимулирующий». При высокой плотности научных сообществ по всем отраслям знания формирующиеся внутри этих дисциплинарных сообществ «инновационные» группы ищут и находят единомышленников в более широком интеллектуальном пространстве.

Формирование междисциплинарного научного сообщества нового поколения отражает интеграционные процессы, преобразующие современное социально-гуманитарное знание. Яркий пример тому – Международное общество интеллектуальной истории (The International Society for Intellectual History – ISIH), которое возникло на волне «культурного поворота». На учредительном собрании ISIH в Лондоне 8–9 июля 1994 г. присутствовало 32 ученых из разных стран, представляющих историю науки, историю философии, историю книги, историю литературы, историю религии, историю политической мысли, историю искусства и музыки. На собрании Общества было принято решение по кардинальному пункту идейной платформы: ни один из имеющихся в науке подходов не будет претендовать на исключительность и монопольное право определять лицо интеллектуальной истории. Но, пожалуй, не меньшую роль играют активный обмен информацией, научная полемика и профессиональные консультации между «интеллектуальными историками» в сети Интернет. Эта де-

ятельность создает вокруг Общества «виртуальное сообщество», не ограниченное формальным членством.

Первым коллективным членом ISIH стало Российское общество интеллектуальной истории, его полное название: Межрегиональная общественная организация содействия научно-исследовательской и преподавательской деятельности «Общество интеллектуальной истории». С самого начала его деятельность опиралась на взаимодействие представителей академической науки, столичных и региональных классических и педагогических университетов, а также широкой сети других высших учебных заведений разного профиля. Приоритетная задача Общества – распространение достижений мировой и отечественной науки в области изучения интеллектуальной истории (без ограничений хронологического, географического или предметного характера) на сферу образования. Общество открыто не только для научных сотрудников и преподавателей, но и для аспирантов и студентов. Особенно много молодежи привлекают его ежегодные научные конференции. Главную консолидирующую роль играет при этом интердисциплинарный по своему замыслу и последовательной редакционной политике «Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории», вокруг которого и собралось ядро Общества. Важной составляющей работы Общества являются также постоянно действующий научный семинар при Центре интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и сеть семинаров в региональных отделениях.

Активность региональных отделений (даже самых немногочисленных по своему составу) превзошла все ожидания. Многие исследовательские, научно-организационные и издательские программы Общества проводятся по их инициативе, а некоторые из них реализуют собственные комплексные программы (в Казани, Ставрополе, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Омске и др.). На повестке дня – создание базы данных, подготовка издания биобиблиографического справочника специалистов по интеллектуальной истории, размещение электронного каталога по интеллектуальной истории на сайте Общества. Опыт работы региональных отделений Общества – самое главное и убедительное подтверждение своевременности и высокой востребованности подобной формы самоорганизации в сфере социально-гуманитарного образования.

Е.С.Данилко

АССОЦИАЦИЯ ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

Данилко Елена Сергеевна – кандидат исторических наук, исполнительный директор Ассоциации этнографов и антропологов России.

Ассоциация этнографов и антропологов России как добровольное, научное общественное объединение была образована в 1990 г. на Всесоюзной конференции по итогам полевых этнографических и антропологических исследований в Алма-Ате. Инициатором создания Ассоциации выступил Институт этнологии и антропологии АН СССР; ее первым президентом стал член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов. В ее деятельности могут участвовать как общественные объединения, так и частные лица, она открыта для всех совершеннолетних граждан России, иностранных ученых, преподавателей, сотрудников музеев, издательств, журналов, библиотек, студентов, то есть всех интересующихся наукой о человеке, прежде всего этнографией и антропологией, другими смежными дисциплинами.

Советской этнографической школе нередко приписываются излишний идеологический догматизм. Между тем труды известных этнографов того времени – С.П. Толстова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова, Ю.В. Бромлея и многих других – отличали широчайшая эрудиция, оригинальность, свобода в выражении сути исследуемых явлений. Известная изолированность и некоторая «оторванность» советской этнографической школы от различных направлений мировой антропологии объясняется отнюдь не узостью кругозора исследователей, а теми объективными обстоятельствами, в которых существовала вся гуманитарная наука в СССР, загнанная в жесткие идеологические рамки.

Изменения в научном мире, ставшие закономерным результатом демократических преобразований в постперестроечной России, поставили новые задачи перед этнографическим сообществом, а также более четко обозначили потребность в координации усилий различных региональных центров. Созданная как раз в этот период Ассоциация видела свои цели в исследовании современных этнических процессов в России и за рубежом, в пропаганде достижений этнографической и антропологической науки. Она стремилась внести свой вклад в укрепление дружбы народов всего мира, взаимопонимание, сотрудничество народов России и других стран, в борьбу против расовой, национальной, религиозной нетерпимости, дискриминации и исключительности. Таким образом, создание Ассоциации было связано с началом нового этапа в развитии отечественной этнографической науки, который характеризуется, с одной стороны, расширением спектра научных исследований, а с другой – сближением предметной области исследований российских ученых с разработками западных социальных антропологов и этнологов.

Общие стратегические цели Ассоциации находят выражение в ее текущей деятельности. Сплочение исследователей может быть достигнуто на базе более тесного обмена информацией между ними, осуществляемого на конгрессах этнографов и антропологов России. Первый такой конгресс, на котором обсуждались преимущественно организационные вопросы, состоялся в Рязани в июне 1994 г. На нем был избран новый президент Ассоциации – член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев. Летом 1997 г. в Уфе на базе Центра этнологических исследований и Музея археологии и этнографии прошел Конгресс этнографов и антропологов России. Главной его темой стали проблемы взаимодействия и многообразия этнокультурных сообществ, этноконтактных зон и полиэтничных регионов. На Конгрессе обсуждались проблемы формирования и развития народов и культур, этноязыковых, этнокультурных и этнополитических ситуаций и процессов, в частности, в Волго-Уральском регионе; ставились вопросы развития науки, источниковедения и историографии, этнографического музееведения и другие; были представлены новейшие результаты в области физической антропологии, гендерных, этногенетических, этноправовых, этносоциологических, этноархеологических и этнодемографических исследований.

Если в работе уфимского этнологического Конгресса приняли участие более 300 ученых, то на следующем III Конгрессе, проходившем в Москве в июне 1999 г., собралось уже 700 исследователей, работало свыше 40 секций и круглых столов. Президентом Ассоциации в это время являлся доктор исторических наук, профессор М.Н. Губогло. В центре внимания ученых на этот раз были различия в теоретических и методологических подходах к исследованию этнокультурных сообществ, принятых в западной и отечественной науке. На этом Конгрессе значительно расширился круг обсуждаемых вопросов, касающиеся новых, ранее не разрабатывавшихся российскими этнографами направлений, таких, как этнопсихология, кампанология, этнология смеха, антропология религиозности, визуальная антропология и т.д.

IV Конгресс прошел в сентябре 2001 г. в столице Кабардино-Балкарии – Нальчике. Общее руководство Ассоциацией осуществлял доктор исторических наук Х.М. Думанов. Главная тема Конгресса звучала следующим образом – «Время в этнологии и этнология времени». Разнообразие форм структурирования и использования времени, понимания времени как культурного ресурса и как основы идентичности всегда представляли особый интерес для этнологических исследований. На Конгрессе обсуждались этнологический и антропологический взгляды на проблему времени, их влияние на представления исследователей и развитие науки. Особое внимание было обращено на рассмотрение времени как категории историко-социологического дискурса. Этнология, с одной стороны, исходит из понимания единства прошлого, настоящего и будущего, а с другой – исследует конструирование множества времяположений: прошлого в настоящем, настоящего в прошлом, будущего в прошлом. Таким образом, трактовка категории времени в этно-

логии позволяет не только объяснять культурные явления, но и создавать концепции периодов, эпох, культур, этнической истории и этнической идентичности. Отличительной чертой этого Конгресса стало активное участие в нем молодых исследователей из региональных центров.

На последнем пленарном заседании Конгресса в Нальчике было принято обращение к средствам массовой информации, в котором говорилось, что толерантное и позитивное освещение жизни народов и состояния культур в российском обществе должно стать основным принципом анализа этнической тематики и отражать высокий уровень взаимодействия и интеграции граждан в повседневной жизни. Ученые-этнологи выразили свою готовность к сотрудничеству с журналистами, к разработке образовательных и информационных программ, к совместному обсуждению материалов прессы и телерадиовещания.

Следующий V Конгресс этнографов и антропологов России проходил 9–12 июня 2003 г. в Омске. В его организации, помимо Ассоциации и Института этнологии и антропологии РАН, участвовали Омский государственный университет, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН и Сибирский филиал Российского института культурологии. На Конгрессе было заслушано свыше 300 докладов ученых из 54 городов России и зарубежных стран, всего работало 48 секций. Самые большие делегации были из Омска (80 человек) и Москвы (74 человека, в том числе около 40 – сотрудники ИЭА РАН). В Конгрессе приняли участие также гости из Казахстана, Кыргызстана, Великобритании, Германии, США, Норвегии, Финляндии и Франции.

В докладах освещались проблемы культурного пространства, понимаемого в этнологии как взаимодействие четырех элементов – природной среды, времени, смысла и коммуникации. В понимании пространства этнологов интересует, прежде всего, уровень значений или смыслов, а также сама пространственная среда и ее трансформации под воздействием человека: культурные ландшафты, поселения, архитектура, интерьер и множество других видов пространственной организации.

В рамках Конгресса прошли круглый стол, посвященный презентации журнала Anthropology and Archaeology of Eurasia (проф. Марджори Белзер, США), и два мастер-класса – С.В. Соколовского «Образы Других в российской науке, политике и праве» и Д.А. Функа «Современные достижения в изучении шаманизма и эпической традиции юга Западной Сибири».

Самым многочисленным стал VI Конгресс, прошедший летом 2005 г. в Санкт-Петербурге под руководством. директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН д.и.н Ю.К. Чистова. На участие в нем поступило более 2000 заявок от ученых России, ближнего и дальнего зарубежья. Конгресс стал важным этапом подведения итогов научной программы «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», которая на протяжении 2003–2005 гг. была темой междисциплинарного комплексного исследования более чем в 30 научных институтах и

ряде университетских центров России. Она объединяла разнообразные научные проекты – от археологии и физической антропологии до новейшей истории. Конечно, проблема историко-культурных взаимодействий в Евразии не может быть исчерпана за такой короткий срок, ее исследования будут продолжаться. На Конгрессе работали 26 секций и 2 круглых стола, кроме того, проходил фестиваль визуально-антропологических фильмов.

Материалы всех конгрессов были опубликованы. Помимо организации конгрессов, Ассоциация занимается подготовкой информационных бюллетеней, в которых помещаются материалы о профильных научных центрах, действующих в стране и за рубежом, о конференциях, конгрессах, круглых столах и других научных мероприятиях. Бюллетени содержат списки публикаций различных научных центров страны, что стало весьма актуальным, так как на местах появилось много новых возможностей для издания трудов, но сократились тиражи изданий и разорвана единая система их реализации. Следует назвать и такое важное дело, как подготовка справочника «Этнографы и антропологи России». Его первый пробный выпуск вышел в свет ко времени II Конгресса в Уфе. Работа в этом направлении продолжается.

Перспективы дальнейшей деятельности Ассоциации этнографов и антропологов России будут связаны, очевидно, с организацией всероссийских и международных научных форумов, на которых предполагается обсудить наиболее актуальные проблемы межэтнической толерантности и этно-демократических миграционных процессов в России. В планы Ассоциации входят также создание региональных отделений и развитие международных связей.

Т.В.Поляченко

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ

Поляченко Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, исполнительный директор Ассоциации экономических научных учреждений РАН.

Современное развитие мировой экономики характеризуется углублением процессов глобализации хозяйственной жизни, выражающихся в росте взаимозависимости стран и экономик, усиливающемся переплетении национальных экономических структур, обострении глобальных проблем, интенсификации обмена информацией, включая международный научный обмен. Новые проблемы и вызовы требуют скоординированного на международном уровне ответа со стороны как национальных научных коллективов, так и международных научных сообществ и ассоциацией. К числу таких сообществ относится и Международная экономическая ассоциация (МЭА), которая вносит весомый вклад в объединение усилий ученых, разрабатывающих приоритетные проблемы и направления современной экономической науки. Большое внимание МЭА уделяет организации и проведению представительных международных конгрессов.

Очередной XIV Конгресс Международной экономической ассоциации был проведен в Марракеше (Марокко) с 29 августа по 2 сентября 2005 г. В его работе приняли участие 450 ученых из 48 стран. Программа Конгресса была сконцентрирована вокруг обсуждения новейших тенденций в экономике и важнейших социально-экономических процессов в современном мире. К числу более конкретных и специальных дискуссионных проблем были отнесены результаты развития бихевиористской экономики; новые тенденции институциональной экономики; глобализация и дальнейшая разработка теории торговли; анализ и итоги первых пятнадцати лет постсоциалистической трансформации; экономические аспекты честности и доверия в наше время и др.

Ответственным за научную подготовку Конгресса был президент МЭА Янош Корнаи. В этой работе ему оказывал содействие международный Программный комитет, сопредседателями которого являлись Джеральд Роланд и Ласло Матиаш. На пленарном заседании Я. Корнаи выступил с посланием на тему «Великие преобразования в Центральной и Восточной Европе: успехи и разочарования».

В работе Конгресса приняли активное участие российские ученые – президент Ассоциации экономических научных учреждений РАН академик О.Т. Богомолов, вице-президент этой Ассоциации, директор ЦЭМИ РАН академик В.Л. Макаров, академик В.М. Полтерович (ЦЭМИ РАН), профессора В.И. Аркин (ЦЭМИ РАН), А.В. Белянин (Государственный университет – Высшая школа экономики,

ИМЭМО РАН), А.А. Васин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская экономическая школа), Е.В. Журавская (Российская экономическая школа).

О.Т. Богомолов выступил с докладом «Экономика и общественная среда», в котором на основе анализа рыночных реформ в постсоциалистических странах был сделан вывод о неотделимости экономики от функционирования политической системы, состояния общественного сознания, нравственного и культурного уровня населения и многих других сторон жизни и поведения людей.

Доклад В.Л. Макарова «Задачи оптимального количества ступеней иерархии» был посвящен решению этих задач применительно к различным социальным и экономическим процессам в стране.

В.И. Аркин представил доклад «Влияние налоговой реформы на привлечение инвестиций в переходной экономике: российский путь». В основу методологии анализа была положена модель инвестиционных ожиданий, описывающая поведение потенциального инвестора в процессе создания нового производственного предприятия. Подчеркнув, что существенное влияние на поведение инвестора оказывает налоговая система, докладчик дал в рамках указанной модели полное описание оптимального поведения инвестора в зависимости от параметров налоговой системы.

В докладе А.В. Белянина «Качество бизнес-прогнозов и их экономические последствия» отмечалось, что одним из основных достоинств эффективного менеджера традиционно считаются хорошие прогностические способности. Вместе с тем многочисленные исследования показывают, что эти способности могут быть подвержены различным психологическим «смещениям», внутренне присущим человеческой природе. К их числу относятся чрезмерная убежденность в качестве собственных прогнозов, выявленная в ходе панельного опроса российских менеджеров, проводившегося «Российским экономическим барометром» в 1996–2004 гг. Однако исследование привело к неожиданному выводу: фирмы, менеджеры которых склонны к завышенной оценке качества собственных прогнозов, в среднем оказываются более эффективными. Этот результат нельзя объяснить в рамках традиционной неоклассической теории фирмы в условиях неопределенности. Вместе с тем он поддается объяснению при помощи более общей поведенческой модели (которую А.В. Белянин привел во второй части доклада).

Е.В. Журавская (совместно с Е. Яковлевым) в докладе «Лоббирование и федерализм» показала, что воздействие децентрализации на общественное благосостояние в странах со слабыми демократическими институтами зависит от того, какие лоббирующие группы преобладают, – имеющие широкий диапазон интересов или действующие в какой-либо одной сфере. Данные по России свидетельствуют, что влияние межрегиональных групп больше способствует улучшению эффективности фирм, чем контроль только региональных групп. В международной торговле лоббирование со стороны мультинациональных групп должно вести к более низкому уровню протекционизма, чем в тех случаях, когда

лоббирование осуществляется национальными корпорациями.

Представленный А. Васиным (совместно с Л. Васиной) доклад «Аукционы однородного товара» содержит оценку отклонения равновесий Нэша от равновесия Вальраса для каждого варианта таких аукционов и рассматривает проблему оптимальной организации аукциона с точки зрения общественной выгоды. Полученные результаты применимы к российскому рынку электроэнергии.

Проблемы, поставленные российскими учеными, привлекли внимание участников Конгресса и вызвали большой интерес. Были заслушаны также доклады Д. Канемана о вкладе экспериментальной экономики в современную теорию полезности, Т. Курана об институциональных причинах замедленного развития стран Ближнего Востока, Ф. Агьона о роли высшего образования и фундаментальных исследований в процессах экономического роста, Я. Киан и Ж. Ву о преобразованиях в Китае, Э. Фелпса об осмыслении глобальных изменений в мире. Ряд актуальных проблем был затронут на специальных сессиях Конгресса. В частности, были сделаны сообщения и доклады о значении экспериментальной экономики для современной экономической теории (Г. Гинтис), механизмах институциональных изменений (М. Аоки), постсоциалистических переходных экономиках (Я. Свейнер), факторах недоверия в этих экономиках (С. Розе-Аккерман), проблемах «утечки мозгов» (О. Старк), связях институционального планирования и функционирования экономики (К. Менар).

В целом тематика докладов, представленных для обсуждения на Конгрессе, характеризовалась большим разнообразием и даже пестротой. Был неодинаков и уровень аналитической разработки проблем. Как наиболее содержательные следует выделить доклады, посвященные проблемам и успехам экономического развития Китая и Марокко. В ряде же выступлений, посвященных взаимозависимости различных экономических факторов, преобладали абстрактные модели, оторванные от реальной действительности, от текущих экономических тенденций. Это обстоятельство подчеркивает настоятельную потребность в более углубленном и предметном анализе реальных процессов, происходящих в настоящее время как в мировой экономике, так и в хозяйственной жизни отдельных стран. Надо надеяться, что такой анализ будет преобладать в работе следующего, XV Конгресса МЭА, который планируется провести в 2008 г. в Мадриде. Подготовка к нему будет осуществляться под руководством нового состава Исполкома Международной экономической ассоциации, в который избран и российский ученый – академик В.М. Полтерович.

Майер К.

ПЫЛЬ ИМПЕРИИ. «БОЛЬШАЯ ИГРА» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Meyer K.E.
La polvere dell'impero. Il «grande gioco» in Asia centrale. - Milano: Corbaccio, 2004. - 364 p.

Автор реферируемой книги – американский исследователь Карл Эрнет Майер, бывший профессор университетов Принстона, Йеля и Оксфорда, ныне корреспондент газеты «Вашингтон Пост», член редакционного совета «Нью-Йорк Таймс» и главный редактор «Журнала мировой политики». В своем исследовании он стремится показать, как погоня великих держав за превосходством привела к возникновению исламского терроризма и нынешним международным конфликтам.

В монографии дается широкая характеристика колониальной и постколониальной эпох. Для этого автор обращается к истории Великобритании, США, России, Ирана, Пакистана, Афганистана, государств Кавказа и Центральной Азии. Речь идет не только о прошлом, но и о будущем данных стран, о их роли в нынешнем противоборстве за геополитическую «сердцевину мира».

Книга вышла в США в 2003 г. Вскоре была опубликована в переводе на итальянский в «Исторической серии» издательства Корбаччо. Книге предпослан ряд эпиграфов, один из них – приписываемые Де Голлю слова по поводу обретения независимости странами Африки в 60-е годы: «Они не что иное, как пыль империи».

В представлении издательства отмечается, что Центральная Азия и Иран, страны Закавказья, Афганистан, Пакистан для большинства жителей Запада окутаны мистической тайной. Пространства, населенные разноязычными народами со своеобразными обычаями и простирающиеся от Персидского залива до России и Юго-Восточной Азии, трудно достижимы. Однако они всегда были объектами завоеваний. Империи, созданные местными и иностранными властителями, сменяли и сменяют там одна другую, оставляя тяжелое наследие прошлого и влияя на геополитику этого региона не менее, чем вся международная мировая система. В настоящий момент наибольшее влияние там оказывают Соединенные Штаты, это иной тип господства, который, однако, как считает К. Майер, не отличается от имперской политики XIX в., что может слишком дорого обойтись делу мира и международной стабильности.

В предисловии президента «Сенчури Фондэйшн» Ричарда К.Леоне подчеркивается, что народы Центральной Азии представлялись «темным» американцам «экзотическими, романтическими, стратегическими, сложными, опасными». Речь идет о Казахстане, Узбекистане и их соседях. На протяжении десятилетий в XIX в. складывались легенды о «крупной имперской игре» между Россией и Великобританией. США впервые оказались вовлеченными в происходящие в этом регионе процессы, и то неофициально, лишь 70–80-е годы XX в., когда они помогали афганцам, восставшим против ма-

рионеточного режима, который поддерживал Советский Союз. Разумеется, немногие в то время могли предвидеть, что Америка финансирует и поддерживает часть тех сил, которые в будущем станут ей наиболее враждебны. Но это было исключением, правда состояла в том, что большая часть азиатского континента, простирающаяся от Ирана до Китая, оставалась без внимания американцев. Рациональным объяснением тому является отдаленность этого региона от Америки и от американских интересов, констатирует Леоне.

Позднее США, как перед этим другие державы, обнаружили, что сколь бы ни была велика их военная сила, они не всегда могут сами выбрать противников, место и время конфликтов. Этот парадокс проявился самым непосредственным и сверхактуальным образом в связи с событиями 11 сентября 2001 г. Источники потенциальных конфликтов вышли за рамки тех, что были во времена «холодной войны», речь шла теперь уже не только о Северной Корее и Ираке. Работники спецслужб открыто объявили, что угрозы террористов, могущих нанести серьезный ущерб США, исходят из дюжины стран, включая и страны Центральной Азии. Кроме того, террористы находились в самой Америке.

Говоря о целях своей книги, Майер подчеркивает, что в основе ее лежат три стимула, их можно определить как желание «информировать, интерпретировать, провоцировать». Речь идет о регионе, простирающемся от Кавказа до Китая, мало известном, особенно для американцев. Большая часть из существующих там государств одно время была частью других империй. Они были подчинены России, Великобритании, Персии и Оттоманской империи. До 11 сентября 2001 г. у большинства американцев не было особых причин интересоваться положением в этих странах, однако вместе с увеличением американского военного присутствия в данном регионе усилилось любопытство к этим народам и их истории. Реальность изменилась. Нравится это или нет, но Вашингтон является столицей империи, мощная экономика которой позволяет американцам такой спектр действий, который не имеет параллелей в мире. Необходимо, однако, отметить, что США не являются империей по определению. «Наше официальное кредо является республиканским, и наши школьные учебники восхваляют наше антиколониальное происхождение», что позволяет многим американцам считать тех, кто осуществляют эту власть «или мошенниками, или сумасшедшими, или теми и другими вместе», пишет автор.

Американские военные расходы превосходят расходы всех стран – членов НАТО вместе взятых. США могут себе позволить эти расходы, потому что их экономика в 90-е годы совершила огромный скачок вперед, и таким образом администрация Буша в 2002 г. смогла затратить на оборону 329 млрд. долл., около 3,2% ВВП. Результатом стало то, что после 11 сентября Вашингтон нуждался в помощи своих союзников лишь в незначительной мере (с. 16).

Последующие главы посвящены «моделям гегемонии Великобритании и США», истории и современности России, Ирана, Пакистана, Афганистана, Кавказа и Центральной Азии.

Предложенные в свое время американским президентом Вильсоном идеи самоопределения наций и строительства на этой основе новых государств, создание более сотни таких образований «не сделали землю более близкой к утверждению на ней мира и благоденствия». Даже в наиболее мелких из этих «новых государств, анклавов и автономных республик» существуют меньшинства, права которых нарушаются. Это показывают примеры таких новообразований, как Косово, Восточный Тимор, Молдавия, Македония, Кувейт, балтийские государства или острова Фиджи. Существует и другой парадокс. В бурную эпоху глобализации мировая система государств оказывается раздробленной как никогда ранее, а ООН и ее подразделения не имеют ресурсов, возможностей, мандата и, главное, воли осуществлять конкретные действия по предотвращению человеческих и материальных катастроф в той части света, что звалась ранее Третьим миром.

В главе, посвященной Англии и США, автор пишет: «Важность приведенных аргументов станет ясной, когда речь заходит о будущем бывших пяти советских республик Центральной Азии и трех – Кавказа, все они в прошлом были вне западного проникновения и по большей части стали новыми союзниками Америки в борьбе с терроризмом. Учитывая их географическое положение, в отдельных случаях их нефтяные и газовые резервы, будет соблазнительной попытка укрепить связи с нынешними режимами, интегрировать их службы со службами США, привязать их при помощи торговых договоров к американским рынкам, насадить ячейки военных и дипломатических советников в их столицах. Моя идея состоит в том, что подобным стремлениям необходимо оказать сопротивление» (с. 58).

Завершая главу об истории России и ее бывших территориальных завоеваниях, простиравшихся до Северной Калифорнии, где русские встретились с американцами, Майер отмечает, что над страной до сих пор встает тень Петра Великого, «ее наибольшего модернизатора». «Это он с автократической предопределенностью основал великолепную столицу на Балтике и превратил примитивное войско и почти не существовавший флот в глобальную силу. Это он ввел принципы службы и заслуг как примера и авторитетности, зажег лампаду знания о западе в наиболее отсталых углах своего северного царства. Можно ли считать, что план Петра будет продолжен бывшим функционером КГБ, правящим при поддержке управляемых? При положении, сложившемся на 2002 г. (когда писалась книга. – *Реф.*), это представляется немыслимым» (с. 87).

Завершающая глава называется «Центральная Азия: Государства изобретенные, крестные отцы настоящие». Особое внимание уделено Казахстану и его лидеру Назарбаеву. Опираясь на исследования, проведенные сотрудницей Фонда Карнеги Мартой Брил Олкотт, автор пишет, что хорошо это или плохо, но Казахстан движется по пути консолидации нынешней системы правления, которая представляется выбором между автократией и олигархией (с. 288). В республике нет страха перед гражданской войной, экономической катастрофой и исламистским мя-

тежом. «Являющийся президентом с 1990 г., Назарбаев сумел в свое время стать единственным партийным лидером, пользовавшимся народной поддержкой, уважением своих коллег и доверием Михаила Горбачёва» (с. 283). Хотя достижения бесспорны, но имеются вопиющие факты коррупции, непотизма, нарушения прав человека и т.д., считает автор (с. 289–290).

Заключение книги носит название «Что делать?». Автор приводит слова Дж. Кеннеди, произнесенные в Вашингтонском университете 16 октября 1961 г. По его словам, хотя Соединенные Штаты обладают сокрушительной военной мощью, это оружие становится менее эффективным, если его применить к врагам свободы: проникновению противника на территорию свободных стран, партизанской войне и гражданским беспорядкам. Американцы, составлявшие тогда всего 6% мирового населения, не имели права, по мысли Кеннеди, навязывать свою волю остальным 94%, как нельзя было и навязывать американское решение для любой существовавшей в мире проблемы. «Это была речь, в которой проявлялись корректность и уважение к мнению других людей, что было в свое время обещано в свидетельстве о рождении американской нации», – заключает Майер (с. 312).

В.П. Любин

Хаген М.

ИМПЕРИИ, ОКРАИНЫ И ДИАСПОРЫ: ЕВРАЗИЯ КАК АНТИПАРАДИГМА ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Hagen M. von Empires, borderlands, and diasporas: Eurasia as anti-paradigm for the Post-Soviet era // American hist. rev. - Wash., 2004. - Vol. 109, N 2. - P. 445-468.

В статье американского историка Марка фон Хагена рассматривается формирование в США новых подходов к изучению истории России и стран бывшего Советского Союза, группирующихся вокруг понятия «Евразия», которым обозначили постсоветское пространство.

Распад СССР и окончание «холодной войны», наряду с определенными изменениями в самой исторической науке, явились причиной своего рода «кризиса идентичности» у историков, занимающихся этим регионом, пишет автор. В частности, в новой геополитической ситуации потребовалось название для пространства, занимаемого бывшими 15 советскими республиками. Возникший и утвердившийся сегодня термин «Евразия» является не только географическим. Он отражает процесс децентрализации исторических исследований, которые раньше фокусировались главным образом на Москве и Санкт-Петербурге, и одновременно демонстрирует стремление историков-русистов преодолеть изоляцию своей дисциплины, которая ранее находилась на «интеллектуальной периферии» американской исторической науки (с. 446).

Кроме того, в применении к историческим исследованиям региона термин «Евразия» подразумевает применение новых подходов. Во-первых, признается решающая роль империй в истории Евразии, в том числе Российской империи и Советского Союза. Во-вторых, присущие эпохе «холодной войны» представления об изолированности стран, разделенных «железным занавесом», сменились осознанием проницаемости границ между империями – отсюда повышенное внимание историков к «окраинам» и возрождение региональной истории. В-третьих, в свете сегодняшних воззрений, придающих особое значение разнообразию и мобильности в историческом процессе, особый интерес вызывают различные диаспоры и их роль в истории того или иного региона. Наконец, термин «Евразия» сигнализирует о стремлении историков освободиться от некоторых ограничений, налагавшихся прежними парадигмами, и в этом смысле «Евразия» выступает сегодня как «антипарадигма» (с. 447–448).

М. фон Хаген коротко обрисовывает две парадигмы, господствовавшие ранее в американской русистике (и не утратившие окончательно свои позиции), обозначая их как «Россия – Восток» и «Советский Союз – модернизация».

Сразу после окончания Второй мировой войны, пишет автор, господствующей тенденцией в региональных ис-

следованиях была «ориентализация» России и всей Восточной Европы, т.е. подчеркивание «восточных» черт государства и общества в этих странах. В конце 40-х – начале 50-х годов, в период наиболее острой конфронтации со сталинским режимом, многие западные историки писали о русских традициях деспотизма и империалистской экспансии, которые объяснялись, однако же, необходимостью выживания государства. Корни советской диктатуры искали и находили в Московском государстве, Византии и Орде (с. 449).

Враждебная атмосфера холодной войны помогла сформировать первое поколение профессиональных историков, подчеркивавших уникальность (или исключительность) России. Наиболее известным и последовательным представителем взглядов этого поколения является Ричард Пайпс с его акцентом на русском патримониализме и отсутствии частной собственности. И хотя Пайпс считает непосредственным предшественником советской диктатуры «полицейское государство», сложившееся в царствование Александра III, важнейшее значение для формирования «неевропейского» характера России, по его мнению, играли московские корни. В противоположность славянофилам XIX в., которые рассматривали отличие России от Европы в позитивном свете и порицали ее излишнюю вестернизацию, начавшуюся с реформ Петра, парадигма «Россия – Восток» считала непохожесть России чем-то «трагическим и решительно негативным».

Утвердившаяся в американской русистике несколько позже, уже в атмосфере хрущевской оттепели, теория модернизации, напротив, ставила во главу угла европейский путь развития России, прогрессивный, хотя и направлявшийся государством. Теория модернизации побуждала историков помещать историю России и СССР в контекст развивающихся стран Третьего мира. Точкой отсчета для новой парадигмы «Советский Союз – модернизация» являлись великие реформы 1860-х годов, и СССР трактовался как модернизирующееся государство, которое благодаря царской бюрократии начало превращаться из «отсталой крестьянской» страны в «индустриальную». «Изменения», в особенности социальные, оттеснили на задний план «преемственность», социальная история – интеллектуальную и институциональную. Историки начали признавать некоторые успехи сталинского режима, в особенности в том, что касалось образования, здравоохранения, социального обеспечения. Некоторые оптимисты, пишет автор, высказывали даже мнение о постепенной конвергенции Запада и СССР (с. 452–453).

И если парадигма «Россия – Восток» в чем-то перекликалась с воззрениями славянофилов, хотя и отличалась в своих оценках, то модернизационную парадигму автор уподобляет российскому «западничеству», которое считало целью исторического развития России превращение ее в истинно «европейскую державу». Отличительным признаком исторической науки этого периода было внимание к социальным аспектам, к макросистемам и глобальным процессам, и формирование национального государства считалось главной целью исторического развития любого государства (с. 453).

Сосуществование двух этих парадигм в западной науке не могло быть мирным. Их соперничество выливалось в длительные и острые дискуссии, в первую очередь в связи с вопросами о природе и сущности революций 1917 г., о степени жестокости сталинского режима в сравнении с Третьим рейхом и т.д.

«Евразия», выступая как антипарадигма по отношению к двум своим предшественницам, отрицает «монолитный и статичный культурный детерминизм парадигмы "Россия – Восток" и в то же время пытается учитывать значение долговременных экологических, демографических, экономических и культурных структур для понимания процессов и результатов гигантских изменений, которые изучала модернизационная парадигма», – пишет М. фон Хаген (с. 454).

При рассмотрении новой «антипарадигмы» нельзя избежать обращения к ее интеллектуальному багажу – теории евразийства, возникшей в среде русских эмигрантов в межвоенный период, указывает автор. Подробно описывая становление и сущность этой теории, на содержание которой в огромной степени повлияли катастрофические события 1914–1920 гг., он выделяет те ее аспекты, которые сегодня усваиваются и используются историками. Во-первых, это крайне критическое отношение к «близорукой» европоцентристской точке зрения и однозначно негативной оценке «азиатского» влияния на историю России. Во-вторых, это рассмотрение истории России как многонациональной империи. В то же время политическое содержание евразийской мысли в том, что касается интеллектуального оправдания имперского авторитаризма, откровенно антилиберальной идеологии и в особенности неоимпериалистских устремлений сегодняшних евразийских движений в России, на Украине и в Средней Азии, отвергаются историками. В этом как раз и заключается главная причина того, почему автор назвал новый подход к изучению истории региона «антипарадигмой» (с. 455–456).

Важнейшей частью наследия евразийской мысли, пишет он, является ее стремление разрушить «идеологизированные представления о просвещенной динамичной Европе и отсталой, статичной Азии», что открывает новые горизонты для исследователей. Конечно, сегодня, когда позади остались лингвистический и культурный поворот в истории, и широкое распространение получили постколониальные исследования, эти идеи не кажутся уже революционными, отмечает автор (с. 457). Весь этот багаж нашел свое применение в новой историографии, большой вклад в изучение проблем строительства империи вносит также социальная и культурная антропология.

В целом, указывает автор, евразийская антипарадигма отдает предпочтение сравнительной истории народов, идей и экономики в их взаимодействии. Сегодняшняя концепция Евразии, таким образом, не признает веры евразийцев в самодостаточность Российской империи, в ее «исключительный» путь развития. Отмечая неопределенность географических границ нового термина и хронологических рамок исследования, автор указывает, что поскольку Евразия не идентифицируется с формированием какого-то кон-

кретного государства, это дает новому поколению историков исключительную свободу в преодолении и пересечении установленных прежде жестких временных границ, будь то 1917, 1861 или 1989 г. Более того, те вопросы, которые ставят перед собой исследователи, не только позволяют, но и вынуждают их выходить за строгие рамки исторических периодов, разрушая таким образом строгое разделение специалистов по дореволюционной и советской истории. Такое размывание хронологических рамок представляет серьезную проблему для университетов, где все еще процветает «священное» разделение кафедр по историческим периодам, полагает автор (с. 460).

О.В. Большакова

Эш Т.

СВОБОДНЫЙ МИР. ПОЧЕМУ КРИЗИС ЗАПАДА ПРЕДОСТАВЛЯЕТ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ БЛАГОПРИЯТНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ

Ash T.G.
Free world. Why a crisis of the West reveals the opportunity of our time. – L.: Clarendon press, 2004. – 304 p.

В работе Тимоти Гартона Эша, одного из ведущих британских политологов, дается развернутый анализ состояния современного западного сообщества, утратившего былое единство перед лицом «советской угрозы» и разделившегося на два полюса – страны Евросоюза и США. Особенно болезненным этот раздел оказался для Великобритании, лидерам которой пришлось сделать нелегкий выбор.

В целом Т.Эш стремится показать, что кризисный период во взаимоотношениях между США и Европой отнюдь не подрывает глубинных основ единства Западного мира уже потому, что не является первым в его истории. В далеком прошлом постоянные противостояния и конфликты (между Римом и Византией, королевской властью и местными сеньорами, католиками и протестантами и т.д.) в конечном итоге лишь способствовали «единству не-единого Запада» (с. 11). Противоречия между западными державами существовали и на протяжении XX в., что не помешало им объединиться в НАТО и сохранить союзнические отношения, несмотря на все международные кризисы последующих десятилетий.

Конфликт на Западе, обусловленный войной в Ираке, пишет автор, сопровождался не только охлаждением международных отношений, но и распространением определенных стереотипов массового сознания по обе стороны Атлантики. Исследуя эти ментальные барьеры, Т. Эш показывает, что кризис Западного мира был предопределен «вспышкой национальных настроений в Европе. Европейцы, утратившие привычного врага в лице СССР, обрели непохожего и враждебного «другого» в лице США – единственной оставшейся сверхдержавы, еще не успевшей осознать, что править современным миром в одиночку невозможно (с. 107).

Политолог намечает явную линию раздела «европейской нации» по вопросу о том, что важнее для совершенно «американизированной» Европы сегодня – быть не такой как Америка или перейти на позиции антиамериканизма (с. 138–143). На основании большого числа статистических данных Т. Эш показывает степень не-единства «единой Европы» – от религиозной сферы до систем налогообложения. В сфере же внешней политики ЕС является еще менее монолитным, поскольку бывшие социалистические страны, и особенно страны Балтии, неразрывно связывают акт своего вступления в ЕС с альянсом с США в рамках НАТО. «Они продолжают видеть врага на Востоке, а потому предпочитают “евроат-

лантическое" единство "евроцентризму Франции и Германии"», – отмечается в работе (с. 174).

Европейское единство, подвергнутое серьезному испытанию войной в Ираке, остается зависимым и от позиции США: объективно сегодняшний мир окончательно превратился в однополярный и останется таковым в обозримой перспективе (с. 187). Под этим углом зрения Т. Эш анализирует системы стратегии, мотивации и государственных интересов США. Отмечается, что для администрации Буша НАТО хотя и была центром политической стратегии США в Европе, но стояла на последнем месте в борьбе с международным терроризмом: американцы считали, что сами в состоянии выиграть любые войны. В 2003 г. это отношение изменилось: союзники понадобились США для устройства послевоенной жизни в Афганистане и в Ираке. Что же касается собственно европейской политики, то она осталась мало предсказуемой, так как зависит от субъективных предпочтений верхушки американской администрации. Политика же немонолитного ЕС во многом определяется желанием ощущать внимание США к своему европейскому союзнику.

На вопрос, что же объединяет современную Европу и какой «враг» заставляет европейцев укреплять свое единство, Т. Эш отвечает, что средневековое противопоставление «мусульмане – христиане» для сегодняшней Европы устарело и не является определяющим. США же – не только враг, но и самый верный союзник по меньшей мере для половины Европы (с. 221–234).

В конечном итоге, в качестве важнейшего фактора объединения европейцев и американцев, по мнению Т. Эша, выступают общие задачи, стоящие перед западным миром в целом. Это ближневосточная проблема, перспективы развития Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего Китая), борьба с бедностью, проблемы окружающей среды. Таким образом, политолог рассматривает кризис как состояние, «предшествующее выздоровлению, т.е. обновленного единства свободного западного мира, способного решать стоящие перед ним грандиозные задачи» (с. 292).

В.М. Соломатина

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л.Беленький

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х-2005 гг. (Материалы к библиографии. Продолжение)

Беленький Иосиф Львович – старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

1[а]. Дополнения к 1.1. «Общие вопросы. Исследования» (см.: Россия и соврем. мир. – М., 2005. – № 4).

288. Алпатов В. Выслушать обе стороны // Отеч. записки. – М., 2005. – № 2 (23). – С. 345–352.

Рец. на кн.: Робинсон М. Судьбы академической элиты. Отечественное славяноведение. – М., 2004. – 430 с.

289. Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя: (Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР) // Кентавр. – М., 1991. – № 4. – С. 125–135.

290. Дементьев И.О. Анализ дискурса в перспективе развития отечественной историографии // Проблемы источниковедения и историографии. – Калининград, 2004. – Вып. 3. – С. 168–176. – Библиогр.: с. 176.

291. Дубровский А.М. Историк и власть: Ист. наука в СССР и концепция истории средневековой России в контексте политической идеологии: (1930–1950-е гг.). – Брянск, 2005. – 798 с.

292. Зевелев А.И. Историографическое исследование: Методологические аспекты. – М., 1987. – 160 с.

293. Историки России: Послевоенное поколение / Сост. Максакова Л.В. – М., 2000. – 238 с.

294. Каспэ И. Представление истории и представление об истории в русском Интернете // Историографические исследования в России-II: Семь лет спустя. – М., 2003. – С. 17–34.

295. Каширин С.В. Развитие марксистско-ленинской концепции в исторической науке: (конец 1920 – начало 1930) // Научные труды аспирантов и докторантов. – М., 2004. – Вып. 13. – С. 9–34.

296. Курепин А.А. Методологическое «перевооружение» научных работников Ленинграда в 1920–1930-е годы // Клио. – СПБ., 2004. – № 1 (24). – С. 128–138.

297. Литвак Б.Г. Портрет субъекта историографии России на стыке эпох // Отечественная история XX века. – М., 2004. – С. 436–443.

298. Мамонтова М.А. Особенности формирования научного сообщества историков ОмГУ (по материалам партийных документов) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – С. 40–45.

299. Матвеева Н.В. Особенности формирования послевоенного поколения советских историков (на примере Томского государственного универси-

тета) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 35–40.

300. Медведев И. Петербургское византиноведение: Страницы истории. – СПб., 2006. – 334 с.

301. Михайлова Е.Е. Российская историческая наука рубежа XIX–XX вв. в проблемном поле позитивизма // Вопросы истории и обществознания. – Ярославль, 2004. – С. 3–9.

302. Панеях В. Историографические этюды. – СПб., 2005. – 241 с.

303. Робинсон М.А. Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х гг. // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 1991. – С. 111–135.

304. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900–2000 гг.): Ист. обзор / Рук. проекта, предисл.: Тихвинский С.Л.; Сост. Меньшова Н.М. – М., 2005. – 202 с. – Указ. имен.: с. 191–200.

305. Рыженко В.Г. Возможности материалов личных архивов для изучения региональных аспектов проблемы «Историк и власть. Сибирь. XX век» (по материалам ГАНО) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 28–34.

306. Соловей В.Д. Роль Института красной профессуры в становлении советской исторической науки и разработке проблем отечественной истории (1921–1938 гг.): Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 21 с.

307. Самарина Н.Г. Отечественная историческая наука в советскую эпоху: Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2002. – 176 с.

308. Сидорова Л.А. Советские историки послевоенного поколения: Собирательный образ и индивидуализирующие черты // Истории и историки: Историограф. вестн. 2004. – С., 2005. – С. 208–223.

309. Сидорова Л.А. Три поколения советских историков // Отечественная история XX века. – М., 2004. – С. 189–198.

310. Формозов А.А. Рассказы об ученых. – Курск, 2004. – 123 с.

311. Чечель И.Д. Исследование современной интеллектуальной истории: Советское общественное сознание: 1985–1991 гг. // Становление демократии в современной России: От Горбачёва до Путина. Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей. – М., 2004. – С. 154–170.

312. Чудакова М. В защиту двойных стандартов // Новое лит. обозрение. – М., 2005. – № 74. – С. 203–261.

313. Шарова А.В. Опыт «выживания»: Медиевистика в СССР 30–50-х гг. // Интеллигенция и власть. – М., 1999. – С. 112–123.

314. Шарова А.В. Сороковые...: Страницы из истории отечественной медиевистики // Труды Историко-Архивного института. – М., 1996. – Т. 33. – С. 244–326.

315. Шепелева В.Б. Некоторые современные отечественные теоретико-исторические представления и вызовы современности // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 11–19.

316. Шмидт С.О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. – М., 2005. – № 8(126). – С. 296–362.

2. Репрессированная наука

2.1. Исследования

317. «Академическое дело» / Беседа с Леоновым В.В. // Библиография. – М., 1998. – № 1. – С. 85–94.

318. Алпатов В.М. Мартиролог востоковедной лингвистики // Вестн. АН. – М., 1990. – № 12. – С. 310–319.

319. Ананьич Б.В., Панеях В.М. «Академическое дело» 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России // Россия в IX–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999. – С. 38–39.

320. Ананьич Б.В., Панеях В.М. Принудительное «соавторство». (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.» Вып. 1) // In Memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. – М., 1995. – С. 87–111.

321. Ананьич Б.В., Панеях В.М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 гг. // Рус. ист. журн. – М., 1999[2001]. – Т. II. № 3. – С. 93–113.

322. Анастасьин Д., Вознесенский И. [Перченок Ф.Ф.]. Начало трех национальных академий // Память: Ист. сб. – Париж, 1982. – Вып. 5. – С. 169–225.

323. Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. Медведева И.П. – СПб., 1995. – 462 с.

Из содерж.: Климанов Л.Г. Н.П. Лихачёв: Византиноведение в рукописном наследии ученого, с. 181–212; Фихман И.Ф. Г.Ф. Церетели в петербургских архивах: Портрет ученого, с. 226–258; Медведев И.П. В.Н. Бенешевич: Судьба ученого, судьба архива, с. 339–388.

324. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Востоковеды «в деле» Российской национальной партии // Восток. – М., 1994. – № 5. – С. 228–229.

325. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. Толстой Н.И. – М., 1994. – 285 с. – Имен. указ.: с. 256–271.

Рец.: Панов М.В. // Вопр. языкознания. – М., 1996. – № 1. – С. 154–159.

326. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М, Насилов Д.М. Репрессированная тюркология / РАН. Ин-т востоковедения. – М., 2002. – 295 с., [4] л. ил. – Библиогр.: с. 289–292.

327. Брачев В.С. «Дело историков», 1929–1931 гг. – СПб., 1997. – 113 с.

328. Брачев В.С. Дело историков, 1929–1931 гг. – 2-е изд. – СПб., 1998. – 125 с.

329. Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как Академия наук училась послушанию // Вестн. АН СССР. – М., 1990. – № 4. – С. 120–128.

330. Васильков Я.В. Востоковеды и Публичные библиотеки – жертвы репрессии // Восточный сборник. – СБ., 1993. – Вып. 5. – С. 231–245.

331. Васильков Я.В., Гришина А.М. Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессии в 20–50-е годы // Народы Азии и Африки. – М., 1990. – № 4. – С. 114–125; № 5. – С. 94–105.

332. Вознесенский И. [Перченок Ф.Ф.]. Имена и судьбы // Память лит. сб. – Нью-Йорк, 1978. – Вып. 1. – С. 353–410.

333. Вознесенский И. [Перченок Ф.Ф.]. Материалы к истории Академии наук // Память. – Париж, 1981. – Т. 4. – С. 459–466.

334. Вознесенский И. [Перченок Ф.Ф.]. Только востоковеды // Память. – Париж, 1981. – С. 429–465.

335. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопереселенцев: Образование, развитие, ликвидация, 1921–1935: Бывшие чл. о-ва во время Большого террора: Материалы междунар. науч. конф. (26–28 окт. 2001 г.) / Сост.: Леонтьев Я.В., Юнге М. – М., 2004. – 399 с. – Имен. указ.: с. 381–393.

336. Горянинов А.Н. Еще раз об «академической истории» // Вопр. истории. – М., 1990. – № 1. – С. 180–181.

337. Горянинов А.Н. «Ленинградская правда» – коллективный организатор «великого перелома» в Академии наук // Вест. АН СССР. – М., 1991. – № 12. – С. 107–114.

338. Горянинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х гг. // Сов. славяноведение. – М., 1990. – № 2. – С. 78–89.

339. Горянинов А.Н., Петровский Л.Н. Тоталитаризм и славяноведение: К изучению источников по истории советской науки 20-х – начала 50-х гг. / Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. – М., 1995. – С. 256–280.

340. Кольцов А.В. Выборы в Академию наук СССР 1929 г. // Вопр. истории естествознания и техники. – М., 1996. – № 3. – С. 53–65.

341. Купайгородская А.П. Деятели русской науки под присмотром ОГПУ и РКР(б): Ленинград, середина 20-х годов) // Деятели русской науки XIX–XX веков. – СПб., 2000. – Вып. 2. – С. 124–137.

342. Левин А.Е. Заговор монархистов: Кому он был нужен? / Вест. АН СССР. – М., 1991. – № 1. – С. 123–126.

343. Леонов В.П. Академическое дело 1929–1931 гг. // Петербургская Академия наук в истории академий мира. – М., 1994. – Т. 1. – С. 97–107.

344. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. – СПб., 2003. – 496 с.

345. Мартиролог исследователей древнерусской литературы // Вест. РАН. – М., 1994. – № 2. – С. 147–148.

346. Матвеева Л.В., Цыганкова Э.Г. Всеукраинская академия наук. Год 1929-й // In Memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. – М.; СПб., 1995. – С. 112–140.

347. Милибанд С.Д. Дополнения и исправления к «Библиографическому словарю отечественных востоковедов» // Восток = Oriens. – М., 1997. – № 3. – С. 201–212; № 5. – С. 198–216; № 6. – С. 206–212; 1999. – № 3. – С. 210–214.

348. Панеях В.М. К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время. – Ростов, 2003.

349. Панеях В.М. Опыт подготовки издания «Академического дела» 1929–1930 гг. // Проблемы публикации документов по истории России XX в. – М., 2001. – С. 208–214.

350. Перченок Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 163–235.

351. Перченок Ф.Ф. Дело «Академии наук» // Природа. – М., 1991. – № 4. – С. 96–104.

352. Перченок Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советс-

кой науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 201–235.

353. Перченок Ф.Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In Memoriam: Ист.сб. памяти Ф.Ф. Перченка. – М.; СПб., 1995. – С. 141–210.

354. Перченок Ф.Ф. Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: Репрессированных ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 236–254.

355. Перченок Ф.Ф. Я решительно настаиваю / Письмо начальника СПб. управ. МБ РФ. 1992 // In Memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. – М., 1995. – С. 8–18.

356. Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Тумаркин Д.Д. – М., 1999–2003.

Вып. 1. – 1999. – 343 с.

Вып. 2. – 2003. – 495 с.

357. Решетов А.М. Репрессированные этнографы: Люди и судьбы // Кунсткамера. – СПб., 1994 – Вып. 4. – С. 185–221; 1995. – Вып. 5/6. – С. 342–368.

358. Розенталь И.С. Еще раз о заговоре монархистов // Вестн. АН СССР. – М., 1991. – № 1. – С. 126–128.

359. Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. Медведева И.П. – СПб., 1999. – 632 с.

Из содерж.: Басаргиня Е.Ю. Ф.И. Шмидт: Материалы к биографии, с. 438–496; Медведев И.П. Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения, с. 574–611.

360. Тендрякова М.В. [Рецензия] // Этногр. обозрение. – М., 1999. – № 5. – С. 169–172.

Рец. на кн.: Репрессированные этнографы. – Вып. 1. / Сост. и отв. ред. Тумаркин Д.Д. – М., 1999. – 343 с.

361. Соболев В.С. Академия и власть (1918–1930) // Вестн. РАН. – М., 1998. – № 2. – С. 176–182.

362. Тамазишвили А.О. [Рецензия] // Бюллетень Общества востоковедов. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 236–251.

Рец. на кн.: Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в Советский период (1917–1991). – М., 2003. – 496 с.

363. Фомичев С., Лавров А. Дело о «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» // In Memoriam: Сб. памяти Аллоя В. – СПб.; Париж, 2003. – С. 418–450.

364. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Рос. археология. – М., 1998. – № 3. – С. 191–206. – Библиогр.: с. 204–206.

365. Штакльберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предис., послесл. и публ. Ананьича Б.В.; Примеч. Правиловой Е.А. // In Memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перченка. – М.; СПб., 1995. – С. 19–86.

2.2. Публикации документальных материалов

366. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) 1922–1952. – М.: РОССПЭН, 2000. – 591 с.

С. 226–227. О постановке вопросов истории на ближайшей сессии Академии наук СССР. 21 февр. 1936 г.

С. 267–268. О проф. Тарле. 25 апр. 1938.

С. 309–310. Об «Историческом журнале». 2 июля 1945.

С. 402. О мерах по улучшению работы журнала «Вопросы истории» 1949.

367. Академия наук СССР и ЦК ВКП(б) 1927–1930 гг. / Публ. Зеленова М.В. // Ист. архив. – М., 1997. – № 4. – С. 123.

368. Алаторцева А.И. Начало «дела» Академии наук: Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ 24 августа 1929 г. // Ист. архив. – М., 1993. – № 1. – С. 117–129.

369. Документы, современные «Академическому делу» 1929–1931 годов / Предисл. Шмидта С.О. // Археографический ежегодник за 2001 год. – М., 2002. – С. 411–444.

370. «Его отсутствие будет бедствием»: Письма в защиту репрессированных / Публ. Гончарова В. // Источник. – М., 1998. – № 2. – С. 49–58.

Письма начала 1920-х в защиту репрессированных А.А. Ухтомского, И.Ю. Крачковского, Н.В. Голицина.

371. «Осталось еще немало хлама в людском составе»: Как начиналось «дело Академии наук» // Источник. – М., 1997. – № 3. – С. 105–126.

372. «Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР / Публ. подгот. Коротков А.В. и др. // Источник. – М., 1996. – № 3. – С. 109–140.

373. Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. / Публ. Юрьевой М. и Рейзмана Д. // Звенья: Ист. альманах. – М.; СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 580–599.

3. Некоторые историографические концептуализации

384. Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е г. // Сов. славистика. – М., 1991. – № 5. – С. 83–94.

385. Алаторцева А.И. Дискуссия о «народной воле» в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. – М., 1990. – С. 209–231.

386. Арис Н. Добровольно-принудительная история: Об участии рабочих в проекте «История Московского метро» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. – М., 2002. – С. 88–102.

387. Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России: Исследования последних лет. – М., 1996. – С. 308–331.

388. Багдасарян В.Э. Проблема мифологизации истории в отечественной литературе 1990-х гг. – М., 2000. – 102 с. – Библиогр.: с. 90–101.

389. Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. – М., 1999. – 515 с. – Библиогр.: с. 453–515.

390. Бовыкин В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции / История СССР. – М., 1988. – № 5. – С. 67–100.

391. Болтин Е.А. Б.М. Шапошников: «Такой номер сейчас нельзя выпускать: Он поссорит нас с Германией» // Во-

енно-ист. журн. – М., 2004. – № 7. – С. 53.

Судьба 1-го номера «Военн.-ист. журн.» за 1939 г.

392. Бордюгов Г., Бихарев В. Национальные историки в революциях и конфликтах советской истории. – М., 1999. – 68 с.

393. Добренко Е. Молоко современности и творог истории: Нарратив как способ производства социализма // Вопр. лит. – М., 2004. – Вып. 2. – С. 25–67.

«Истории фабрик и заводов».

394. Дубровский А.М. Историки и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории федеральной России (1930–1950-е гг.). – Брянск, 2005. – 800 с.

395. Дубровский А.М. От «нации Обломовых» к «великому русскому народу» // Страницы истории. – Брянск, 2001. – С. 176–190.

396. Дубровский А.М., Прудникова Е.П. Идейное перевооружение: Патриотизм и идеология большевиков (1920–1940-е гг.) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: Сб. ст. и материалов. – Брянск. – Вып. 3. – С. 55–91.

397. Дунаевский В.А. Принципиальная позиция ученого // Новая и новейшая история. – Саратов, 1991. – Вып. 13. – С. 139–146.

Публикация письма профессора СГУ А.Ф. Остальцевой в редакцию журнала «Новая и новейшая история» по поводу появившейся в № 6 журнала за 1967 г. рецензии Г.Ф. Заставенко и В.П. Серегина на статью В.А. Дунаевского «Большевики и германские левые на международной арене», опубликованную в сборнике «Европа в новое и новейшее время» (М., 1966).

398. Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. – М., 1997. – 215 с. – Библиогр.: с. 182–212.

399. Иллерицкая Н.В. Современная историографическая ситуация сквозь призму перестройки // Двадцать лет перестройке: Эволюция гуманит. знания в России. – М., 2005. – С. 13–20.

400. Константинов С.В., Ушаков А.И. История после истории: Образы России на постсов. пространстве. – М., 2001. – 207 с.

401. Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования: Новейшая историография. – М., 1999. – 222 с.

402. Котеленец Е.А. Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. – М., 2001. – 67 с. – Библиогр.: с. 59–67.

403. Котеленец Е. Харизматический властный союз: Новейшие исслед. о Ленине и его полит. окружении. – М., 2000. – 71 с.

404. Кузнецова Н.В. Кампания против «космополитизма» в вузах и НИИ Саратова в 1947–1949 гг. // Историк и историография: Материалы, посвященные 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. – Саратов, 1999. – С. 235–243.

405. Леушин М.А. История татар перед судом ЦК ВКП(б): Документальная история известного постановления // Гасырлараваз = Эхо веков: Историко-документальный журнал. – Казань, 1996. – № 3–4. – С. 84–95.

406. Мерзляков Л.И. Россия в эпоху поздней империи: Совр. отеч. обществ.-науч. мысль о пробл. соц.-экон. развития.– Саратов, 2003. – 185 с.

407. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война: Из непрочит. страниц истории (1930–1990-е). – М., 1994. – 403 с.

408. Миллер А.И. «Ментельные карты» историка и связанные с ними опасности // Исторические записки. – М., 2002. – Вып. 5 (123). – С. 323–333.

409. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Аймермахер К., Анчабадзе Ю., Арутюнян Б. и др.; ... Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в. и др.; Под ред. Аймермахера К., Бордюгова Г.; Предисл. Бомсдорфа Ф. – М., 1999. – 440 с. Указ. имен: с. 425–433.

410. Национальные истории в советских и постсоветских государствах // Под ред. Аймермахера К., Бордюгова Г.; Предисл. Бомсдорфа Ф. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2003. – 432 с.

411. «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Междунар. науч. конф. 24–25 мая 2001. – СПб., 2001. – 303 с.

412. Петров К.В. Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 6–30.

Формирование концепции истории России IX–XVII вв. в отечественной исторической науке.

413. Проблемы истории России IX–XVIII вв.: Историографический обзор / Андреев А.Г., Богданова Н.А., Бутырская И.Г. и др.; Под ред. Андреева А.Г. – СПб., 1999. – 203 с.

414. Родиков М.Л. Российская деревня: Дискуссии о путях развития и уроки аграрных реформ (конец XIX – 20-е гг. XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 1996. – 22 с.

415. Романенко С.А. История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века: Почему и как возрождается сознание «закрытого о-ва»? / Ин-т «Открытое о-во». – М., 1997. – 47 с. – (История и культура). – Библиогр.: с. 45–47.

416. Российское многонациональное государство: Формирование и пути исторического развития // История и историки. – М., 1995. – С. 6–167.

417. «Свое» и «чужое» прошлое, или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах: Материалы обсуждения на Междунар. науч. конф. «Создание нац. историй» (15–16 сент. 1998 г., Москва). – М., 1999. – 54 с.

418. Соколов В.Ю. К вопросу об изучении дискуссии советских историков конца 1920 – начала 1930-х гг. о финансовом капитале в России. – Томск, 1985. – 19 с. – Библиогр.: с. 18–19. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 23455.

419. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России начала XX в.: Сов. историография 50–60-х гг. – М., 1990. – 292 с.

420. Тарновский К.Н. Разработка социально-экономической истории России [эпохи империализма] // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985. – Т. 5. – С. 316–337.

421. Трепалов В.В. Народы России в школьных учебниках по отечественной истории // Отеч. история. – М., 2003. – № 1. – С. 114–120.

422. Трофимов А.В. Советское общество 1953–1964 годов в отечественной историографии: Политика и экономика: Автореф. дис. – Екатеринбург, 1999. – 43 с. – Библиогр.: с. 42–43.

423. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): Проблемы историографии. – Астрахань, 2001. – 169 с.

424. Ушаков Н.М. Концептуальные проблемы аграрных отношений пореформенной России в современной историографии. – Астрахань, 1999. – 111 с.

425. Шепелева В.Б. Новейшая история России первой трети XX века: Учеб. пособие / Ом. гос. ун-т. – Омск, 2002.

Кн. 1: Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России по материалам отечественной и зарубежной историографии. – 250 с.

426. Шувалов В.И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX вв. – М., 2001. – 227 с. – Библиогр.: с. 189–225.